

Джераг Дарфем

**ЗООПАРК
В МОЕМ БАГАЖЕ**

Джеральд Даррел

Зоопарк в моем багаже

В книге всемирно известного английского зоолога и писателя Джеральда Даррела рассказывается о его длительном путешествии в горное королевство Бафут и удивительных приключениях в тропическом лесу, о нравах и обычаях местных жителей, а также о том, как отлавливают и приручают диких животных для зоопарка. Автор откроет для читателей дивный, экзотический мир Западной Африки и познакомит с интересными фактами из жизни ее обитателей.

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	0005
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ В ПУТИ.....	0009
#1.....	0009
Глава первая Строптивый питон.....	0009
Глава вторая Лысые птицы.....	0020
ЧАСТЬ ВТОРАЯ СНОВА В БАФУТЕ.....	0034
#1.....	0034
Глава третья Звери Фона.....	0034
Глава четвертая Звери в банках.....	0049
Глава пятая Звери-кинозвезды.....	0057
Глава шестая Звери с человеческими руками.....	0065
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ К ПОБЕРЕЖЬЮ И В ЗООПАРК.....	0077
#1.....	0077
Глава седьмая Зоопарк в нашем багаже.....	0077
Глава восьмая Зоопарк в пригороде.....	0086
Заключительное слово.....	0096
Послесловие.....	0097

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Эта хроника шестимесячного путешествия, которое мы с женой совершили в Бафут, королевство горной саванны в Британском Камеруне[1], в Западной Африке. Смею сказать, что нас привела туда не совсем обычная причина. Мы задумали устроить свой собственный зоопарк.

После войны я одну за другой снаряжал экспедиции в разные концы света за дикими животными для зоологических садов. Из многолетнего горького опыта я знал, что самая тяжелая, самая грустная часть такой экспедиции – ее конец, когда после нескольких месяцев неуспешных забот и ухода за животными надо с ними разлучаться. Если вы заменяете им мать, отца, добываете пищу и оберегаете от опасностей, достаточно и половины года, чтобы между вами возникла настоящая дружба. Животное не боится вас и, что еще важнее, ведет себя при вас совсем естественно. И вот, когда дружба только-только на-

чинает приносить плоды, когда появляется исключительная возможность изучать повадки и нрав животного, надо расставаться.

Я видел только один выход – завести свой собственный зоопарк. Тогда я смогу привозить животных, заранее зная, в каких клетках они будут жить, какой корм и какой уход будут получать (к сожалению, в некоторых зоологических садах в этом нельзя быть уверенным), и никто не помешает мне изучать их в свое удовольствие. Конечно, мой зоопарк придется открыть для посетителей, он будет своего рода самоокупающейся лабораторией, где можно держать добытых мной животных и наблюдать за ними.

Но была еще одна, на мой взгляд, более важная причина создать зоопарк. Меня, как и многих людей, очень тревожит то обстоятельство, что повсеместно из года в год человек медленно, но верно, прямо или косвенно истребляет разные виды диких животных. Много уважаемых организаций не жалея сил пытаются решить эту проблему, но я знаю массу видов, которые не могут рассчитывать на надлежащую защиту, так как они слишком мелки и не представляют ценности ни для коммерции, ни для туризма. В моих глазах истребление любого вида – уголовный акт, равный уничтожению неповторимых памятников культуры, таких, как картины Рембрандта или Акрополь. Я считаю, что одной из главных задач всех зоопарков мира должно быть создание питомников для редких и исчезающих видов. Тогда, если дикому животному грозит полное истребление, можно будет хотя бы сохранить его в неволе. Много лет я мечтал учредить зоопарк, который поставил бы себе эту цель, и вот как будто пришло время начать.

Любой рассудительный человек, замыслив такое дело, сперва оборудовал бы зоологический сад, а уж потом добывал бы животных. Но за всю мою жизнь мне редко удавалось чего-либо достичь, действуя согласно логике. И я, как и следовало ожидать, сперва раздобыл животных и только после этого принялся искать участок для зоопарка. Это оказалось далеко не просто, и теперь, оглядываясь на прошлое, я поражаюсь собственной дерзости.

Итак, это рассказ о том, как я создавал зоопарк. Прочтя книгу, вы поймете, почему зоопарк довольно долго оставался в моем багаже.

Письмо с нарочным

Сидя на увитой бугенвиллеей веранде, я смотрел на искристые голубые воды залива Виктория, испещренного множеством лесистых островков – словно кто-то небрежно рассыпал на его поверхности зеленые меховые шапочки. Лихо посвистывая, пролетели два серых попугая, и в ярком синем небе призывно отдалось их звонкое "ку-ии". Маленькие лодки черными рыбами сновали между островами, и через залив до меня доносились невнятные крики и речь рыбаков. Вверху, на затеняющих дом высоких пальмах, без умолку щебетали ткачики, прилежно отрывая от листьев полоски для своих гнезд-корзинок, а

за домом, где начинался лес, птица-медник монотонно кричала: "Тоинк... тоинк... тоинк" – словно кто-то безостановочно стучал по крохотной наковальне. По спине у меня катился пот, рубашка взмокла, а стакан пива рядом на столке быстро нагревался. Я снова в Западной Африке...

Оторвав взгляд от крупной оранжевоголовой агамы, которая взобралась на перила и усердно кивала, будто приветствуя солнце, я опять принялся за письмо.

Фону Бафута,
Дворец Фона,
Бафут,
Округ Беменда,
Британский Камерун.

Я остановился, ища вдохновения. Закурил сигарету, обзрел потные следы, оставленные моими пальцами на клавишах пишущей машинки, отпил глоток пива и сердито посмотрел на письмо. По ряду причин мне было трудно его составить.

Фон Бафута – богатый, умный, обаятельный монарх, правитель обширного государства, которое раскинулось среди саванны в горах на севере. Восемь лет назад я провел несколько месяцев в его стране, собирая обитающих там необычных, редких животных. Фон оказался чудесным хозяином, и мы устраивали немало великолепных вечеринок, ибо владыка Бафута твердо верит, что жизнью надо наслаждаться. Я изумлялся его способности поглощать спиртное, его могучей энергии и юмору и, вернувшись в Англию, в книге об этой экспедиции попытался нарисовать его портрет, показать проницательного и доброго человека, по-детски умеющего веселиться, большого любителя музыки, танцев, вина и прочего, что придает жизни прелесть. Теперь я собирался опять навестить Фона в его уединенном и прекрасном королевстве и возобновить нашу дружбу. Однако я был слегка обеспокоен. Слишком поздно меня осенило, что созданный мной портрет может быть неверно понят, что Фон мог усмотреть в нем изображение престарелого алкоголика, который проводит дни, накачиваясь вином среди выводка жен. Поэтому я не без трепета принялся писать ему письмо, чтобы выяснить, буду ли я желанным гостем в его королевстве. Вот вам обратная сторона литературного труда... Я вздохнул, затушил сигарету и начал.

Мой дорогой друг!

Возможно, ты уже слышал, что я вернулся в Камерун снова добывать животных, чтобы отвезти их к себе на родину. Как ты помнишь, когда я был здесь последний раз, я приехал в твою страну и поймал там самых интересных животных. И мы очень хорошо повеселились.

Теперь я приехал опять, привез с собой жену, и мне хотелось бы познакомиться ее с тобой и показать ей твою замечательную страну.

Можно нам приехать в Бафут и погостить у тебя, пока мы будем ловить животных? Я хотел бы, как в прошлый раз, поселиться в твоём рестхаузе, если ты позволишь. Надеюсь, ты мне ответишь?

Искренне твой,
Джсеральд Даррел

Я отправил это послание с гонцом, приложив две бутылки виски и строго-настрого наказав гонцу, чтобы он не выпил их по дороге. Теперь нам оста-

валось только ждать и надеяться, а гора нашего снаряжения тлела тем временем под раскаленным от солнца брезентом, и оранжевоголовая агама отсыпалась на вершине этой горы. Через неделю гонец вернулся и вытащил из кармана рваных серо-зеленых шортов письмо. Я живо разорвал конверт, положил листок на стол, и мы с Джеки наклонились над ним.

Дворец Фона,

Бафут, Беменда.

25 января 1957 года.

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 23-го получил с большой радостью. Я был счастлив, когда прочел его и узнал, что ты снова в Камеруне.

Я буду ждать тебя, приезжай в любое время. Оставайся у нас, сколько захочешь, никаких возражений. Мой рестхауз всегда открыт для тебя, когда бы ты ни приехал. Пожалуйста, передай мой искренний привет своей жене и скажи ей, что у нас найдется, о чем поболтать, когда она приедет.

Преданный тебе,

Фон Бафута

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ В ПУТИ

Письмо с нарочным

Зооинспектору,
Управление ОАК,
Мамфе

Глубокоуважаемый сэр!

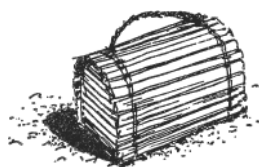
Я был вашим поставщиком, когда вы в первый раз приезжали в Камерун, и добывал для вас различных животных.

Посылаю вам с моим слугой животное, не знаю, как оно называется. Прошу вас назначить цену по вашему усмотрению и прислать мне деньги. Этот зверь прожил в моем доме около трех с половиной недель.

С уважением, сэр,
остаюсь

искренне ваш,

Томас Тембик, охотник

Глава первая Строптивный питон

Я решил, что по пути в Бафут мы задержимся на десять дней, в городке под названием Мамфе. Здесь кончается судоходная часть реки Кросс, и дальше простирается безлюдный край. Во время своих двух предыдущих приездов в Камерун я убедился, что Мамфе – очень удобная звероловная база.

Мы выехали из Виктории внушительной колонной в три грузовика. На первом – Джеки и я, на втором – наш молодой помощник Боб, на третьем – Софи, моя многострадальная секретарша. В пути было жарко и пыльно, и на третий день, когда наступили короткие зеленые сумерки, мы добрались до Мамфе, измученные голодом и жаждой и покрытые с ног до головы тонким слоем красной пыли. Нам посоветовали обратиться по прибытии к управляющему "Объединенной Африканской Компании", и вот наши грузовики, рыча, одолели подъездную аллею, взвизгнули тормозами и остановились перед великолепным, сияющим огнями домом.

Ничего не скажешь, этот дом занимал лучшее место во всем Мамфе. Его воздвигли на макушке конического холма, один склон которого круто падает к реке Кросс. Когда стоишь на краю сада, обнесенного непрременной живой изгородью из кустов гибискуса, и с высоты четырехсот футов смотришь в уще-

лье, внизу виден густой кустарник и деревья, прилепившиеся на тридцатифутовых гранитных скалах, покрытых плотным ковром дикой бегонии, мха и папоротника. У подножия этих скал, среди сверкающего белого песка и причудливых полосатых плит, словно тугой коричневый мускул, извивается река. На противоположном берегу вдоль реки тянулись маленькие возделанные участки, а за ними стеной возвышался лес. Поражая глаз обилием оттенков и форм, он простирался в дальние дали, где расстояние и знойное марево превращали его в мглистый, трепещущий зеленый океан.

Но когда я вылез из раскаленного грузовика и спрыгнул на землю, мне было не до красивых видов. В эту минуту я больше всего на свете хотел пить, купаться и есть, все в указанной последовательности. А еще мне был нужен деревянный ящик для нашего первого зверя. Речь шла о чрезвычайно редком животном, детеныше черноногой мангусты, которого я приобрел в деревне в двадцати пяти милях от Мамфе, где мы останавливались, чтобы купить фруктов. Я был очень рад, что наша коллекция начинается таким редким экспонатом, но моя радость поумерилась, после того как я два часа промучился с мангустой в кабине грузовика. Малыш решил непременно обрыскать все уголки и закоулки, и, боясь, как бы он не застрял в рычагах и не сломал себе ногу, я посадил его к себе за пазуху. Первые полчаса мангуста, фыркающая носом, сновала вокруг моей поясицы. В следующие полчаса она пыталась прокопать своими острыми коготками дырочку у меня в животе, когда же я убедил звереныша прекратить это занятие, он захватил пастью кожу на моем боку и принялся упоенно сосать, орошая меня нескончаемым потоком горячей, остро пахнущей мочи. Весь в пыли, мокрый от пота, я от этой процедуры не стал краше, и, когда шагал вверх по ступенькам дома управляющего ОАК с болтавшимся из-под застегнутой на все пуговицы мокрой рубахи мангустовым хвостом, вид у меня был довольно эксцентричный. Сделав глубокий вдох и стараясь держаться непринужденно, я вошел в ярко освещенную гостиную, где вокруг карточного стола сидели трое. Они вопросительно посмотрели на меня.

– Добрый вечер, – сказал я, чувствуя себя не совсем ловко. – Моя фамилия Даррел.

Кажется, после встречи Стенли и Ливингстона такая реплика не очень-то звучит в Африке. Все же из-за стола поднялся невысокий человек с черным чубом и, дружелюбно улыбаясь, пошел мне навстречу. Мое внезапное появление и странный вид как будто ничуть его не удивили. Он крепко пожал мне руку и серьезно посмотрел в глаза:

– Добрый вечер. Вы, случайно, не играете в канасту?

– Нет, – оторопел я. – К сожалению, не играю. Он вздохнул, словно оправдались его худшие опасения.

– Жаль... очень жаль. – И он наклонил голову набок, изучая мое лицо.

– Как вы сказали, ваше имя? – спросил он.

– Даррел... Джеральд Даррел.

– Силы небесные, – воскликнул он, озаренный догадкой, – это вы тот одержимый зверолов, о котором меня предупреждали в правлении?

– Очевидно, да.

– Послушайте, старина, но ведь я вас ждал два дня назад. Где вы пропадали?

– Мы были бы на месте два дня назад, если б наш грузовик не ломался с та-

ким нудным постоянством.

– Да, здешние грузовики чертовски ненадежны, – сказал он, словно поверяя мне секрет. – Выпьете стопочку?

– С превеликим удовольствием, – пылко ответил я. – Можно, я схожу за остальными? Они ждут там в грузовиках.

– Ну конечно, ведите их, что за вопрос. Я всех угощаю!

– Большое спасибо. – Я повернулся к двери.

Хозяин поймал меня за руку и потянул обратно.

– Скажите, дружище, – произнес он хриплым шепотом, – я не хочу вас обидеть, но все-таки: это мне из-за джина мерещится или ваш живот всегда так колышется?

– Нет, – спокойно ответил я, – это не живот. У меня мангуста за пазухой.

Он пристально посмотрел на меня.

– Вполне разумное объяснение, – вымолвил он наконец.

– Да, – сказал я, – и притом это правда.

Он вздохнул.

– Что ж, лишь бы дело было не в джине, а что у вас под рубашкой, мне все равно, – серьезно заявил он. – Ведите остальных, и мы до обеда раздавим стопочку-другую.

Так мы вторглись в дом Джона Гендерсона. В два дня мы превратили его в самого, должно быть, многострадального хозяина на западном побережье Африки. Для человека, дорожащего своим уединением, приютить у себя четверых незнакомцев – поступок благородный. Если же он не любит никакой фауны, даже относится к ней с какой-то опаской и тем не менее предоставляет кров четверым звероловам, это героизм, для описания которого нет слов. Через двадцать четыре часа после нашего приезда на веранде его дома кроме мангусты были расквартированы белка, галаго и две обезьяны.

Стоило Джону выйти за дверь, как его тотчас хватал за ноги молодой бабуин. Пока он привыкал к этому, я разослал письма местным охотникам, своим старым знакомым, собрал их всех вместе и объяснил, какие звери мне нужны. Теперь нам оставалось только сидеть и ждать результатов. Они последовали не сразу. Но вот в один прекрасный день на аллее показался охотник Огастин. Он был в красно-синем саронге и, как всегда, подтянутый и деловитый. Его сопровождал один из самых рослых камерунцев, каких я когда-либо видел, здоровенный хмурый детина шести футов, черный, как сажа, в отличие от золотисто-смуглого Огастина. Он тяжело ступал огромными ножищами, и я даже решил сперва, что у него слоновая болезнь. У крыльца они остановились. Огастин расплылся в радостной улыбке, а его товарищ пытливо оглядел нас, словно старался определить наш чистый вес глазом кулинару.

– Доброе утро, сэр, – сказал Огастин и поддернул свой яркий саронг, чтобы он лучше держался на тощих бедрах.

– Доброе утро, сэр, – подхватил великан. Голос его звучал подобно далекому раскату грома.

– Доброе утро... Вы принесли зверей? – с надеждой спросил я, хотя у них не было в руках никаких животных.

– Нет, сэр, – скорбно ответил Огастин, – зверей у нас нет. Мы пришли просить масу, чтобы маса одолжил нам веревку.

– Веревку? Зачем вам веревка?

– Мы нашли большого боа, сэр, там в лесу. Но без веревки нам его никак не взять, сэр.

Боб, специалист по рептилиям, подскочил на стуле.

– Боа? – взволнованно сказал он. – Что он хочет сказать... боа?

– Они называют так питона, – объяснил я.

У пиджин-инглиш есть свойство, которое особенно сбивает с толку натуралиста, – это обилие неправильных названий для различных животных. Питонов именуют боа, леопардов тиграми и так далее. В глазах Боба загорелся фанатический огонек. С той минуты, как мы сели на судно в Саутгемптоне, он почти только о питонах и толковал, и я знал, что ему свет не будет мил, пока он не пополнит нашу коллекцию одним из этих пресмыкающихся.

– Где он? – Боб не мог скрыть своего волнения.

– Он там, в лесу, – ответил Огастин и широким взмахом руки отмерил добрых пятьсот квадратных миль леса. – Он там, в норе под землей.

– А большой? – спросил я.

– Ва! Большой? – вскричал Огастин. – Очень, очень большой.

– Вот такой большой, – сказал великан и шлепнул себя по бедру, а оно у него было с бычий окорок.

– Мы с самого утра ходили по лесу, сэр, – объяснил Огастин. – Потом увидели этого боа. Мы побежали быстро-быстро, но поймать не сумели. Эта змея очень сильная. Она ушла в нору под землей, а у нас не было веревки, и мы не могли ее поймать.

– А вы кого-нибудь оставили сторожить нору, чтобы боа не убежал в лес? – спросил я.

– Да, сэр, двоих оставили.

Я повернулся к Бобу.

– Ну вот, тебе повезло: настоящий дикий питон заперт в норе. Пойдем попробуем его взять?

– Господи, конечно! Пойдем сейчас же, – загорелся Боб.

Я обратился к Огастину.

– Пойдем посмотрим, что за змея?

– Да, сэр.

– Вы подождите немного. Сперва надо взять веревку и ловчую сеть.

Боб побежал к груде снаряжения, чтобы раскопать там веревку и сети, а я наполнил две бутылки водой и вызвал нашего боя Бена, который сидел на корточках у черного хода и завлекал своим красноречием любвеобильную прелестницу.

– Бен, оставь в покое эту легкомысленную женщину и приготовься. Мы отправляемся в лес ловить боа.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Бен, с сожалением покидая свою приятельницу. – А где этот боа, сэр?

– Огастин говорит, он в норе под землей. Для этого ты мне и нужен. Если нора такая узкая, что мы с мистером Голдингом не сможем туда пролезть, ты заберешься внутрь и поймаешь боа.

– Я, сэр? – переспросил Бен.

– Да, ты. Полезешь в нору один.

– Ладно, – ответил он с философской улыбкой. – Я не боюсь, сэр.

– Врешь, – сказал я. – Сам знаешь, что безумно боишься.

– Ничуть не боюсь, сэр, честное слово, – с достоинством возразил Бен. – Я никогда не рассказывал масе, как я убил лесную корову?

– Рассказывал, два раза, и все равно я тебе не верю. А теперь ступай к мистеру Голдингу, возьми веревки и сети, да поживей.

Чтобы попасть туда, где прятался наш зверь, надо было спуститься с холма и переправиться через реку на большой лодке, по форме похожей на банан. Сделана она была, наверно, лет триста назад и с тех пор медленно приходила в негодность. Веслом орудовал глубокий старик, у которого был такой вид, словно его вот-вот хватит удар. Мальчишка, его помощник, вычерпывал воду. Это был неравный поединок, так как мальчишка был вооружен всего-навсего ржавой консервной банкой, а борта у лодки напоминали решето. К тому времени, как лодка достигала противоположного берега, пассажиры оказывались в воде дюймов на шесть.

Когда мы со своим снаряжением подошли к причалу – сглаженным водой ступеням в гранитной скале, – лодка стояла на той стороне. Пока Бен, Огастин и богатырь-африканец (мы прозвали его Гаргантюа) во всю глотку орали перевозчику, чтобы он мигом возвращался, мы с Бобом присели в тени и стали рассматривать местных жителей, которые купались и стирали белье в бурой воде.

Стайки шоколадных мальчишек с визгом прыгали с камней в воду и тотчас выныривали, сверкая розовыми пятками и ладонями. Девочки, более застенчивые, купались в саронгах, но когда они выходили из воды, ткань так плотно облегала тело, что, собственно, ничего не скрывала. Один карапуз лет пяти-шести, не больше, высунув язык от напряжения, осторожно спускался вниз по скале. На голове у него был огромный кувшин. Добравшись до берега, малыш не стал ни раздеваться, ни снимать кувшина с головы, а вошел в реку и медленно, но решительно двинулся вперед, пока не скрылся весь под водой. Только сосуд словно чудом сам скользил по поверхности, да и он вскоре исчез. Несколько секунд ничего не было видно, потом кувшин показался опять, теперь уже передвигаясь в сторону берега, и наконец вынырнула голова мальчугана. Он громко фыркнул, выпуская воздух из легких, и осторожно пошел к берегу с полным кувшином. Бережно поставив его на каменный выступ, он вернулся в реку, по-прежнему не раздеваясь. Откуда-то из складок извлек обмылок и одинаково добросовестно намылил и себя и свой саронг. Когда мыльная пена превратила его в розового снеговика, мальчик окунулся, смыл ее, вышел на берег, снова водрузил сосуд себе на голову и не спеша поднялся вверх по скале. Превосходная африканская иллюстрация к теме "время и движение".

Лодка уже подошла. Бен и Огастин горячо спорили с престарелым перевозчиком, требуя, чтобы он отвез нас к широкой песчаной косе в полумиле выше по течению. Тогда нам не надо будет идти целую милю по берегу до тропы, ведущей в лес. Но старик почему-то заартачился.

– В чем дело, Бен? – осведомился я.

– А! – сердито повернулся ко мне Бен. – Этот глупый человек, сэр, отказывается везти нас вверх.

– Почему вы отказываетесь, мой друг? – обратился я к старику. – Если вы отвезете нас туда, я заплачу больше, и в придачу вы еще получите подарок.

– Маса, это моя лодка, если я ее потеряю, я не смогу больше зарабатывать деньги, – твердо ответил старик. – Не будет еды для моего живота... Ни одного

пенни не получу.

– Но как же ты потеряешь лодку? – удивился я.

Я хорошо знал этот участок реки. Там не было ни порогов, ни коварных стремнин.

– Ипопо, маса, – объяснил старик.

Я вытаращил глаза. О чем толкует этот лодочник? Ипопо, что это такое – какой-нибудь грозный местный ю-ю, о котором я до сих пор не слышал?

– Этот ипопо, в какой стороне он живет? – Я старался говорить увещевающе.

– Ва! Маса никогда не видел его? – Старик был поражен. – Да вон там, в воде, около дома окружного начальника... огромный такой, как машина... ого!.. силища страшная.

– О чем это он говорит? – недоумевающе спросил Бен.

Вдруг меня осенило.

– Это он про стадо гиппопотамов, которые обитают в реке по соседству с домом окружного, – сказал я. – Просто сокращение необычное, вот и сбило меня с толку.

– Он думает, что они опасны?

– Очевидно, хотя я не понимаю – почему. Прошлый раз, когда я здесь был, они вели себя тихо.

– Надеюсь, они и теперь тихие, – сказал Боб.

Я снова повернулся к старику.

– Послушай, мой друг. Если ты отвезешь нас вверх по реке, я заплачу шесть шиллингов и подарю тебе сигарет, хорошо? А если ипопо повредят твою лодку, я дам тебе денег на новую, ты понял?

– Понял, сэр.

– Ну, согласен?

– Согласен, сэр, – ответил старик; алчность взяла у него верх над осторожностью.

Лодка медленно пошла против течения. В ней было на полдюйма воды, и мы сидели на корточках.

– Не верится мне, что они опасные, – заметил Боб, небрежно опустив пальцы в воду.

– В прошлый раз я подходил к ним на лодке на тридцать футов и фотографировал, – сказал я.

– Теперь эти ипопо стали злые, сэр, – возразил бестактный Бен. – Два месяца назад они убили трех человек и разбили две лодки.

– Утешительное сообщение, – сказал Боб.

Впереди из бурой воды торчали камни. В другое время мы бы их ни с чем не спутали, теперь же каждый камень напоминал нам голову гиппопотама – злого, коварного гиппопотама, подстерегающего нас. Бен, вероятно вспомнив свою повесть о поединке с лесной коровой, попытался насвистывать, но это у него вышло довольно жалко, и я заметил, что он тревожно рыскает взглядом по реке. В самом деле, гиппопотам, который несколько раз нападал на лодки, входит во вкус, словно тигр-людоед, и всячески старается сделать людям гадость. Для него это становится своего рода спортом. А меня вовсе не соблазнила схватка над двадцатифутовой толщей мутной воды со зверюгой весом в полтонны.

Я заметил, что старик все время прижимает лодку к берегу, крутит и так и этак, стараясь идти по мелководью. Берег был крутой, но весь в выступях – можно выскочить, коли что. Скалы смяты гармошкой, словно кто-то бросил здесь кипу толстых журналов, а они окаменели и обросли зеленью. Примостившиеся на скалах деревья простерли свои ветви далеко над водой, и мы бросками, по-рыбьи, шли сквозь тенистый туннель, спугивая то зимородка, который голубым метеором проносился перед самой лодкой, то бородатую ржанку – она улетала вверх по течению, глупо хихикая про себя и задевая лапами воду. По бокам клюва у нее нелепо болтались длинные желтые сережки.

Выйдя из-за поворота, мы увидели на той стороне, в трехстах ярдах, белую, как бы гофрированную, песчаную отмель. Старик облегченно крикнул и быстрее заработал веслом.

– Совсем немного осталось, – весело заметил я, – и никаких гиппопотамов не видно.

Не успел я это сказать, как камень в пятнадцати футах от лодки вдруг поднялся из воды и удивленно воззрился на нас выпученными глазами, пуская ноздрями струйки воды, будто маленький кит.

К счастью, наша доблестная команда не поддавалась панике и не выскочила из лодки, чтобы плыть к берегу. Старик со свистом втянул в себя воздух и резко затормозил веслом. Лодка вильнула вбок и остановилась, вспенивая воду. Мы смотрели на гиппопотама, гиппопотам смотрел на нас. Он явно удивился больше, чем мы. Надутая розово-серая морда лежала на поверхности реки, как отделенная от тела голова на спиритическом сеансе. Огромные глаза изучали нас с детским простодушием. Уши дергались взад и вперед, словно зверь махал нам. Глубоко вздохнув, он приблизился к нам на несколько футов все с тем же наивным выражением на морде. Вдруг Огастин взвизгнул так, что все подскочили и едва не опрокинули лодку. Мы сердито зашикали на него, а зверь продолжал смотреть на нас все с такой же невозмутимостью.

– Да вы не бойтесь, – громко сказал Огастин, – это самка.

Он выхватил из рук старика весло и стал шлепать им по воде, брызгая на гиппопотама. Зверь широко разинул пасть. Обнажились такие зубищи! Кто не видел, просто не поверил бы. Внезапно, без каких-либо видимых усилий, огромная голова ушла под воду. Несколько секунд ничего не было видно, но мы не сомневались, что чудовище рассекает воду где-то под нами. Потом голова снова вынырнула – на этот раз, слава богу, в двадцати ярдах выше по течению. Гиппопотам опять выпустил две струйки воды, призывно помахал ушами и скрылся, чтобы через секунду показаться вновь еще дальше от нас. Старик буркнул что-то и отобрал весло у Огастина.

– Огастин, что за безрассудство такое? – спросил я, стараясь говорить резко и строго.

– Сэр, этот ипопо был не самец... это самка, – объяснил Огастин, обиженный моим недоверием.

– Откуда ты знаешь? – требовательно вопрошал я.

– Маса, я всех здешних ипопо знаю. Это самка. Если бы это был самец ипопо, он бы сразу нас сожрал. А это самка, она не такая злая, как ее хозяин.

– Да здравствует слабый пол, – сказал я Бобу.

Тем временем старик, стряхнув оцепенение, пустил лодку стрелой через реку, и она врезалась в гальку. Мы выгрузили снаряжение, попросили старика подождать нас и зашагали к логову питона.

Тропа шла через старый огород, где лежали огромные гниющие стволы поваленных деревьев. Между этими великанами выращивали маниоку, потом землю оставили под паром, и тотчас всю расчистку сплошным покровом затянули колючие кустарники и вьюнки. Такие заброшенные расчистки всегда полны всякой живности. Пробиваясь сквозь густые заросли, мы видели кругом множество птиц. В воздухе серо-голубыми пятнышками на зеленом фоне парили маленькие красивые мухоловки, вокруг притаившихся во мраке, оплетенных вьюнками пней бойко прыгали, отыскивая кузнечиков, какие-то птички, поразительно похожие на наших английских зарянок. Впереди с земли поднялась пестрая ворона и тяжело полетела прочь, предостерегая всех хриплым криком. В гуще колючего кустарника с россыпью розовых цветов, над которыми жужжали большие голубые пчелы, нас встретил каскадом нежных рулад дрозд. Некоторое время тропа извивалась среди влажного и душного кустарника, но он вдруг кончился, и мы вышли на окутанный трепещущим маревом золотистый луг.

Хороши на вид эти луга, но ходить по ним не очень-то приятно. Трава была жесткая и колючая, и росла она кочками, которые, словно западня, подстерегали невнимательного путника. Там, где свет солнца падал на выходы серого камня, миллионы чешуек слюды искрились и слепили глаза. Палящие лучи жгли нам шею и, отражаясь от блестящей поверхности камня, обдавали лицо жаром, как раскаленная печка. Обливаясь потом, мы брели по этим пронизанным солнцем просторам.

– Надеюсь, у проклятой рептилии хватило ума скрыться в нору в таком месте, где есть хоть немного тени, – сказал я Бобу. – На этих камнях можно зажарить яичницу.

Огастин – он бодро топал впереди, и его алый саронг весь потемнел от пота – повернул ко мне покрытое испариной лицо и осклабился.

– Жарко, маса? – участливо спросил он.

– Ага, очень жарко, – ответил я. – Далеко еще идти?

– Нет, сэр, – сказал он, показывая вперед. – Вон там... Маса не заметил человека, которого я оставил сторожить?

Я проследил за его указательным пальцем и увидел поодаль участок, где при каком-то древнем катаклизме породы были подняты и смяты, будто простыня, и образовалась низенькая гряда, пересекающая саванну. На макушке гряды под лучами солнца терпеливо сидели два охотника. Заметив нас, они встали и приветственно замахали грозными копьями.

– Он там, в норе? – с тревогой крикнул Огастин.

– Там, там, – донесся ответ.

Когда мы подошли к гряде, я сразу понял, почему питон решил занять оборону здесь. Поверхность скал была иссечена множеством сообщающихся мелких пещерок, отполированных водой и ветром, а так как они слегка уходили вверх, обитатели могли не опасаться, что их затопит во время дождей. Устье

каждой пещерки было около восьми футов в ширину и трех в высоту. Для змеи вполне достаточно, хотя и маловато для большинства других животных. Догадливые охотники спалили всю траву кругом, надеясь выкурить рептилию. Змея не обратила на дым никакого внимания, зато мы теперь очутились по щиколотку в золе и мягком пепле.

Мы с Джоном легли на живот и вместе вползли в пещеру, чтобы высмотреть питона и составить план действий. В трех-четырех футах от входа пещера сужалась, дальше мог протиснуться только один человек. После яркого солнца здесь казалось особенно темно, и мы ничего не увидели. Присутствие змеи выдавало лишь громкое, злобное шипение, звучавшее всякий раз, когда мы двигались. Потом нам передали фонарь, и мы направили электрический луч в узкий ход.

Впереди, в восьми футах от нас, туннель заканчивался, и там в углублении, свернувшись кольцами, лежал питон, блестящий, словно только что покрытый лаком. Насколько мы могли судить, он был около пятнадцати футов в длину и очень толстый. Недаром же Гаргантюа сравнивал его со своим мощным бедром. Питон был явно не в духе. Чем дальше мы на него светили, тем громче и протяжнее он шипел. Наконец шипение перешло в жуткий визг. Мы выползли из туннеля и сели передохнуть. Из-за приставшей к нашим потным телам золы мы стали теперь почти такими же черными, как охотники.

– Надо только набросить ему петлю на шею, потом потянуть что есть силы, – сказал Боб.

– Все правильно, но в том-то и дело – как набросить петлю? Не хотел бы я застрять в этой щели, если он задумает напасть. Там так тесно, что не развернешься, и никто не поможет, если дело дойдет до поединка.

– Что верно, то верно, – признал Боб.

– Остается только одно, – продолжал я. – Огастин, пойдика сруби побыстрее палку с рогулькой на конце... длинную... Слышишь?

– Слышу, сэр, – сказал Огастин, взмахнул своим широким мачете и затрусил к опушке леса, до которого было ярдов триста.

– Запомни, – предупредил я Боба, – если нам удастся его вытащить, на охотников не надейся. В Камеруне все считают питона ядовитым. Они убеждены, что у него не только укус смертелен, а есть еще ядовитые шпоры на хвосте снизу. Так вот, когда вытянем питона, не рассчитывай, что мы схватим его за голову, а они за хвост. Ты берись с одного конца, я – с другого, и дай бог, чтобы они решились помочь нам посередине.

– Прелестная перспектива, – сказал Боб, задумчиво цикая зубом.

Вернулся Огастин с длинной прямой рогатиной. Сделав петлю из тонкой, но прочной веревки (фирма заверила меня, что она выдерживает триста английских фунтов), я привязал ее к рогульке. Потом отмотал футов пятьдесят, а оставшийся клубок вручил Огастину.

– Сейчас я полезу внутрь и попробую надеть эту веревку ему на шею. Если надену – покричу, и пусть все охотники дружно тянут. Ясно?

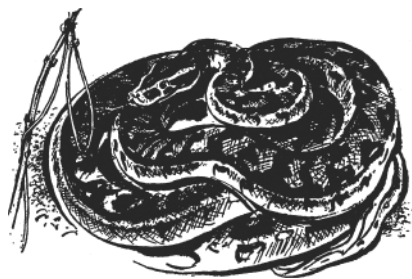
– Ясно, сэр.

– Только ради бога, – сказал я, осторожно ложась на золу, – пусть тянут не слишком сильно... Я не хочу, чтобы эта тварь свалилась на меня.

Держа палку и веревку в руке, а фонарик в зубах, я медленно пополз вверх по пещере. Питон все так же яростно шипел. Теперь надо было как-то про-

толкнуть вперед палку, чтобы накинуть петлю на голову змеи. Оказалось, что с фонарем в зубах этого не сделаешь. Чуть шевельнешься, и луч уже светит куда угодно, только не в нужную точку. Тогда я пристроил фонарь на камнях, направив луч прямо на питона, после чего бесконечно осторожно стал пододвигать палку к рептилии. Питон свернулся в тугие кольца, поверх которых лежала голова. Нужно было заставить его поднять голову. Для этого был только один способ – хорошенько ткнуть в питона рогатиной.

После первого тычка блестящие кольца словно вздулись от ярости, и раздалось такое резкое и злобное шипение, что я едва не выронил палку. Стиснув ее крепче в потной руке, я ткнул еще раз и опять услышал резкий выдох. Пять раз пришлось мне ткнуть палкой питона, прежде чем мои усилия увенчались успехом. Голова вдруг взметнулась над кольцами, и широко разинутая розовая пасть попыталась схватить рогатину. Движение было таким внезапным, что я не успел накинуть петлю. Питон трижды повторил выпад, и каждый раз я пытался его заарканить, но мне это никак не удавалось, потому что я не мог подползти достаточно близко. Рука все время вытянута, а палка тяжелая, и оттого все мои движения очень неловки. Весь в поту, с ноющими мышцами, я выполз на свет божий.

– Не годится, – сказал я Бобу. – Он прячет голову в кольцах и только делает выпад... никакой возможности заарканить его.

– Давай я попробую, – предложил Боб, сгорая от нетерпения.

Он взял палку и полез в пещеру. Долго мы видели только его широкие ступни, которые скребли камень, стараясь нащупать опору. Наконец он выполз обратно, отчаянно ругаясь.

– Не годится, – сказал он. – Так мы его никогда не поймем.

– А если срубить палку с крючком на конце, вроде пастушьего посоха, сможешь ты зацепить удава за кольцо и вытащить? – спросил я.

– Думаю, что смогу, – ответил Боб. – Во всяком случае заставлю его развернуться, и мы опять попробуем захватить петлей голову.

Получив точные указания, какой толщины палка нам нужна, Огастин снова отправился в лес и вскоре принес двадцатифутовую жердь с кривым сучком на конце.

– Если бы ты мог залезть вместе со мной и светить мне через плечо, было бы легче, – сказал Боб. – А то я все время сталкиваю фонарь с камня.

Мы заползли в пещеру и остановились, плотно притиснутые друг к другу. Я светил в глубь туннеля, Боб медленно продвигал вперед свою палку с огромным крючком. Осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть питона, он зацепил верхнее кольцо, лег поудобнее и изо всех сил дернул.

Эффект был несколько неожиданным. Весь клубок после секундного сопротивления поехал вниз, прямо на нас. Ободренный успехом, Боб отполз назад (отчего нам стало еще теснее) и опять потянул. Змея подвинулась еще ближе

и стала расправлять кольца. Новый рывок – из клубка высунулась голова и метнулась в нашу сторону. Сжатые, будто два шпрота-переростка в чересчур маленькой банке, мы могли двигаться только назад. Со всей скоростью, какую можно было здесь развить, мы дружно поползли на животе к выходу. Наконец туннель чуть-чуть расширился, позволяя как-то маневрировать. Боб взялся за палку и с мрачной решимостью рванул. Он напоминал мне долговязого черного дрозда, который сосредоточенно старается выдернуть из земли толстого червя. Мы снова увидели питона. Он неистово шипел, и кольца трепетали от страшного напряжения мышц, силившихся сбросить крючок. Еще один хороший рывок – и Боб подтянет змею к самому выходу. Я быстро выкарабкался наружу.

– Давайте веревку! – заорал я охотникам. – Живей... живей... веревку!

Они кинулись выполнять команду. В ту же секунду Боб выполз из пещеры, встал и шагнул назад, готовясь последним усилием выдернуть змею на открытое место, где мы сможем навалиться на нее. Но камень под ногой Боба качнулся, и он упал навзничь. Палка выскочила у него из рук, змея мощным усилием освободилась от крючка и, словно капля воды на промокашке, буквально всосалась в трещину, где на первый взгляд и мышь не поместилась бы. Только хвост – каких-нибудь четыре фута – торчал наружу, когда мы с Бобом упали на него и вцепились изо всех сил. Могучие мышцы питона пульсировали, он отчаянно старался утащить свой хвост в расщелину. Гладкие чешуи дюйм за дюймом выскользали из наших потных рук, и вдруг змея исчезла. Из трещины до нас дошло торжествующее шипение.

Хватая ртом воздух, мы с Бобом глядели друг на друга – черные от золы и пепла, руки и ноги в ссадинах, одежда мокрая от пота. Говорить мы не могли.

– Она ушла, маса, – заметил Огастин, у которого явно была склонность подчеркивать очевидные вещи.

– Эта змея очень сильная, – уныло заключил Гаргантюа.

– Никто не справится с такой змеей, – сказал Огастин, пытаясь нас утешить.

– Она очень, очень сильная, – снова затянул Гаргантюа, – намного сильнее человека.

Я молча угостил всех сигаретами. Присев на корточки, мы закурили.

– Ладно, – в конце концов философски произнес я, – мы сделали все, что могли. В следующий раз повезет больше.

Но Боб не мог успокоиться. Питон, о котором он так мечтал, был уже в его руках и вдруг ушел – разве можно с этим примириться! Мы укладывали сети и веревки, а Боб бродил вокруг, бормоча себе под нос какие-то яростные слова. Когда мы двинулись в обратный путь, он уныло зашагал следом.

Солнце клонилось к горизонту. К тому времени, когда мы миновали луг и ступили на заброшенную расчистку, мир уже окутался зелеными сумерками. Всюду в сырых зарослях, точно изумруды, мерцали и переливались огромные светляки. Они парили в теплом воздухе, вспыхивая розовыми жемчужинами на фоне темного кустарника. Воздух был полон вечерних запахов – дыхание леса и влажной земли, сладкий аромат смоченных росой цветов. Сова прокричала дряхлым, скрипучим голосом, отозвалась другая...

Мы вышли на шуршащую, молочно-белую песчаную косу. Перед нами бронзовой лентой струилась река. Старик и мальчик спали, свернувшись калачиком на носу лодки. Проснувшись, они сразу взялись за весла, и в полной

тишине лодка заскользила вниз по темной глади. Из окон большого дома, стоявшего на холме высоко над нами, падали снопы света и, как аккомпанемент к плеску и бульканью наших весел, тихо звучала граммофонная пластинка. У самого берега лодку окутало облачко белых мотыльков. Сквозь филигрань леса позади нас просвечивала хрупкая, немогущая луна, из сгустившейся между деревьями тьмы снова вырвался печальный крик совы...

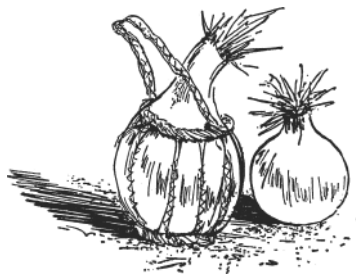
Глава вторая Лысые птицы

Письмо с нарочным

Мистеру Дж. Даррелу,
Отдел зоологии,
Управление ОАК,
Мамфе
Уважаемый сэр!

Посылаю вам двух животных, они похожи на тех, что вы показывали мне на картинках. Когда будете посылать мне деньги, то лучше завирните их в клачок бумаги и дайте бою, который принес животных. Сами знаете, ахотник всигда ходит грязный, так если можно, пошлите мне кусок мыла.

С наилучшими пожеланиями.
Ваш Питер Н'амабонг

В восьми милях от реки Кросс, за густым лесом, лежит деревушка Эшоби. Я хорошо знал и деревушку, и ее жителей, так как во время одного из предыдущих путешествий она несколько месяцев была моей базой.

Вокруг Эшоби обитало много зверья, а эшобийцы показали себя искусными охотниками, поэтому теперь мне очень хотелось связаться с ними и узнать, не согласятся ли они помочь нам с отловом животных. Легче всего получить или передать какую-нибудь информацию на базаре, и я вызвал нашего повара Филипа, обаятельного человека, у которого губы вечно были растянуты в улыбке, обнажая торчащие зубы. Ходил он так, будто аршин проглотил, а когда к нему обращались, вытягивался как по команде "смирно", и можно было подумать, что он прошел армейскую выучку. Тяжело ступая, повар поднялся на веранду и вытянулся передо мной в струнку, словно гвардеец.

– Филип, мне нужен кто-нибудь из Эшоби, – сказал я.

– Да, сэр.

– Ну вот, когда пойдешь на базар, найди какого-нибудь эшобийца и приведи его сюда, мне нужно кое-что передать в Эшоби, ясно?

– Да, сэр.

– Только смотри, не забудь. Найди мне кого-нибудь из Эшоби.

– Да, сэр, – ответил Филип и зашагал к кухне.

Он не любил тратить время на лишние разговоры.

Прошло два дня, эшобийцы не появлялись, и, занятый другими делами, я вообще позабыл о своем поручении. А на четвертый день увидел, как Филип важно вышагивает по аллее в сопровождении слегка испуганного четырнадцатилетнего парнишки. Собираясь в "город", то есть в Мамфе, парнишка, вероятно, надел самое лучшее, что у него было. Очаровательный наряд: рваные шорты защитного цвета и грубая белая рубаша, явно сшитая из какого-то мешка с таинственными, но, бесспорно, нарядными голубыми буквами "ПРОИЗВОДСТВО ВЕ" поперек спины. На голову он напялил старую соломенную шляпу, которая от времени приобрела приятный серебристо-зеленый оттенок. Филип втащил это несмелое существо на веранду и важно вытянулся в струнку с видом человека, которому после очень долгих упражнений удался чрезвычайно трудный фокус. Наш повар говорил довольно своеобразно, и я не сразу научился разбирать его скороговорку, этаким невнятным ревом – что-то среднее между голосом фагота и рычанием фельдфебеля, для которого все на свете глухие. А когда Филип волновался, то и вовсе было трудно его понять.

– Кто это? – спросил я, обозревая подростка.

Филип явно обиделся.

– Это тот человек, сэр, – проревел он, будто объясняя что-то несмышленому ребенку. Потом нежно посмотрел на своего протеже и хлопнул беднягу по спине так, что тот едва не слетел с веранды.

– Вижу, что человек, – терпеливо сказал я. – А что ему надо?

Он свирепо нахмурил брови и снова хлопнул дрожащего парня между лопатками.

– Говори, – промычал он, – говори, маса ждет.

Мы ждали с интересом. Парнишка потоптался на месте, растерянно пошевелил пальцами ног и робко улыбнулся, не отрывая взгляда от земли. Мы терпеливо ждали. Вдруг он поднял глаза, снял головной убор, кивнул и чуть слышно молвил:

– Доброе утро, сэр.

Филип посмотрел на меня с широкой улыбкой, словно это приветствие вполне объясняло приход парня. Решив, что мой повар от природы не наделен даром искусного и тактичного следователя, я сам стал задавать вопросы.

– Мой друг, – сказал я, – как тебя зовут?

– Питер, сэр, – жалобно промямлил он.

– Его зовут Питер, сэр, – рявкнул Филип, на тот случай, если я чего-то недопойму.

– Ну, Питер, так зачем же ты ко мне пришел?

– Маса, этот человек, ваш повар, сказал мне, что масе нужен человек передать что-то в Эшоби, – удрученно сказал парнишка.

– А! Так ты из Эшоби? – осенило меня.

– Да, сэр.

– Филип, – сказал я, – ты врожденный болван.

– Да, сэр, – радостно согласился Филип.

– Почему ты не сказал мне, что он из Эшоби?

– Ва! – ахнул Филип, потрясенный до глубины своей фельдфебельской души. – Я же сказал масе, что это тот человек.

Махнув рукой на Филипа, я снова обратился к парнишке.

– Слушай, мой друг, ты знаешь в Эшоби человека, которого зовут Элиас?

– Да, сэр, я его знаю.

– Отлично. Так вот, скажи Элиасу, что я опять приехал в Камерун ловить зверей, ладно? Скажи ему, что я прошу его опять работать у меня охотником. Скажи, чтобы он пришел в Мамфе поговорить со мной. Скажи ему, что этот маса живет в доме масы ОАК, понял?

– Понял, сэр.

– Молодец. А теперь быстро иди в Эшоби и передай все Элиасу. Я дам тебе сигарет, чтобы тебе было весело идти через лес.

Он принял в сложенные лодочкой ладони пачку сигарет, кивнул и широко улыбнулся.

– Спасибо, маса.

– Хорошо... теперь иди в Эшоби. Счастливого пути.

– Спасибо, маса, – повторил он, сунул сигареты в карман своей редкостной рубахи и зашагал вниз по аллее.

Элиас пришел через двадцать четыре часа. Когда я раньше останавливался в Эшоби, он был одним из моих постоянных охотников, и я по-настоящему обрадовался, увидев тучного африканца, который шел вперевалку по аллее. Узнав меня, он просиял. Мы обменялись приветствиями, Элиас торжественно вручил мне дюжину яиц, тщательно завернутых в банановые листья, а я подарил ему сигареты и охотничий нож, который привез специально для него из Англии. Потом мы перешли к делу – разговору о животных. Элиас рассказал мне, на каких животных охотился и что поймал за восемь лет моего отсутствия, поведал, как живут мои друзья охотники. Старика Н'аго убила лесная корова, Андраю укусил за ногу водяной зверь, ружье Сэмюэля взорвалось, и он (вот потеха!) остался без руки, а Джон недавно убил самую большую на памяти людей лесную свинью и продал мяса на два с лишним фунта. А затем я услышал нечто такое, что заставило меня насторожиться.

– Маса помнит птицу, которая очень нравилась масе? – спросил он своим сильным голосом.

– Какую птицу, Элиас?

– Да ту самую, у которой на голове нет перьев. Последний раз, когда маса жил в Мамфе, я приносил ему двух птенцов.

– Птица, которая обмазывает гнездо глиной? У которой красная голова? – спросил я с волнением.

– Ну да, маса, – подтвердил он.

– Ну, и что ты хочешь про нее сказать?

– Когда я услышал, что маса вернулся в Камерун, я пошел в лес искать эту птицу, – объяснил Элиас. – Я помнил, что масе эта птица очень понравилась. Вот и пошел искать. Два, три дня в лесу искал.

Он помолчал, задорно глядя на меня.

– Ну?

– Я нашел ее, маса. – Он расплылся в широчайшей улыбке.

– Нашел? – Я не верил своему счастью. – Где это... где она обитает... сколько птиц ты видел... какое место?

– Это там, – продолжал Элиас, прерывая поток сбивчивых вопросов, – там есть одно место, где очень большие скалы. Она на горе живет, сэр. Ее гнездо в больших скалах.

– Сколько гнезд ты видел?

– Три гнезда, сэр. Но одно гнездо не готово, сэр.

– Из-за чего такой шум? – полюбопытствовала Джеки, выйдя на веранду.

– Picathartes, – коротко ответил я.

К чести Джеки она знала, что это такое.

Picathartes, плешивая сорока, – птица, которая всего несколько лет назад была известна лишь по немногим шкуркам в музеях. Только два европейца видели ее на воле. Сесил Уэбб, тогда штатный коллектор Лондонского зоопарка, сумел поймать и вывезти живьем первый экземпляр этой необычной птицы. Через полгода, когда я был в Камеруне, мне принесли два взрослых экземпляра. К сожалению, я не довез их до Англии: они погибли от аспергиллеза, очень опасной болезни легких. И вот теперь Элиас нашел целое гнездовье, причем похоже, что мы, если нам повезет, сумеем взять и вырастить птенцов.

– Эти птицы, у них есть птенцы в гнездах? – спросил я Элиаса.

– Может быть, есть, сэр, – неуверенно ответил он. – Я не смотрел в гнезда. Боялся спугнуть птиц.

– Ясно, – сказал я, поворачиваясь к Джеки. – Остается только одно – отправиться в Эшоби и посмотреть. Вы с Софи останетесь здесь присматривать за нашей коллекцией. Я возьму с собой Боба, и мы дня два потратим на плешивую сороку. Даже если нет птенцов, интересно поглядеть эту птицу на воле.

– Хорошо, – согласилась Джеки. – Когда идете?

– Завтра, если найду носильщиков. Позови Боба, скажи ему, что мы наконец-то отправляемся в настоящую экспедицию. Пусть приготовит свои змеиные ловушки.

На следующий день, рано утром, когда еще было сравнительно прохладно, к дому Джона Хендерсона пришли восемь африканцев. Поспорив, как обычно, кому что нести, они взгромоздили наше снаряжение на свои курчавые головы и зашагали к Эшоби. Форсировав реку, наша маленькая колонна пересекла луг, где мы так неудачно охотились на питона, потом вошла в таинственный лес. Тропа на Эшоби петляла и извивалась между деревьями, вычерчивая зигзаги, которые привели бы в отчаяние древнеримского строителя дорог. Иногда она пятилась, огибая огромный камень или упавшее дерево, в других местах решительно пересекала очередное препятствие, так что носильщикам приходилось устраивать живой конвейер, чтобы перебросить груз через мощный ствол или спустить его вниз по каменной стенке.

Хотя я предупредил Боба, что по пути мы вряд ли увидим животных, он набрасывался на каждое гнилое дерево в надежде извлечь какую-нибудь редкость. Мне давно надоело слушать и читать про "кишащий диким зверьем опасный и коварный тропический лес". Во-первых, он не опаснее, чем наш Нью-Форест летом, во-вторых, вовсе не кишит дичью и в каждом кусте там не сидит готовый прыгнуть на вас злобный зверь. Конечно, животные есть, но они предусмотрительно избегают вас. Пройдитесь через лес до Эшоби – вы не насчитаете и десятка "диких зверей". А как бы мне хотелось, чтобы описания

были верны! Как бы хотелось, чтобы в каждом кусте таился "свирепый обитатель леса". Насколько легче было бы работать зверолову.

На эшобийской тропе нам более или менее часто попадалась лишь одна живность – бабочки, но они явно читали не те книги и решительно не хотели на нас нападать. Всюду, где тропа ныряла в лощинку, на дне непременно струился ручей, а по сырым, тенистым берегам прозрачного потока бабочки сидели гроздьями и медленно взмахивали крылышками. Издали казалось, что берега переливаются разными цветами, от огненно-красного до белого, от лазурного до розового и пурпурного – это бабочки, будто в трансе, аплодировали своими крылышками прохладной тени. Смуглые мускулистые ноги носильщиков наступали прямо на них, и мы вдруг оказывались по пояс в кружащемся цветном вихре. Бабочки беспорядочно металась вокруг нас, а когда мы проходили, снова садились на темную почву, сочную и влажную, как фруктовый торт, и такую же благоуханную.

Огромное, почти скрытое паутиной лиан старое дерево отмечало половину пути до Эшоби. Здесь было место для привала, и покрытые испариной носильщики, кряхтя и отдуваясь, сложили свою ношу на землю и сели в ряд на корточках. Я раздал сигареты, и мы все закурили. В мгlistом соборном сумраке леса не было ни малейшего ветерка, дымок поднимался прямо вверх голубыми, чуть трепещущими столбиками. Единственным звуком было неумолчное пение больших зеленых цикад, которые сидели на каждом дереве, да откуда-то издали доносилось пьяное бормотанье стаи птиц-носорогов.

Мы курили и смотрели, как между корнями деревьев охотятся маленькие коричневые лесные сцинки. У этих ящеричек всегда такой аккуратный и чистенький вид, будто их отлили из шоколада и они только что вышли из формы, гладкие, сверкающие, без единого изъяна. Двигались они медленно, осторожно, словно боялись испачкать красивую кожу, и поглядывали во все стороны блестящими глазками, скользя в своем мире коричневых увядших листьев, сквозь лес маленьких поганок, через пятна мха, плотным ковром облежавшего камни. Их добычей были несметные полчища крохотных тварей, населяющих лесную подстилку: черные жучки, которые спешили куда-то, будто опаздывающие на похороны гробовщики, медлительные, плавно скользящие улитки, оплетающие листву своей серебристой слизью, маленькие темно-коричневые сверчки, что сидели в тени на корточках, поводя длиннейшими усиками, – ну просто любители-рыболовы со своими удочками на берегу реки.

В темных сырых нишах между досковидными корнями могучего дерева, под которым мы сидели, я увидел кучки насекомых, неизменно меня занимающих. Они похожи на маленьких долгоножек, когда те отдыхают, но у них есть полупрозрачные, молочного цвета крылышки. Сидели они вместе штук по десять, чуть шевеля крылышками и все время перебирая хрупкими ножками, будто нетерпеливые рысаки. Спугнешь их – они дружно взлетают, и тогда начинается нечто непередаваемое. Дюймах в восьми над землей они выстраиваются в круг, размером не больше блюдца, и принимаются быстро-быстро кружить, одни в горизонтальной, другие в вертикальной плоскости. Издали все это выглядит довольно странно, рой напоминает мерцающий молочно-белый мяч, который все время чуть видоизменяется, но постоянно занимает одно и то же место в пространстве. Насекомые летают так быстро и тельце у них такое тонкое, что глаз видит лишь мерцание седых крылышек. Должен при-

знать, что воздушный спектакль сильно меня занимал, и во время лесных прогулок я специально отыскивал этих насекомых и спугивал их, чтобы они станцевали для меня.

В полдень мы добрались до Эшоби. За восемь лет поселок очень мало изменился. Та же горстка грязных тростниковых хижин, выстроившихся в два ряда – один покороче, другой подлиннее. Широкая пыльная тропа между ними служила главной улицей, площадкой для детей и собак и угодем неустанно роющей землю тощей домашней птицы. Навстречу нам, осторожно лавируя между копошащимися детьми и животными, вперевалку выступал Элиас. За ним шел маленький мальчик и нес на голове два больших зеленых кокосовых ореха.

– Добро пожаловать, маса, вы пришли? – сипло крикнул Элиас.

– Здравствуй, Элиас, – ответил я.

Он смотрел на нас со счастливой улыбкой. Тем временем носильщики, все еще кряхтя и отдуваясь, разложили наше имущество по всей главной улице.

– Маса будет пить кокосовое молоко? – спросил Элиас, помахивая своим мачете.

– Да, с большим удовольствием, – ответил я, устремив жаждущий взгляд на огромные орехи.

Элиас тотчас развил кипучую деятельность. Из ближайшей лачуги вынесли два ветхих стула и нас с Бобом усадили в тень посреди деревенской улицы. Кругом, благовоспитанно храня молчание, сидели замороженные эшобийцы. Быстро и точно действуя мачете, Элиас снял с орехов толстую кожуру, затем концом лезвия ловко срезал макушки и вручил орехи нам. Теперь можно было пить прохладный сладкий сок. Один орех содержал примерно два с половиной стакана идеально свежего, утоляющего жажду напитка. Мы наслаждались каждым глотком.

После отдыха стали устраивать лагерь. В двухстах ярдах от деревни на берегу речушки мы отыскивали участок, который можно было без труда расчистить. Несколько человек, вооруженных мачете, принялись срубить кусты и молодые деревца, другие разравнивали красную землю широкими мотыгами с короткой ручкой. Наконец после неизбежной перебранки, взаимных обвинений в глупости, сидячих забастовок и мелких ссор работа была закончена. Участок приобрел сходство с плохо вспаханым полем. Можно было ставить палатки. Пока готовился обед, мы спустились к речушке и в ледяной воде стали смывать с себя грязь и пот. Розово-коричневые крабы махали нам из-под камней своими клешнями, крохотные сине-красные рыбки пощипывали нас за ноги. Освеженные купаньем, мы вернулись в лагерь, где к тому времени уже установился относительный порядок. После обеда пришел Элиас и сел к нам под тент, чтобы обсудить план охоты.

– Когда мы пойдем посмотреть птиц, Элиас?

– Э, маса, сейчас слишком жарко. В это время птицы ищут корм в кустах. Вечером, как спадет жара, они возвращаются домой работать, тогда мы и пойдем посмотреть.

– Ну ладно. Так ты приходи в четыре часа. Пойдем посмотреть птиц.

– Хорошо, сэр, – ответил Элиас, вставая.

– А если ты сказал неправду, если мы не увидим птиц, если ты меня надул, я тебя застрелю, понял?

– Э! – воскликнул он, смеясь. – Я никогда не надувал масу, честное слово, сэр.

– Ладно, мы пойдем проверим.

– Да, сэр. – Он обернул саронгом свои могучие окорока и затопал в деревню.

К четырем часам солнце скрылось за деревьями. Воздух был пропитан теплой, дремотной предвечерней истомой. Снова пришел Элиас. Теперь на нем вместо цветастого саронга была грязная набедренная повязка, и он небрежно помахивал своим мачете.

– Я здесь, маса, – объявил Элиас. – Маса готов?

– Готов. – Я повесил на плечо бинокль и сумку. – Пошли, охотник.

Элиас провел нас по пыльной главной улице, потом свернул в проулок между лачугами, и мы вышли на огород, где топорщилась вихрастая ботва маниоки и торчали пыльные листья банана. Тропа пересекла ручей, оттуда, извиваясь, поползла в лес. Еще с главной улицы Элиас показал мне пригорок, где, по его словам, обитали плешивые сороки. Хотя казалось, что до пригорка рукой подать, я не поддался обману. Камерунские леса все равно что заколдованный сад. Кажется, ваша цель совсем близко, а пойдешь к ней – она словно отступает. Порой вам, как Алисе в стране чудес, приходится шагать в противоположном направлении, чтобы приблизиться к цели.

Так и с этим пригорком. Тропа шла к нему не прямо, а причудливо петляла между стволами. В конце концов я решил, что смотрел не на тот пригорок, когда Элиас объяснял мне дорогу. Но в эту самую минуту тропа определенно пошла в гору, и стало ясно, что мы достигли подножия. Элиас сошел с тропы и нырнул в заросли, обрубая колючие кусты и свисающие лианы. Он шумно дышал, но ноги его беззвучно ступали по мягкому перегною. И вот уже мы карабкаемся по такому крутому склону, что порой ступни Элиаса оказываются вровень с моими глазами.

Большинство холмов и гор Камеруна сложены очень своеобразно, подниматься на них нелегко. Дети древнего вулканического извержения, они выброшены вверх могучими подземными силами. Поражают их геометрически правильные очертания. Тут и безупречные равнобедренные треугольники, и острые углы, и конусы, и кубы. Кругом вздыбилось столько разнообразных фигур, что я не удивился бы, встретив тут наглядное пособие, демонстрирующее какую-нибудь особенно сложную и заковыристую теорему Эвклида.

Горка, склоны которой мы теперь штурмовали, представляла собой почти правильный конус. Уже через несколько шагов она показалась нам гораздо круче, чем в первый момент, а спустя четверть часа мы готовы были поклясться, что склон у нее совсем отвесный. Элиас поднимался вверх очень легко, словно шагал по ровной грунтовой дороге, ловко ныряя и петляя между ветвями и кустами. Мы с Бобом, обливаясь потом и задыхаясь, брели следом, порой на четвереньках, и старались не отставать. Наконец перед самым гребнем скат выровнялся, сменившись широким уступом, и сквозь чащу мы увидели пятидесятифутовую гранитную скалу с кустиками папоротника и бегонии. У основания скалы громоздились огромные, сглаженные водой глыбы.

– Вот это место, маса, – сказал Элиас, останавливаясь и водружая на камень свой толстый зад.

– Очень хорошо, – в один голос отозвались мы с Бобом и сели, чтобы отдышаться.

Когда мы передохнули, Элиас повел нас через осыпь к нависающему выступу скалы. Сделав несколько шагов под этим карнизом, он вдруг замер на месте.

– Вон там их дом, маса, – сказал он, обнажая в гордой улыбке свои замечательные зубы.

Он показывал на скалу. В десяти футах над нами я увидел гнездо плешивой сороки.

С первого взгляда оно напоминало большущее ласточкино гнездо, слепленное из красновато-бурой глины и маленьких корешков. В нижней части гнезда бахромой свисали стебли и корешки подлиннее. Трудно было понять, то ли это неаккуратная работа птиц, то ли намеренный камуфляж. Во всяком случае пряди травы и корешков маскировали гнездо, и на первый взгляд оно казалось попросту кочкой, которая пристала к бугристой, источенной струями воды скале. Гнездо было с футбольный мяч. Карниз наверху надежно защищал его от дождя.

Первым делом надо было установить, есть ли кто-нибудь в гнезде. К счастью, как раз напротив росло высокое молодое деревце. Мы по очереди залезали на него и заглядывали в гнездо. Увы, оно оказалось пустым. Правда, все было готово для кладки яиц, на дне лежала сплетенная из тонких корешков пружинистая подстилка. Чуть подалее мы заметили еще два гнезда. Одно из них – совсем готовое, как и первое, другое закончено только наполовину. Но ни птенцов, ни яиц...

– Если мы спрячемся, сэр, птицы скоро прилетят, – сказал Элиас.

– Ты уверен? – с сомнением спросил я.

– Да, сэр, честное слово, сэр.

– Хорошо, подождем немного.

Элиас отвел нас к пещере. Вход в нее был почти завален огромным камнем, и мы спрятались за этим естественным прикрытием. Отсюда отлично было видно скалу с гнездами. Оставалось только ждать.

Солнце уже спустилось к самому горизонту, лес помрачнел. Сквозь путаницу лиан и листвы над нашей головой небо казалось зеленым с золотыми пятнами, словно между кронами проглядывал могучий бок огромного дракона. Появились совершенно особые вечерние звуки. Издали доносился ритмичный гул, как будто на скалистый берег обрушивался прибой. Это прыгала с дерева на дерево стая обезьян, торопясь к месту ночлега. Сквозь гул прорывались крики "ойнк... ойнк...". Обезьяны прошли где-то под нами у подножия горки, но заросли были слишком густы, чтобы мы могли что-либо разглядеть. За обезьянами следовала обычная свита птиц-носорогов; в полете их крылья производили неожиданно громкие, отрывистые звуки. Две птицы с шумом опустились на ветви над нами, эффектно выделяясь на фоне зеленого неба, и затеяли какой-то долгий и серьезный разговор. Они кивали и качали головой, широко открывали большие клювы, кричали и истерически всхлипывали. Их фантастические головы с огромными клювами и толстыми продолговатыми наростами напоминали зловещие бесовские маски цейлонского танца.

Когда начало смеркаться, несмолкающий оркестр насекомых зазвучал в тысячу раз сильнее, и казалось, вся долина под нами вибрирует от их пения. Где-то древесная лягушка издала долгую трель, будто она крохотным пневматическим молотком сверлила дырочку в дереве и теперь остановилась, чтобы

инструмент остыл. Вдруг раздался новый звук. Такого я никогда еще не слышал и вопросительно поглядел на Элиаса. Он словно окаменел, пристально всматриваясь в сумрачную вязь лиан и листьев вокруг нас.

– Что это такое? – прошептал я.

– Это та птица, сэр.

Первый крик прозвучал далеко внизу, но теперь раздался второй, намного ближе. Очень странный звук, отдаленно напоминающий резкое тьяканье китайского мопса, только гораздо более жалобный и тонкий. Еще раз... еще... Но как мы ни напрягали зрение, птицы не было видно.

– Ты думаешь, это *Picathartes*? – прошептал Боб.

– Не знаю... Никогда не слышал такого звука.

Тишина. Вдруг крик повторился совсем близко, и мы замерли за своим камнем. Совсем неподалеку от нас стояло тридцатифутовое молодое деревце, согнувшееся под весом толстой, как канат, лианы, которая опутала его своими петлями. Ствол закрывала листва соседнего дерева. Все кругом в сумерках казалось расплывчатым, а на молодое деревце, заключенное в любовные объятия своего убийцы, падали последние лучи заходящего солнца, и оно очень четко выделялось на общем фоне. Вдруг, словно над маленькой сценой поднялся занавес, появился настоящий, живой *Picathartes*.

Я намеренно употребляю слово "вдруг". В тропическом лесу животные и птицы обычно передвигаются очень тихо и возникают перед вами внезапно, неожиданно, как по волшебству. Могучая лиана свисала с верхушки дерева толстой петлей, на этой петле и возникла птица. Она сидела, чуть покачиваясь и наклонив голову набок, будто прислушивалась. Нельзя не волноваться, когда видишь дикое животное в его естественной обстановке, но, когда рассматриваешь большую редкость, зная, что до тебя ее видела какая-нибудь горстка людей, душу охватывает особый восторг. Припав к земле, мы с Бобом глядели на птицу с вожделием и алчностью филателистов, которые обнаружили в альбоме мальчишки знаменитую марку, мечту всех коллекционеров.

Плешивая сорока была размером с галку, но туловище у нее пухлое, гладкое, как у черного дрозда. Ноги длинные, сильные, глаза большие и пронзительные. Грудка желтая с нежным кремовым отливом, спина и длинный хвост изумительного мягкого темно-серого цвета, будто припудренные. Окаймляющая крылья черная полоска резко разграничивала и подчеркивала окраску спины и грудки. Но интереснее всего голова, от нее нельзя было оторваться. Ни одного пера, голая кожа, лоб и макушка небесно-голубого цвета, затылок ярко-розовый, как сок марены, а виски и щеки черные. Обычно лысая

птица производит неприятное впечатление, словно она поражена какой-то дурной неизлечимой болезнью, но плешивая сорока с ее трехцветной головой выглядела великолепно, как будто носила венец.

Посидев с минуту на лиане, птица слетела на землю и стала двигаться огромными, очень странными прыжками, не похожими на птичьи. Казалось, она подскакивает в воздух на пружинах. Вот птица исчезла между камнями, потом мы услышали ее крик. Почти тотчас с макушки скалы последовал ответ, и, подняв голову, мы увидели на ветке вторую сороку, которая осматривала сверху гнезда на обрыве. Вдруг она снялась с ветки и спустилась по спирали к одному из гнезд. Посидела, озираясь по сторонам, наклонилась, чтобы поправить сдвинувшийся с места корешок не толще волоска, потом прыгнула в воздух (иначе не скажешь) и понеслась над косогором в сумрачный лес. Вторая сорока вынырнула из-за камней и полетела вдогонку. Вскоре из чащи слышалась их жалобная переключка.

– Эх, – сказал Элиас, вставая и потягиваясь, – ушли.

– И уже не вернуться? – спросил я, колотя себя по онемевшей ноге.

– Не вернуться, сэр. Там в лесу они найдут себе толстый сук и устроятся спать. А завтра опять прилетят сюда, доделывать гнездо.

– Что ж, тогда пошли обратно в Эшоби.

Спуск по склону горы мы совершили куда быстрее, чем восхождение. Под лесным пологом теперь было настолько темно, что мы поминутно спотыкались и съезжали на зад у вниз, лихорадочно цепляясь за корни и ветки, чтобы притормозить.

Наконец мы вышли на главную улицу Эшоби, ободранные, исцарапанные, перепачканные землей. Я был страшно рад, что увидел живого *Picathartes*, и в то же время очень огорчен, так как совсем не надеялся добыть птенцов. Торчать в Эшоби не было никакого смысла, и я решил, что завтра мы пойдем обратно через лес в Мамфе. Может быть, по дороге нам удастся поймать каких-нибудь животных. В Камеруне один из самых действенных способов ло-

вить зверей – выкуривать их из дуплистых деревьев, а когда мы шли в Эшоби, я заметил много могучих стволов с дуплами, которые явно стоило исследовать.

Рано утром мы уложили свое снаряжение и отправили носильщиков вперед. Потом, не торопясь, выступил я с Бобом в сопровождении Элиаса и еще трех охотников из Эшоби.

Первое из подмеченных мной деревьев стояло у самой дороги, в трех милях от опушки. У этого дерева, высотой около ста пятидесяти футов, большая часть ствола была полая, как барабан. Обкуривать дупло – дело долгое и сложное, своего рода искусство. Прежде чем за него приниматься, надо выяснить, ждет ли вас добыча, заслуживающая таких усилий. Если в самом основании ствола есть большое отверстие, выяснить это сравнительно просто. Вы засовываете внутрь голову и просите кого-нибудь постучать по стволу палкой. И если в дупле прячутся животные, вы, как только стихнет гул, услышите беспокойное движение или во всяком случае догадаетесь о присутствии зверя поливню гнилой трухи. Убедившись, что внутри кто-то есть, возьмите бинокль и осмотрите снаружи верхнюю часть ствола, нет ли там выходов. Все эти выходы надо закрыть сетями. Один человек остается наверху, чтобы собирать животных, которые застрянут в сетях, а отверстия в нижней части ствола закупоривают. Теперь можно разжигать костер. Это самое хитрое во всей операции. Дупла сухие, как трут, и надо быть очень осторожным, не то вспыхнет все дерево. Первым делом разводите маленький костерок из сухих веточек, мха и листьев, когда же он разгорится, постепенно обкладываете его зелеными листьями, чтобы не было языков пламени, а только столб густого едкого дыма. Дым будет уходить в полый ствол, как в дымоход. Дальше могут случиться самые неожиданные вещи, ведь в дуплах обитает все на свете – от плюющей кобры до циветты, от летучей мыши до гигантской улитки. Половина интереса в том и заключается, что невозможно предугадать, с чем вы встретитесь.

Первое выкуривание нельзя было назвать ошеломляющей удачей. Всю нашу добычу составили несколько подковоносых летучих мышей с мордочками, как у лепных чудовищ, три гигантские многоножки – этакие отороченные снизу ножками франкфуртские сосиски – да маленькая серая соня, которая цапнула охотника за палец и удрала. Мы собрали сети, загасили костер и пошли дальше. Следующее полое дерево было намного выше и толще первого. В основании – огромная щель, будто дверь готической церкви. Мы свободно уместились вчетвером в этом темном дупле и стали глядеть вверх и стучать по стволу. В ответ мы слышали какую-то возню, и в глаза нам посыпалась мелкая труха. Там вверху явно что-то есть! Теперь вопрос, как закрыть верхние выходные отверстия, ведь до высоты ста двадцати футов ствол совершенно гладкий. У нас было три веревочных лестницы. Мы соединили их вместе, приделали к ним легкую крепкую веревку, к веревке привязали груз и стали забрасывать ее на верхние ветки дерева. Бросали так долго, что даже руки разболелись. Когда нам наконец удалось перекинуть веревку через сук, мы подтянули лестницы кверху и закрепили их. Везде, где надо, поместили сети, развели костер и стали ждать, что получится.

Обычно приходится ждать минут пять, чтобы дым проник во все закоулки и произвел какое-то действие, но в этот раз все произошло почти мгновенно.

Первыми появились отвратительные на вид твари, так называемые жгутоногие скорпионы. Когда они расставят свои длинные тонкие ноги, то становятся величиной с тарелку и по виду напоминают расплющенного паровым катком чудовищного паука толщиной в лист бумаги. Плоское тело позволяет жгутоногим скорпионам проникать в самые узкие щели и неожиданно выскакивать оттуда. К тому же они скользят по дереву, как по льду, развивая невероятную скорость. Вот это стремительное и бесшумное движение да еще лес ног и делает их такими отвратительными. Даже зная, что они безвредные, все равно невольно отпрянешь. Я стоял, прислонившись к дереву, и, когда первый скорпион, вдруг вынырнув из щели, побежал по моей голой руке, у меня, мягко говоря, душа ушла в пятки.

Не успел я опомниться, как остальные обитатели дупла в полном составе стали покидать свое убежище. Пять жирных серых летучих мышей забились в наших сетях, злобно пища и отчаянно гримасничая. К ним тут же присоединились две зеленые лесные белки с желтовато-коричневыми кольцами вокруг глаз. Кувыркаясь в сетях, они выражали свою ярость резкими криками. Мы старались брать их очень осторожно, чтобы они нас не покусали. Далее последовали шесть крупных серых сонь, две большие зеленоватые крысы с оранжевым носом и задом, тонкая зеленая древесная змея с огромными глазами, которая с несколько оскорбленным видом легко скользнула через ячейку сетки и пропала в зарослях прежде, чем кто-либо сообразил, как ее поймать. Стоял невообразимый шум и гам, африканцы прыгали в клубах дыма, кто-то выкрикивал команды, которых никто не выполнял, кто-то пронзительно кричал, трясая укушенной рукой, все наступали друг другу на ноги и упоенно размахивали мачете и палками, позабыв, что такое безопасность. Человек, которого мы послали на макушку дерева, тоже веселился. Он так лихо орал и прыгал на ветках, что мог каждую секунду шлепнуться на землю. У нас слезились глаза, в легкие проникал дым, зато мешки и сумки наполнялись копошащимся и прыгающим живым грузом.

Наконец последние жильцы оставили квартиру, дым исчез, и можно было сделать передышку, чтобы выкурить сигарету и осмотреть друг у друга почетные раны. В это время наш верхолаз спустил на длинных веревках два мешка с животными. Не зная, что в мешках, я взял их очень осторожно и спросил крепыша наверху:

– Что у тебя в этом мешке?

– Зверь, маса.

– Знаю, что зверь. Ты скажи – какой?

– А! Откуда мне знать, как маса их называет. Ну, такой вроде крысы, только с крыльями. А еще один зверь с большими-пребольшими глазами, как у человека, сэр.

Меня вдруг охватило сильное волнение.

– А лапы, как у крысы или как у обезьяны? – крикнул я.

– Как у обезьяны, сэр.

– Что это? – с любопытством спросил Боб, пока я распутывал веревку, которой был завязан мешок.

– Я не уверен, но кажется, бушбеби... А их тут водится два вида и оба редкие.

Прошла вечность. Наконец я развязал веревку и осторожно приоткрыл ме-

шок. На меня смотрела маленькая, милая серая мордочка с большущими, прижатыми к голове веерами ушей и огромными золотистыми глазами, в которых был такой ужас, словно они принадлежали престарелому привидению, обнаружившему в темном чулане человека. У зверька были большие, похожие на человеческие руки с длинными, тонкими костлявыми пальцами. На каждом пальце, кроме указательного, сидел крохотный плоский ноготок, чистый, словно после маникюра. Указательный палец заканчивался изогнутым когтем, который казался совсем не к месту на такой руке.

– Что это за зверь? – спросил Боб. Глядя на благоговейное выражение моего лица, он почтительно понизил голос.

– Это, – с восторгом заговорил я, – животное, за которым я охотился каждый раз, когда приезжал в Камерун. *Euoticus elegantulus*, больше известный как галаго или бушбеби. Чрезвычайно редкий вид, и если нам удастся доставить его в Англию, он будет первым экземпляром в Европе.

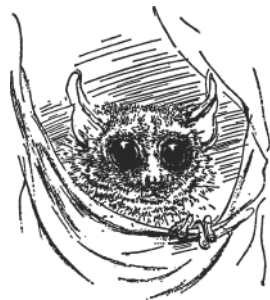
– Черт возьми! – Боб явно был поражен.

Я показал зверька Элиасу.

– Ты знаешь этого зверя, Элиас?

– Да, сэр, я его знаю.

– Мне очень, очень нужны такие звери. Если ты мне добудешь еще, я заплачу тебе один фунт. Понял?

– Понял, сэр. Но дело в том, маса, что этот зверь выходит только ночью. Чтобы ловить его, нужен охотничий фонарь.

– Ясно, но ты во всяком случае скажи всем в Эшоби, что я за такого плачу один фунт.

– Ладно, сэр, я им скажу.

– А теперь, – обратился я к Бобу, хорошенько завязывая мешок с драгоценным уловом, – скорей пошли в Мамфе, посадим его в подходящую клетку, чтобы можно было как следует рассмотреть.

Мы собрали все снаряжение и проворно зашагали через лес в Мамфе, поминутно останавливаясь, чтобы заглянуть в мешок и удостовериться, что драгоценному экземпляру есть чем дышать и что он не исчез по мановению какого-нибудь грозного ю-ю. Уже за полдень мы достигли Мамфе и с громкими криками ворвались в дом. Нам не терпелось похвастаться нашей добычей перед Джеки и Софи. Я осторожно приоткрыл мешок, галаго высунул оттуда голову и обозрел каждого из нас по очереди своими глазищами.

– Какой же он милый, – сказала Джеки.

– Какой он славный, – подхватила Софи.

– Да, – гордо отозвался я, – это...

– Как мы его назовем? – перебила меня Джеки.

– Надо придумать для него хорошее имя, – сказала Софи.

- Это чрезвычайно редкий... – снова начал я.
 - Может быть, Пузырь? – предложила Софи.
 - Нет, какой же это Пузырь? – возразила Джеки, критически обозревая зверька.
 - Это Euoticus...
 - А может быть, Мечтатель?
 - Еще никто не привозил...
 - Нет, на Мечтателя он тоже не похож.
 - Ни в одном европейском зоопарке...
 - А если Пушок? – спросила Софи.
- Я содрогнулся.
- Если уж непременно давать ему кличку, назовите его Пучеглазым, – предложил я.
 - Правда! – воскликнула Джеки. – Это подходит.
 - Вот и хорошо, – продолжал я. – Очень рад, что крещение прошло успешно.
- А как насчет клетки для него?
- Клетка есть, – ответила Джеки, – об этом не беспокойся.
- Мы пустили зверька в клетку, и он сел на пол, глядя на нас все с таким же ужасом.
- Правда, милый? – твердила Джеки.
 - Крошка! – ворковала Софи.
- Я вздохнул. Сколько их ни вразумляй, моя жена и мой секретарь, увидев что-нибудь пушистое, неизменно будут впадать в отвратительное сюсюкающее умиление.
- Ладно, – покорно сказал я, – может быть, вы покормите своего крошку? Тем временем другая крошечка пойдет в комнатку и выпьет глоточек джинчику.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СНОВА В БАФУТЕ

Письмо с нарочным

Мой добрый друг!
Я рад, что ты снова прибыл в Бафут. Я приветствую тебя. Когда отдохнешь после путешествия, приходи ко мне.
Твой добрый друг,
Фон Бафута

Глава третья Звери Фона

Вернувшись из Эшоби, мы с Джеки поставили на грузовик клетки с теми животными, которых уже добыли, и поехали в Бафут, оставив Боба и Софи в Мамфе, чтобы они попытались приобрести еще каких-нибудь обитателей влажного тропического леса, а потом догоняли нас.

Путь от Мамфе до нагорья долог и утомителен, но для меня он полон очарования. Первая часть дороги проходит через густой лес в долине, где лежит Мамфе. Грузовик, завывая, трясся по красной дороге между могучими стволами, на которых висели гирлянды лиан. Со звонкими криками носились стаи птиц-носорогов, парами летали желтовато-зеленые турако, их крылья в полете отливали фуксином. На стволах деревьев, лежавших вдоль дороги, оранжевые, синие и черные ящерицы спорили с карликовыми зимородками из-за пауков, саранчи и прочих лакомств, которые можно было найти среди пурпурных и белых вьюнов. На дне каждой лоцинки струился ручей, перекрытый скрипучим деревянным мостиком. Когда машина форсировала поток, тучи бабочек взлетали с влажной земли и кружили над капотом.

Часа через два дорога полезла вверх, на первых порах чуть заметно, делая широкие петли. Над низкой порослью, будто чудом выросшие зеленые фонтаны, высились громадные древовидные папоротники. Выше лес начал уступать место клочкам саванны, выжженной солнцем.

Мало-помалу, словно мы сбрасывали толстое зеленое пальто, лес начал уступать место саванне. Цветные ящерицы, захмелев от солнца, перебежали через дорогу, стайки крохотных астрильдов вырывались из зарослей, будто снопы алых искр, и порхали перед нами. Грузовик рычал и трясся, над радиатором вился пар. Наконец, сделав последнее усилие, машина взобралась на гребень плато. Позади остался лес Мамфе, тысячи оттенков зелени, а впереди раскинулась саванна и на сотни миль протянулись горы, складка за складкой, до мглистого горизонта, золотые, зеленые, с мазками теней от облаков, далекие и прекрасные в солнечных лучах. Водитель вывел грузовик на бугор и круто затормозил, так что вихри красной пыли взмыли вверх и окутали нас и наше имущество. Он улыбнулся широкой, счастливой улыбкой человека, совершившего что-то значительное.

– Почему мы остановились? – справился я.

Водитель честно ответил почему и нырнул в высокую траву возле дороги.

Мы с Джеки выбрались из раскаленной кабины и пошли посмотреть, как себя чувствуют в кузове наши животные. Важно восседавший на брезенте Филип повернул к нам красное от пыли лицо. Когда мы отправлялись в путь, его фетровая шляпа была нежного жемчужного цвета, теперь и она покраснела. Он оглушительно чихнул в зеленый носовой платок и укоризненно посмотрел на меня.

– Очень много пыли, сэр, – проревел он на тот случай, если я этого не заметил.

Но так как мы с Джеки у себя в кабине запылились ничуть не меньше, мне было трудно ему сочувствовать.

– Как поживают звери? – спросил я.

– Хорошо, сэр. Только эта лесная свинья, сэр, слишком уж злая.

– А что она сделала?

– Она украла мою подушку, – возмущенно доложил Филип.

Я заглянул в клетку Тикки, черноногой мангусты. Она и впрямь не скучала в пути: просунув лапу между прутьями, потихоньку втащила в клетку маленькую подушку, которая составляла часть постели нашего повара. И теперь окруженная сугробами перьев важно сидела на остатках подушки, явно очень довольная собой.

– Ничего, – утешил я повара, – я куплю тебе новую. А ты присматривай за остальными своими вещами, не то она их тоже украдет.

– Хорошо, сэр, я присмотрю, – ответил Филип, бросая хмурый взгляд на облепленную перьями Тикки.

И мы покатали дальше через зеленую, золотистую и белую саванну под синим небом с тонкими прожилками ссученных ветром белых облаков – будто легкие клочья овечьей шерсти плыли у нас над головой. Казалось, здесь надо всем потрудился ветер. Могучие обнажения серых скал он превратил в причудливейшие изваяния, высокую траву – в застывшие волны, маленькие деревья согнул и искорежил. Все вокруг трепетало и пело в лад ветру, а он тихо по-свистывал в траве, заставлял деревца взвизгивать и потрескивать, трубил и гикал среди высоких скал.

Мы продолжали путь к Бафуту. К концу дня небо стало бледно-золотистым, потом солнце ушло за дальние горы, и весь мир окутался прохладным зеленым сумраком. Уже в потемках грузовик с ревом обогнул последний поворот

и остановился в центре Бафута, возле усадьбы Фона. Слева простирался широкий двор, дальше сгрудились домишки жен и детей Фона. Над ними возвышалась большая хижина, в которой покоился дух его отца и множество других, не столь важных духов. Казалось, что на нефритовом ночном небе вздымается чудовищный, потемневший от времени улей. На пригорке справа от дороги стоял рестхауз Фона, что-то вроде двухэтажной итальянской виллы из камня с опрятной черепичной крышей. Он смахивал на ящик для обуви. Вдоль обеих этажей – широкие веранды, увитые бугенвиллеями с розовыми и кирпичными цветками.

Мы выбрались из машины и проследили за выгрузкой животных и их размещением на веранде второго этажа. Потом сгрузили и убрали все снаряжение. Пока мы пытались кое-как смыть с себя красную пыль, Филип схватил остатки своей постели, ящик с кухонной утварью и продуктами и зашагал к кухне твердо и решительно, будто патруль, которому поручено подавить небольшой, но досадный бунт. Когда мы кончили кормить животных, он появился вновь и принес удивительно вкусный ужин. После еды все повалились на кровати и уснули как убитые.

На следующее утро, едва занялась заря, мы по холодку отправились засвидетельствовать почтение нашему хозяину – Фону. Миновали широченный двор и нырнули в хаос площадок и улочек между хижинами жен Фона. Наконец вошли в небольшой дворик, осененный могучей гуавой. Здесь стояла вилла самого Фона, маленькая, аккуратная, сложенная из камня и покрытая черепицей, с широкой верандой вдоль одной стороны. На верхней ступеньке крыльца стоял мой друг, Фон Бафута.

Вот он – высокий, стройный, в простом одеянии, белом с синим узором. На голове маленькая ермолка тех же цветов. Лицо его озаряла так хорошо знакомая мне веселая, озорная улыбка. Могучая рука была протянута вперед для приветствия.

– Здравствуй, мой друг! – воскликнул я, взбегая по ступенькам.

– Добро пожаловать, добро пожаловать... ты приехал... добро пожаловать, – с жаром ответил он, стискивая мою руку своей мощной дланью, а другой рукой обнимая меня за плечи и нежно похлопывая по спине.

– Ты хорошо поживаешь, мой друг? – спросил я, рассматривая его лицо.

– Хорошо, хорошо, – ответил он, улыбаясь.

Слишком слабо сказано, подумал я. У него был попросту цветущий вид. Восемь лет назад, когда мы встречались в последний раз, ему уже пошел восьмой десяток, и он явно перенес эти годы лучше, чем я. Я представил ему Джеки. Это была потешная картина: Фон, ростом шесть футов три дюйма, а на вид еще выше благодаря своему длинному одеянию, улыбаясь, наклонился над Джеки (пять футов один дюйм), и ее детская ручонка совсем исчезла в его широкой смуглой лапе.

– Пожалуйста, заходите, – с этими словами он взял нас за руки и повел в дом.

Все было так, как я помнил. Уютная прохладная комната с леопардовыми шкурами на полу, украшенные изумительной резьбой деревянные кушетки с горами подушек. Мы сели. Одна из жен Фона принесла поднос с бутылками и стаканами. Фон щедрой рукой наполнил три стакана шотландским виски и, радостно улыбаясь, вручил нам. Я посмотрел на четыре дюйма неразбавлен-

ного виски в моем стакане и вздохнул. Что бы ни совершил Фон со времени моего прошлого визита, в общество трезвости он не вступил.

– Ваше здоровье! – сказал Фон и сделал добрый глоток.

Мы с Джеки пили не так рьяно.

– Мой друг, – сказал я. – Я очень, очень рад опять тебя видеть.

– Ва! Рад? – воскликнул Фон. – Вот я рад тебя видеть. Когда мне сказали, что ты снова в Камеруне, я сильно обрадовался.

Я осторожно глотнул виски.

– Мне говорили, будто ты на меня сердишься за то, что я написал книгу, где рассказал, как весело мы проводили время в прошлый раз. Я даже боялся ехать в Бафут.

Фон насупился.

– Кто же это тебе говорил? – грозно спросил он.

– Да так, один европеец.

– А! Европеец, – Фон пожал плечами, словно удивляясь, как я мог поверить тому, что мне говорил какой-то белый. – Ложь это.

– Ну и слава богу, – произнес я. – Мне было бы тяжело, если б оказалось, что ты на меня сердишься.

– Нет, нет, я на тебя не сержусь, – сказал Фон и налил мне еще добрую порцию виски, я не успел даже помешать ему. – Эта книга, которую ты написал... она мне здорово понравилась... ты прославил мое имя на весь мир... теперь люди повсюду знают мое имя... это здорово.

Я еще раз понял, что недооценил Фона. Он определенно смекнул, что лучше какая-то известность, чем никакой.

– Понимаешь, – продолжал он, – много народу приезжает сюда в Бафут, самые разные люди, и все показывают мне твою книгу, в которой стоит мое имя... это же замечательно.

– Да, это замечательно, – в замешательстве согласился я.

Мне и в голову не приходило, что Фон стал по моей милости литературным героем.

– Когда я ездил в Нигерию, – сказал он, задумчиво разглядывая на свет бутылку, – когда я ездил в Лагос на встречу королевы, там у всех европейцев была твоя книга. Очень много людей просили меня написать имя на твоей книге.

Представив себе Фона раздающим в Лагосе автографы на экземплярах моей книги, я просто онемел.

– Вам понравилась королева? – спросила Джеки.

– Ва! Понравилась? Очень понравилась! Замечательная женщина. Совсем-совсем маленькая, вроде тебя. Но сильная, сразу видно. Ва! Это очень сильная женщина.

– А Нигерия тебе понравилась? – спросил я.

– Не понравилась, – твердо сказал Фон. – Слишком жарко. Солнце, солнце, солнце, я обливался потом. А эта королева, она сильная... идет и хоть бы что, совсем не потеет. Замечательная женщина.

Он посмеялся, вспоминая что-то, и рассеянно подлил нам виски.

– Я подарил королеве зуб слона, – продолжал он. Вы его видели?

– Да, я его видел, – ответил я, припоминая великолепный резной бивень, преподнесенный ее величеству камерунцами.

– Этот зуб я подарил от всего народа Камеруна, – объяснил он. – Королева сидела в каком-то кресле, и я тихо подошел к ней, чтобы отдать зуб. Она взяла его. Тут европейцы стали говорить, что не годится показывать свою спину королеве, поэтому все люди пятились. И я пятился. Ва! А там ступеньки! Я боялся, что упаду, но шел очень тихо и не упал... а как боялся!

Он смеялся до слез при воспоминании о том, как, отходя от королевы, пятился по ступенькам.

– Нет, в Нигерии плохо, – сказал он, – слишком жарко... Я обливался потом.

При слове "обливался" его глаза остановились на бутылке виски, поэтому я поспешно встал и сказал, что нам пора идти: надо еще разобрать вещи. Фон вышел с нами на залитый солнцем двор и, не выпуская наших рук, с высоты своего роста пристально посмотрел нам в глаза.

– Вечером вы придете опять, – сказал он. – Мы выпьем, а?

– Конечно, мы придем вечером, – заверил я его.

Он широко улыбнулся Джеки.

– Вечером я тебе покажу, как мы веселимся в Бафуте.

– Отлично, – ответила Джеки, мужественно улыбаясь.

Фон важно взмахнул рукой, отпуская нас, повернулся и пошел к себе в дом, а мы побрели к рестхаузу.

– Боюсь, после такой дозы виски я не смогу завтракать, – сказала Джеки.

– Какая же это доза, – возразил я. – Просто скромный аперитив, утренняя зарядка. Вот посмотришь, что вечером будет.

– Вечером я пить не буду, управляйтесь вдвоем, – твердо произнесла Джеки. – Мне одну рюмку, и все.

После завтрака, когда мы занялись животными, я случайно глянул через перила веранды на дорогу и увидел направляющихся к дому людей. Когда они подошли ближе, я заметил, что у каждого на голове корзина из рафии или же закупоренный зелеными листьями калебас. Уже несут животных? Вряд ли. Обычно нужно не меньше недели, чтобы распространилась новость и начали приходить охотники. Затаив дыхание, я следил за ними. А они свернули с дороги и, обмениваясь шутками, стали подниматься на высокое крыльцо веранды. На верхней ступеньке смех замолк, и все осторожно опустили на пол свои приношения.

– Здравствуйте, мои друзья, – сказал я.

– Доброе утро, маса, – улыбаясь, ответили они хором.

– Что это вы тут принесли?

– Это звери, сэр, – последовал ответ.

– Но откуда вы знаете, что я приехал в Бафут покупать зверей? – в совершенном недоумении спросил я.

– Э, маса, нам об этом Фон сказал, – объяснил один из охотников.

– Силы небесные, если Фон всех оповестил еще до нашего приезда, нам грозит наводнение, – сказала Джеки.

– Оно уже началось, – заметил я, обзревая сложенные у моих ног корзины и калебасы. – А мы еще даже не приготовили клетки. Ладно, как-нибудь справимся. Посмотрим, что они принесли.

Я нагнулся, взял одну корзину и поднял ее над головой.

– Кто принес это? – спросил я.

– Я, сэр.

– Ну, и что у тебя там внутри?

– Там бери-ка, сэр.

– Что такое бери-ка? – осведомилась Джеки, когда я принялся развязывать веревки, которыми была опутана корзина.

– Не представляю себе, – ответил я.

– Может быть, лучше спросить? – осмотрительно предложила Джеки. – Вдруг там сидит кобра или еще что-нибудь в этом роде!

– Пожалуй, ты права. – Я отпустил веревку и повернулся к охотнику, который с беспокойством следил за мной.

– А что же это за зверь – бери-ка?

– Такой маленький зверек, сэр.

– Это плохой зверек? Он кусает человека?

– Нет, сэр, что вы. Эта бери-ка совсем малютка, сэр... детеныш.

Ободренный таким известием, я открыл корзину и заглянул внутрь. В травяном гнездышке на дне копошилась крохотная, не больше трех с половиной дюймов в длину, белочка. Судя по тому, что ее до сих пор покрывал тонкий, блестящий, как плюш, пушок и глаза еще не открылись, ей было всего несколько дней от роду. Я осторожно взял ее на руки. Попискивая, она лежала на моей ладони, и ее розовый ротик складывался в кружочек, как у юного певца из хора мальчиков, а крохотные лапки гладили мои пальцы. Я терпеливо ждал, когда иссякнет поток антропоморфизмов, на которые так щедра моя супруга.

– Хорошо, – сказал я, – если хочешь, возьми ее себе. Но предупреждаю, ты намучишься с кормлением. Я бы вообще не согласился ее взять, но это черноухая белка, а они очень редки.

– Увидишь, все будет в порядке, – живо ответила Джеки. – Детеныш здоровый, а это главное.

Я вздохнул. Мне вспомнились несчастные бельчата, с которыми я возился в разных концах света, и все они были один другого слабее и немогуще. Я обратился к охотнику.

– Мой друг, этот зверек хороший, он мне очень понравился. Но ведь это детеныш, верно? Он ведь не выживет, верно?

– Да, сэр, – с грустью согласился охотник.

– Так я сейчас заплачу тебе два, всего два шиллинга и дам тебе записку. Приходи опять через две недели. И если детеныш будет жив, я тебе заплачу еще пять шиллингов. Ты согласен?

– Да, сэр, я согласен, – с довольной улыбкой ответил он.

Я заплатил ему два шиллинга и написал обязательство на остальные пять. Он бережно спрятал бумажку в складках своего саронга.

– Смотри не потеряй, – предупредил я. – Если потеряешь, я тебе не заплачу.

– Нет, маса, не потеряю, – улыбаясь, заверил он меня.

– Ты только посмотри, какая чудесная расцветка, – сказала Джеки, любуясь лежащим на ее ладонях бельчонком.

В этом я был с ней вполне согласен. Крохотная головка – ярко-оранжевая, за каждым ушком – черная полоска, словно мама не умыла как следует своего малыша. Спинка в зеленую полоску, а животик светло-желтый. Смешной хвост был темно-зеленый сверху и огненно-оранжевый снизу.

– Как мы ее назовем? – спросила Джеки.

Я взглянул на трепещущий комочек, который все еще продолжал упражняться в пении.

– Назови ее, как называл охотник: малютка Бери-ка, – предложил я.

И зверек стал Малюткой Бери-кой. Правда, потом мы для удобства говорили просто Малютка.

Увлеченный придумыванием имени, я уже развязывал следующую корзину, позабыв спросить охотника, что в ней. И когда неосмотрительно поднял крышку, оттуда высунулась острая маленькая крысиная морда, цапнула меня за палец, издала яростный визг и снова скрылась в недрах корзины.

– Это еще что за тварь? – спросила Джеки, пока я сосал укушенный палец и бранился, а хор охотников причитал: "Ах, беда, сэр, ах, беда" – будто они все были ответственны за мою глупость.

– Эта злобная милая крошка – карликовая мангуста, – сказал я. – Для своего роста, пожалуй, самый свирепый зверь в Бафуте и визжит пронзительнее всех мелких животных, каких я знаю, если не считать мартышку.

– Где мы будем его держать?

– Надо приготовить несколько клеток. Пусть посидит в корзине, пока я разберусь с остальными, – сказал я, осторожно завязывая корзину.

– Хорошо, что у нас два разных вида мангуст, – сказала Джеки.

– Ага, – согласился я, продолжая сосать палец, – прелестно.

В остальных калесах и корзинах не было ничего интересного: три обыкновенные жабы, маленькая зеленая гадюка и четыре ткачика. Все это мне было не нужно. Я спровадил охотников и занялся жилищным устройством карликовой мангусты. Для зверолова едва ли не самый тяжкий грех – не подготовить загодя клетки. В этом я убедился во время моей первой поездки. Снаряжение у нас было припасено всевозможное, а клеток я не взял, рассчитывая, что мы их сделаем на месте. В итоге первая волна животных застигла нас врасплох. Протрудившись день и ночь, мы наконец разместили их, но тут нахлынула вторая волна, и все началось сначала. Помню, как у моей раскладушки сидело на привязи сразу шесть разных зверей. С тех пор я всегда предусмотрительно беру с собой в дорогу несколько складных клеток, чтобы при всех обстоятельствах можно было обеспечить квартирой хотя бы первые сорок – пятьдесят животных.

Итак, я собрал одну из наших специальных клеток, постелил на пол сухие банановые листья и ухитрился посадить туда карликовую мангусту так, что мои пальцы при этом не пострадали. Зверек остановился посередине клетки, устремил на меня маленькие блестящие глаза и поднял изящную лапку, издавая яростный визг, от которого у нас в конце концов заложило уши. Звук был такой резкий и нестерпимый, что я в отчаянии швырнул в клетку большой кусок мяса. Зверек прыгнул на него, сильно встряхнул, убедился, что добыча не живая, утащил мясо в уголок и принялся есть. Мангуста, правда, еще продолжала кричать на нас, но с полной пастью, поэтому звук был уже не таким пронзительным. Я поставил эту клетку рядом с клеткой черноногой мангусты Тикки и сел наблюдать.

С первого взгляда никто бы не принял этих двух животных даже за отдаленных родственников. Черноногая мангуста, хотя она была еще детенышем, достигала двух футов в длину и около восьми дюймов в высоту. У нее была грубоватая, скорее собачья морда с темными, слегка выпученными круглыми

глазами. Голова, тело и хвост – сочного кремового цвета, тонкие ноги – темно-коричневые, почти черные. Гибкая, лоснящаяся, стройная, она напоминала мне парижскую красотку с нежной кожей, одетую лишь в пару черных шелковых чулок. Зато карликовая мангуста совсем не похожа на парижаночку. Мордочка у нее маленькая, остренькая, с крохотным, круглым розовым носиком и блестящими малюсенькими карими глазками. Густой и довольно длинный мех темно-шоколадного цвета с рыжеватыми подпалинами. В длину, вместе с хвостом, эта мангуста едва достигает десяти дюймов.

Тикки, существо чопорное и важное, чуть ли не с ужасом смотрела на новичка в соседней клетке, который визжа и ворча, пожирал окровавленное мясо. Наша черноногая мангуста была очень разборчива и щепетильна, ей и в голову не пришло бы вести себя так невоспитанно – кричать с полным ртом и бесноваться, словно ты в жизни не наедалась досыта. Поглядев несколько секунд на карлика, Тикки презрительно фыркнула, покружилась на своих стройных ногах и легла спать. Карликовая мангуста, нисколько не задетая таким демонстративным осуждением, продолжала визжать и чавкать, доедая остатки своей окровавленной пищи. Уничтожив последний кусочек и тщательно исследовав пол – не осталось ли где-нибудь крошки, – она села, энергично почесалась, потом тоже свернулась калачиком. Когда мы разбудили зверька через час, чтобы увековечить для потомства его голос, он стал издавать вопли, исполненные такого гнева и возмущения, что пришлось отнести микрофон в дальний конец веранды. Все же до вечера мы успешно записали не только карликовую мангусту, но и Тикки да еще распаковали девяносто процентов снаряжения.

После обеда, захватив бутылку виски, сигарет и керосиновый фонарь, мы отправились к Фону. Воздух был теплый, дремотный, пахло дымком и прокаленной солнцем землей. Сверчки звенели и стрекотали в траве по бокам дороги, а в сумрачных кронах плодовых деревьев, обступивших просторный двор усадьбы Фона, возились летучие мыши. Посреди двора гурьба детей Фона затеяла игру. Став в круг, они хлопали в ладоши и пели. А из-за деревьев поодаль, словно неровный стук сердца, доносилась дробь небольшого барабана. Мы пробирались между женскими хижинами, озаренными изнутри красным светом кухонного очага. Из дверей плыл запах жареного мяса, печеных бананов и тушеного мяса, а то и резкий, неприятный дух вяленой рыбы. Наконец мы пришли к вилле Фона. Он встретил нас на ступеньках, огромный в полутьме, и пожал нам руки, шурша мантией.

– Добро пожаловать, добро пожаловать. – Фон широко улыбался. – Входите в дом.

– Я захватил немного виски для увеселения души, – сообщил я, показывая бутылку.

– Ва! Отлично, отлично, – ответил Фон, смеясь. – Виски очень хорошо для веселья.

Его великолепная красно-желтая мантия блестела в мягком свете лампы, будто тигровая шкура, а на худом запястье был широкий браслет из слоновой кости с изумительной резьбой. Мы сели. В глубоком молчании был исполнен торжественный ритуал разливания первой дозы. И когда каждый сжал в руке полстакана чистого виски, Фон с широкой озорной улыбкой обратился к нам.

– Ваше здоровье! – сказал он, поднимая свой стакан. – Сегодня ночью мы повеселимся.

Так началось то, что мы потом называли Вечером Похмелья.

Непрерывно подливая виски в наши стаканы, Фон опять рассказывал нам про свое путешествие в Нигерию, как жарко там было, как он "обливался потом". Его восхищение королевой не знало границ. Как же! Он живет в этой стране и то почувствовал жару, а королева при всех ее хлопотах оставалась свежей и обаятельной! Меня поразило это пылкое и совершенно искреннее восхищение, ведь Фон принадлежал к обществу, где женщин приравнивают к вьючному скоту.

– Ты любишь музыку? – спросил он Джеки, исчерпав тему Нигерии.

– Да, – ответила Джеки, – очень люблю.

Фон широко улыбнулся.

– Ты помнишь мою музыку? – обратился он ко мне.

– Конечно, помню. Такой музыки больше нигде нет, мой друг.

Фон даже крякнул от удовольствия.

– Ты написал про эту музыку в своей книге, верно?

– Совершенно верно.

– И еще ты написал, – подошел он к самому главному, – про пляски и про то, как мы веселились, верно?

– Да... пляски были замечательные.

– Хочешь, мы покажем твоей жене, какие танцы танцуют здесь в Бафуте? – спросил он, направив на меня длинный указательный палец.

– Очень хочу.

– Отлично, отлично... Тогда пойдем в дом плясок. – Он величественно встал и прикрыл узкой ладонью рот, сдерживая отрыжку.

Две его жены, молча сидевшие поодаль, подбежали к нам, взяли поднос с напитками и засеменяли впереди. Фон повел нас через всю усадьбу к дому плясок.

Это было большое квадратное строение, вроде наших ратуш, но с земляным полом и всего лишь несколькими крохотными оконцами. У одной стены стояли в ряд плетеные кресла – так сказать, королевская ложа. Над креслами висели в рамках фотографии членов королевской фамилии. Когда мы вошли, собравшиеся жены (их было сорок или пятьдесят) встретили нас обычным здесь приветствием: они громко кричали, хлопали себя при этом ладонью по открытому рту. Шум стоял потрясающий, тем более что облаченные в яркие мантии избранные советники Фона хлопали в ладоши. Нас с Джеки, чуть не оглохших от такого приветствия, усадили в кресла рядом с Фоном и поставили перед нами столик с напитками. Откинувшись в своем кресле, Фон обратился к

нам сияющее радостной улыбкой лицо.

– А теперь повеселимся! – с этими словами он наклонился и налил каждому по полстакана виски из только что откупоренной бутылки.

– Ваше здоровье, – сказал Фон.

– Будь-будь, – рассеянно отозвался я.

– Что это такое? – заинтересовался Фон.

– Как – что? – удивился я.

– Да то, что ты сказал.

– А, ты про "будь-будь"?

– Да-да, вот именно.

– Так принято говорить, когда выпиваешь.

– Все равно что "твое здоровье"? – допытывался он.

– Ну да, то же самое.

Он помолчал, только губы его шевелились. Очевидно, сравнивая, какой из тостов звучит лучше. Потом снова поднял свой стакан.

– Будь-будь, – сказал Фон.

– Твое здоровье! – отозвался я, и Фон откинулся на спинку кресла, закатившись смехом.

Явился оркестр. Три барабана, две флейты и наполненный сухой кукурузой калекас, который издавал приятный шуршащий звук вроде маримбы. Исполнителями были четыре парня и две жены Фона. Музыканты заняли места в углу дома плясок и, выжидательно глядя на Фона, стали выбивать какую-то дробь на барабанах. Фон, отдышавшись после приступа веселья, что-то властно рявкнул, и две женщины поставили посредине танцевальной площадки столик, а на него керосиновую лампу. Опять прозвучала барабанная дробь.

– Мой друг, – сказал Фон, – ты помнишь, как ты гостил в Бафуте и учил меня европейским танцам?

– Да, – ответил я, – помню.

Речь шла об одной из пирушек Фона, где я, вдохновленный радушием хозяина, решил показать ему, его советникам и женам, как танцуют конгу. Успех был огромный, но я думал, что за истекшие восемь лет Фон давно все это забыл.

– Сейчас я тебе покажу, – сказал Фон. Глаза его искрились.

Он проревел новый приказ. Около двадцати его жен вышли на середину и стали в круг, крепко держась друг за друга. Потом они присели, как бегуны на старте, и замерли в ожидании.

– Что они собираются делать? – прошептала Джеки.

В моей душе подымалось бесовское веселье.

– Похоже, – сказал я мечтательно, – что после моего отъезда он все время заставлял их танцевать конгу, и мы теперь увидим, чего они достигли.

Фон поднял вверх широкую ладонь, и оркестр принялся с жаром исполнять бафутскую мелодию в ритме конги. Все в той же странной позе жены Фона с серьезными, сосредоточенными лицами пошли вокруг лампы, на каждом шестом такте выбрасывая ногу в сторону. Зрелище было восхитительным.

– Мой друг, – заговорил я, тронутый спектаклем, – это же просто замечательно.

– Чудесно, – горячо подхватила Джеки, – они танцуют очень хорошо.

– Это тот танец, которому ты меня учил, – объяснил Фон.

– Да-да, я помню.

Смеясь, он повернулся к Джеки.

– Твой муж, он очень сильный... мы танцевали, танцевали, пили... Ва! Мы так веселились!

Мелодия оборвалась, и жены Фона, робко улыбаясь в ответ на наши аплодисменты, поднялись и вернулись на свои места у стены. По приказу Фона внесли большой калекас с пальмовым вином и пустили его по кругу. Каждая танцовщица подставляла сложенные чашечкой ладони, чтобы получить свою долю. Воодушевленный этим зрелищем, Фон снова наполнил наши стаканы.

– Да, – предался он опять воспоминаниям, – твой муж силен танцевать и пить.

– Теперь уже не силен, – вступил я, – теперь я уже старик.

– Что ты, мой друг, – рассмеялся Фон, – это я старик, ты еще молодой.

– Ты выглядишь моложе, чем в прошлый раз, когда я приезжал в Бафут, – вполне искренне сказал я.

– Это потому, что у вас много жен, – добавила Джеки.

– Ва! Нет уж, – сокрушенно возразил Фон. – Я от них очень устаю.

Он уныло поглядел на стоящих вдоль стены женщин и пригубил виски.

– Они мне голову морочат, эти жены, – добавил он.

– Мой муж про меня тоже говорит, что я ему голову морочу, – сказала Джеки.

– Твой муж счастливый. У него только одна жена, а у меня их много, и они мне все время голову морочат.

– Но от жен большая польза, – возразила Джеки.

Фон недоверчиво посмотрел на нее.

– Без жен у вас не было бы детей, – деловито заметила Джеки. – Ведь у мужчины не может быть детей.

Это замечание вызвало у Фона такой приступ веселья, что я испугался, как бы его не хватил удар. Откинувшись в своем кресле, он хохотал, хохотал до слез. Наконец выпрямился и вытер глаза, все еще сотрясаясь от смеха.

– А твоя жена неплохо соображает. – Смеясь, он налил Джеки побольше виски во славу ее ума. – Ты была бы хорошей женой для меня, – добавил он, ласково глядя ее по голове. – Будь-будь.

Музыканты, которые зачем-то выходили из дома, вернулись, вытерли губы и с новыми силами принялись наигрывать одну из моих любимых бафутских мелодий – танец бабочки. Под звуки приятного, живого напева жены Фона вышли на середину и исполнили прелестный танец. Сперва они стояли все в ряд и делали руками и ногами какие-то замысловатые, чуть заметные движения. Потом две передних взяли за руки, а замыкающая, кружась, пошла вдоль ряда и вдруг стала валиться назад, но руки вовремя подхватили ее и поставили прямо. Танец продолжался, музыка становилась все стремительнее, все быстрее кружилась исполнительница роли бабочки, и две танцовщицы, которые держались за руки, все сильнее подбрасывали ее. В самый разгар танца Фон под радостные крики присутствующих важно поднялся с места и подошел к женщинам. Громко распевая, он тоже закружился, и его красно-желтая мантия превратилась в сплошное красочное облако.

– Я танцую, я танцую, и никто меня не остановит, – весело пел он, – но я должен следить, чтобы не упасть на землю, как бабочка.

Вертясь волчком, он шел вдоль шеренги жен. Его могучий голос заглушал их хор.

– Хотя бы они его не уронили, – сказал я Джеки, глядя на двух тучных коренастых женщин в голове шеренги, которые, держась за руки, с легким испугом ждали своего господина и повелителя.

Последний лихой оборот, и Фон повалился на спину, но жены удержали его, хотя и пошатнулись от удара. Падая, Фон раскинул руки в стороны и на секунду закрыл женщин развевающимися полами мантии, так что и впрямь стал похож на огромную разноцветную бабочку. Ермолка у него сбилась набок. Лежа на руках жен, он обратил к нам сияющее улыбкой лицо. Женщины поднатужились и поставили его прямо. Еле переводя дух, он вернулся на свое место и плюхнулся в кресло.

– Мой друг, это отличный танец, – восхищенно сказал я. – Сколько же в тебе силы!

– Да, – подхватила Джеки, тоже пораженная этим выступлением, – вы очень сильный.

– Это хороший танец, замечательный танец, – смеясь сказал Фон и машинально налил всем виски.

– У вас тут в Бафуте есть другой танец, он мне тоже очень нравится, – сказал я. – Помнишь, как ты танцевал, изображая коня?

– А, да-да, знаю, – подхватил Фон. – Это когда мы танцуем с лошадиными хвостами.

– Правильно. Ты как-нибудь покажешь этот танец моей жене?

– Ну, конечно, мой друг, – ответил Фон, наклонился вперед и отдал распоряжение.

Одна из жен метнулась к двери. Фон повернулся к Джеки и улыбнулся.

– Сейчас принесут лошадиные хвосты, и мы потанцуем.

Вскоре женщина вернулась с целой связкой белых шелковистых конских хвостов длиной около двух футов. Они были вставлены в красивые рукоятки, сплетенные из кожаных ремней. Фону подали особенно длинный и роскошный хвост с рукояткой из синих, красных и золотых ремней. Он несколько раз взмахнул им, делая рукой изящные, плавные движения. Казалось, в воздухе перед ним плывет клуб дыма. Двадцать женщин, каждая с пучком в руке, стали в круг. Фон занял место в центре, сделал знак рукой, музыканты заиграли, и танец начался.

Танец конских хвостов, несомненно, самый красивый и яркий из всех бафутских танцев. Ритм его очень своеобразный: маленькие барабаны отбивают резкое стаккато на фоне глухого рокота больших барабанов, а бамбуковые флейты, пища и щебеча, выводят мотив, казалось бы ничем не связанный с барабанами и все-таки гармонично с ними сливающийся. Жены Фона медленно танцевали под музыку, идя по кругу частыми согласованными шажками и взмахивая у себя перед лицом конскими хвостами. А Фон кружился в центре против часовой стрелки. Он подскакивал, притопывал, вертелся, но как-то связанно и неловко, а рука его в это время невероятно гибким движением заставляла конский хвост плыть в воздухе и описывать красивые замысловатые кривые. Удивительная картина, трудно ее описать. Вот перед вами словно грядка плывущих по течению белых водорослей... А теперь Фон, покачиваясь, притопывает негнушимися ногами, будто неведомая птица с белым султаном,

исполняющая брачный танец в кольце самок. Эта величественная павана[2] и плавный полет конских хвостов производили какое-то гипнотическое действие. Танец уже закончился под дробь барабанов, а у вас перед глазами все еще извиваются и колышутся белые плюмажи.

Небрежно помахивая конским хвостом, Фон грациозно подошел к нам, опустился в кресло и улыбнулся Джеки.

– Понравился тебе мой танец? – спросил он, отдышавшись.

– Это было чудесно, – ответила она. – Он мне очень понравился.

– Вот и хорошо, – сказал чрезвычайно довольный Фон.

Он наклонился, с надеждой поглядел на бутылку, но она, увы, была пуста. Я тактично умолчал о том, что у меня в рестхаузе есть еще виски. Фон мрачно разглядывал пустую посуду.

– Виски кончилось, – констатировал он.

– Да, – безучастно подтвердил я.

– Ладно. – Фон приободрился. – Будем пить джин.

Сердце у меня оборвалось. Я-то надеялся, что мы теперь перейдем на что-нибудь более невинное, вроде пива, отдохнем от спиртного... А Фон рывкнул что-то одной из своих жен, она убежала и тут же появилась снова с джином и горькой настойкой. У Фона было свое представление о том, как пить джин. Он наливал полстакана джина и подкрашивал его горькой настойкой до густо-коричневого цвета. Эта смесь в два счета уложит слона. При виде такого коктейля Джеки поспешила заявить, что врач строго-настрого запретил ей пить джин. Фон не стал настаивать, хотя было ясно, что он чрезвычайно низкого мнения о знахаре, который способен сказать такое.

Опять заиграла музыка, все пошли танцевать, парами и поодиночке. Ритм был подходящий, и мы с Джеки исполнили быстрый фокстрот. Фон ревел что-то одобрителное, его жены взвизгивали от удовольствия.

– Здорово, здорово! – кричал Фон, когда мы проносились мимо него.

– Спасибо, мой друг, – крикнул я в ответ, осторожно ведя Джеки между советниками, которые в своих пестрых мантиях были похожи на живую клумбу.

– Можно не наступать на ноги? – жалобно произнесла Джеки.

– Извини. В это время суток мне всегда трудно держать курс.

– Я вижу, – едко заметила Джеки.

– Почему бы тебе не станцевать с Фоном? – спросил я.

– Я уже думала об этом, но прилично ли простой женщине приглашать его?

– Уверен, что он будет в восторге. Пригласи его на следующий танец, – предложил я.

– А что танцевать?

– Научи его чему-нибудь, что пригодилось бы для его латино-американского репертуара, – сказал я. – Как насчет румбы?

– По-моему, в такой поздний час легче учиться самбе, – ответила Джеки.

Закончив фокстрот, мы вернулись к Фону. Он в это время подливал джина мне в стакан.

– Мой друг, – сказал я, – ты помнишь европейский танец, которому я тебя научил в прошлый раз, когда приезжал в Бафут?

– Помню, помню, отличный танец, – просиял он.

– Ну вот, моя жена хочет танцевать с тобой и научить тебя еще одному ев-

ропейскому танцу. Ты согласен?

– Ва! – восхищенно рывкнул Фон. – Здорово, здорово. Пусть твоя жена учит меня. Отлично, я согласен.

Нам удалось найти в репертуаре оркестра мелодию, которая ритмом напоминала самбу. Джеки и Фон встали, все взгляды обратились на них.

Я чуть не прыснул, глядя, как они выходят на середину. Очень уж было потешно: Фон – шесть футов три дюйма, Джеки – пять футов один дюйм. Джеки показала Фону нехитрые основные па самбы, и, к моему удивлению, он легко их усвоил. Потом он обнял партнершу своими ручищами, и танец начался. Меня особенно потешало, что, прижатая к его животу, Джеки исчезала за полами мантии. Иногда казалось, что у Фона каким-то чудом отросла вторая пара ног и он кружится один. Было в этом танце еще что-то странное, я не сразу сообразил, что именно. Вдруг меня осенило: Джеки вела Фона. Очутившись возле меня, они широкими улыбками показали, как им весело.

– Ты отлично танцуешь, мой друг, – крикнул я. – Моя жена хорошо тебя научила.

– Да, да, – проревел Фон над головой Джеки. – Отличный танец. Твоя жена была бы мне доброй женой.

Потанцевав с полчаса, они вернулись к своим креслам, разгоряченные и усталые. Фон отпил добрый глоток чистого джина, чтобы восстановить силы, потом наклонился ко мне.

– У тебя чудесная жена, – сообщил он хриплым шепотом, очевидно, предпочитая не хвалить Джеки вслух, чтобы не зазналась. – Она здорово танцует. Она хорошо меня научила. Я дам ей мимбо... она получит особенное мимбо.

Я повернулся к Джеки, которая обмахивалась веером, не подозревая, что ей грозит.

– Ты, несомненно, завоевала сердце нашего хозяина, – сказал я.

– Чудесный старик, – ответила Джеки, – и великолепно танцует... Ты видел, он мгновенно усвоил самбу.

– Да, – подтвердил я, – и урок ему так понравился, что он хочет тебя вознаградить.

Джеки настороженно поглядела на меня.

– Как он меня вознаградит?

– Сейчас ты получишь калebas особенного мимбо, другими словами пальмового вина.

– О, господи, я его не переносу, – с ужасом произнесла Джеки.

– Ничего. Налей себе стакан, попробуй, скажи ему, что ты в жизни не пила такого мимбо, и попроси разрешения разделить вино с его женами.

Принесли пять калebasов, закупоренных зелеными листьями. Фон дегустировал содержимое каждого, проверяя, где самое лучшее вино. Джеки налила полный стакан. Призвав на помощь весь свой светский такт, она немного отпила, посмаковала вино, проглотила, и на лице ее отобразилось глубокое наслаждение.

– Это очень хорошее мимбо, – объявила она восхищенно, с видом знатока, которому поднесли рюмку коньяка "Наполеон".

Фон просиял. Джеки сделала второй глоток. Фон пристально смотрел на нее. Она изобразила на лице еще больший восторг.

– В жизни не пила такого замечательного мимбо, – сказала Джеки.

– Ха! Отлично! – Фон был счастлив. – Это хорошее мимбо. Свежее.

– Вы разрешите вашим женам выпить вместе со мной? – спросила Джеки.

– Да, конечно, – ответил Фон, делая рукой милостивый жест.

Жены, робко улыбаясь, подошли к нам, и Джеки поспешила разлить мимбо в их сложенные чашечкой ладони.

Видя, что уровень джина в бутылке катастрофически падает, я поглядел на свои часы и с ужасом обнаружил, что до рассвета осталось всего два с половиной часа. Намекнув на ожидающую нас завтра тяжелую работу, я предложил закругляться. Фону захотелось непременно проводить нас до крыльца рестхауза. Впереди выступал оркестр. У крыльца хозяин ласково обнял нас.

– Спокойной ночи, мой друг, – сказал он, пожимая мне руку.

– Спокойной ночи, – ответил я. – Спасибо. Мы хорошо повеселились.

– Да, – подхватила Джеки, – большое спасибо.

– Ва! – Фон погладил ее по голове. – Мы отлично потанцевали. Ты была бы мне хорошей женой, верно?

Мы смотрели, как он пересекает широкий двор. Высокий, осанистый, он шел размашистым шагом, а рядом с ним семенил мальчуган, неся в руке фонарь, который отбрасывал круг золотистого света. Через минуту они затерялись среди хаоса лачуг. Щебетанье флейт и рокот барабанов звучали все тише, потом совсем заглохли. Теперь был слышен только скрип сверчков и древесных лягушек да тихое попискивание летучих мышей. Мы заползли под противомоскитную сетку. Где-то вдали хрипло, сонно прокукарекал первый петух.

Глава четвертая Звери в банках

Письмо с нарочным

Мой дорогой друг!

Доброго утра всем вам.

Я получил твою записку и все отлично понял.

Мой кашель немного прошел, но не совсем.

Я согласен, чтобы ты с сегодняшнего дня взял напрокат мой лендровер и платил понедельно. Хочу также довести до твоего сведения, что лендровер находится в твоем распоряжении с сегодняшнего дня, но всякий раз, как меня будут вызывать на совещание в Н'доп, Беменду или еще куда-нибудь или вообще по какому-нибудь срочному делу, я дам тебе знать, чтобы ты на этот день возвращал мне машину.

Хочу напомнить тебе, что мы еще не рассчитались за последний раз, когда ты брал лендровер.

Твой добрый друг,

Фон Бафута

Как только Боб и Софи присоединились к нам в Бафуте, мы принялись наводить порядок в нашей уже обширной и непрерывно растущей коллекции. Большую тенистую веранду, окаймляющую верхний этаж рестхауза, разделили на три секции: для рептилий, для птиц и для млекопитающих. Каждый присматривал за своей секцией; кто освобождался раньше, помогал другим. Утром мы выходили еще в пижамах на веранду и проверяли, как себя чувствует каждое животное. Только повседневный тщательный надзор помогает вам хорошо узнать своих питомцев, и вы сумеете обнаружить малейшие признаки недомогания, тогда как любому другому человеку животное покажется вполне здоровым и нормальным. Потом мы чистили клетки, кормили самых слабых обитателей, которые не могли ждать (например, нектарниц – они должны получать свой нектар, как только рассветет, или детенышей – им нужна утренняя бутылочка), и делали перерыв на завтрак. За столом мы обычно обменивались впечатлениями о своих подопечных. Простой смертный от такой беседы сразу потерял бы аппетит, так как речь шла преимущественно о пищеварении и стуле. Понос или запор часто позволяют судить, верно ли ты кормишь своих животных. Стул может быть также первым (порой единственным) признаком болезни.

Как правило, добыть животных – самое простое дело. Стоит местным жите-

лям прослышать, что вы закупаете диких зверей, как на вас обрушивается лавина. Конечно, на девяносто процентов это обыкновенные виды, но иногда вам приносят что-нибудь редкое. Вообще-то за редкими животными надо охотиться самому, а всю обычную местную фауну вы получите с доставкой на дом. Словом, добывать животных сравнительно легко, гораздо труднее убеждать их.

И дело даже не в том, что, очутившись в неволе, животное переживает сильное потрясение. Главное, что пленник с этого дня должен жить в тесном соседстве с существом, в котором видит своего злейшего врага, – с вами. Многие животные хорошо переносят неволю, однако никак не могут привыкнуть к постоянному близкому общению с человеком. Это первый большой барьер на вашем пути, и одолеть его можно только терпением и добротой. Проходит месяц, другой, а животное все еще рычит и пытается цапнуть вас всякий раз, когда вы приближаетесь к клетке. Вы уже отчаиваетесь когда-либо с ним поладить. И вдруг в один прекрасный день ни с того ни с сего оно подходит к вам и берет пищу из ваших рук или позволяет почесать себя за ухом. В такие минуты вы чувствуете, что не напрасно ждали.

Кормление, понятно, тоже нелегкая задача. Надо не только хорошо знать, чем питается каждый вид, но, если нельзя достать естественного корма, суметь подобрать заменители и приучить к ним вашего подопечного. При этом еще нужно угождать вкусам каждого в отдельности, а они чрезвычайно разнообразны. Помню грызуна, который упорно отвергал обычную для грызунов пищу – фрукты, хлеб, овощи – и три дня подряд ел только спагетти. У меня было также пять обезьян одного вида и возраста с самыми неожиданными идиосинক্রазиями. Две безумно любили крутые яйца, три остальные боялись незнакомых белых предметов и отказывались к ним прикоснуться, даже визжали от страха, если им клали в клетку страшное крутое яйцо. Все пять обезьянок обожали апельсины, но если четыре из них, осторожно очистив их, выбрасывали кожуру, то пятая выбрасывала апельсин, а кожуру поедала. Когда на вашем попечении несколько сот зверей с самыми различными причудами, у вас порою голова идет кругом от стараний угодить всем, чтобы животные были здоровы и счастливы.

Но среди многочисленных задач, которые могут довести до отчаяния любого зверолова, безусловно, самая трудная – выкармливание детенышей. Во-первых, этих глупышек никак не приучишь сосать, а сражаться со зверенышем в море теплого молока очень неприятно. Во-вторых, их нужно держать в тепле, особенно ночью. Поэтому (если вы, не видя иного выхода, не кладете их с собой в постель) приходится за ночь вставать по нескольку раз и менять им грелку. После трудового дня вовсе не сладко подниматься в три часа с постели, чтобы наполнять грелки горячей водой. Наконец, у всех детенышей невероятно нежные желудки, и надо глядеть в оба, чтобы молоко не оказалось слишком жирным или слишком жидким. От жирного молока могут быть трудности с пищеварением, вплоть до нефрита, и звереныш погибнет, а жидкое молоко грозит истощением, при котором организм становится восприимчивым ко всякого рода губительным инфекциям.

Вопреки моим мрачным пророчествам черноухая белочка Малютка Берика (для знакомых и друзей – просто Малютка) держалась молодцом. Днем она лежала, подергиваясь, на застеленной ватой грелке на дне глубокой же-

стяной банки, на ночь мы ставили банку рядом с нашими кроватями, под лучи инфракрасной лампы. Малютка почти сразу показала, что у нее есть характер. Для такой вот крошки она была удивительно шумной, из нее вырывались резкие звуки, похожие на звон дешевого будильника. В первые же сутки она запомнила часы кормления и, если мы опаздывали хотя бы на пять минут, принималась выводить свою трель, пока ей не приносили еду. Настал день, когда у Малютки открылись глаза и она смогла обозреть своих родителей и вообще весь окружающий мир. Возникла новая проблема. В этот день вышло так, что мы немного запоздали с кормлением. Засиделись за столом, увлеченные каким-то спором, и стыдно признаться, забыли про Малютку. Вдруг я услышал за своей спиной какой-то шорох, обернулся и в дверях на полу увидел Малютку. Всем своим видом она выражала крайнее возмущение. Заметив нас, пустила "будильник", бегом пересекла комнату, пыхтя, вскарабкалась на стул Джеки, оттуда на плечо к ней и уселась, дергая хвостом и сердито крича ей в ухо. Нешуточный подвиг для такой крошки! Ведь она, как я уже говорил, только что прозрела. И все-таки белка сумела вылезть из банки, пересечь спальню (заставленную киносъемочной аппаратурой и коробками с пленкой), пройти через всю веранду между рядами клеток, занятых опасным зверьем, и отыскать нас (видимо, по звуку) в столовой. Итого Малютка, пренебрегая тысячами опасностей, преодолела семьдесят ярдов по неведомой территории, чтобы сообщить нам, как она голодна. Нужно ли говорить, что она получила всю заслуженную ею похвалу и (для нее это, конечно, было важнее) свой завтрак.

После того как Малютка прозрела, она стала быстро расти. Мне редко доводилось видеть такую милую белочку. Оранжевая голова и аккуратные уши с черной каемкой красиво подчеркивали большие темные глаза, мех на толстеньком туловище переливался болотно-зеленым оттенком, а два ряда белых пятен на боках выделялись, словно дорожные отражатели ночью. Но всего великолепнее был хвост. Толстый, пушистый, сверху зеленый, снизу ярко-оранжевый – словом, загляденье. Она любила сидеть, изогнув его так, что кончик висел у нее над самым носом. При этом она чуть подергивала хвостом, по нему бежали волны, и весь он был как пламя свечи на сквозняке.

Даже когда Малютка подросла, она продолжала спать в банке возле моей кровати. Проснется рано утром, с громким криком прыгнет из банки на кровать и забирается под простыню. Минут десять изучает наши разморенные тела, потом соскакивает на пол и отправляется исследовать веранду. Из этих экспедиций она обычно возвращалась с ценной находкой (кусочек гнилого банана, сухой лист, цветок бугенвиллеи), которую клала в чью-нибудь постель, причем очень возмущалась, если мы выбрасывали ее подношение на пол. Так продолжалось несколько месяцев, пока я не решил, что пора Малютке, как и всем остальным животным, поселиться в клетке. В то утро я проснулся от мучительной боли. Оказывается, белка пыталась затолкать мне в ухо земляной орех. Разыскав на веранде это лакомство, она, видимо, решила, что постель – не совсем надежное хранилище, а вот мое ухо – идеальный тайник.

Другим детенышем, о котором нам пришлось заботиться, был Пучеглазый – галаго, пойманный по пути из Эшоби. Правда, он уже не был сосунком, когда мы его нашли. Пучеглазый быстро привык к нам и стал одним из наших любимцев. У него были огромные для такого малыша конечности с длинны-

ми, тонкими пальцами, и он очень потешно танцевал в своей клетке на задних лапках, ловя бабочку или мотылька. Передние лапы – словно вздетые в ужасе руки, глаза чуть не выскакивают из орбит... Поймав добычу, он крепко сжимал ее в розовой лапке и ошалело таращился на нас, словно потрясенный тем, что у него на ладони вдруг очутилось такое существо. Потом совал жертву в рот, и крылья бабочки превращались в трепещущие усы, над которыми сверкали удивленные большущие глаза.

Пучеглазый познакомил меня с интересной повадкой галаго, о которой я, к моему стыду, раньше не знал, хотя держал несчетное количество лемуров. Это было утром. Он выскочил из своего гнездышка в банке, чтобы позавтракать мучными червями, умыться и привести себя в порядок. Я уже говорил, что у Пучеглазого были большие уши, нежные, как лепесток цветка, тонкие, почти просвечивающие насквозь. На воле лемуру приходится оберегать уши от царапин и ссадин, а он прижимает их к голове, складывая, будто паруса. Сразу бросалось в глаза, что слух играл для Пучеглазого огромную роль. Он улавливал даже самый слабый шум, его уши поворачивались на звук, словно радар. Я уже давно заметил, что зверек подолгу чистит и протирает уши лапками, но в это утро впервые проследил весь процесс от начала до конца. Увиденное меня поразило. Сперва галаго, сидя на ветке и мечтательно глядя в пространство, аккуратно почистил свой хвост, перебирая волоски и проверяя, не застряла ли в них колючка или щепочка. Совсем как маленькая девочка, заплетая косу. Потом он опустил вниз игрушечную руку с непомерно широкой кистью и выделил на ладонь капельку мочи. Сосредоточенно потер руки и принялся смазывать мочой уши такими же движениями, какими мужчина втирает в волосы брильянтин. Второй каплей мочи галаго смазал подошвы задних лап и ладони передних. Я смотрел на Пучеглазого с изумлением.

Три дня подряд наблюдал я эту процедуру, хотел удостовериться, что мне не померещилось. Еще никогда не видел я у животных такой странной повадки, и вот как я ее объясняю. Если не увлажнять чрезвычайно тонкую и неж-

ную кожу ушей, она непременно пересохнет и даже потрескается, а это может оказаться роковым для животного, которое так сильно зависит от слуха. На подошвах и ладонях кожа такая же нежная, но тут моча играла еще одну роль. Подошвы всех четырех ног галаго чуть вогнуты, и, когда животное прыгает с сука на сук, лапы его уподобляются присоскам на пальцах древесной лягушки. Увлажненные мочой, присоски лемура вдвое действеннее. Позже мы добыли целый выводок галаго Демидова (самые маленькие представители этого племени не больше крупной мыши), и я наблюдал то же и у них.

Самое увлекательное в зоологической экспедиции заключается для меня в повседневном близком общении с животными, что позволяет вам наблюдать, узнавать и записывать. В нашей коллекции каждый день, чуть ли не каждую минуту происходило что-нибудь новое и интересное. Несколько выдержек из дневника ярко свидетельствуют, как насыщен день зверолова новыми задачами и важными наблюдениями.

14 февраля. Приобретены две красные мартышки; у обеих серьезно заражены пальцы всех четырех лап яйцами песчаных блох. Пришлось вооружиться ланцетом и извлечь яйца из-под кожи, а чтобы не было заражения, сделать инъекцию пенициллина. Детеныш циветты впервые проявил нрав взрослого: когда я неожиданно подошел к клетке, он взъерошил шерсть на спине и несколько раз фыркнул, намного резче и громче, чем обычно фыркает, обнюхивая пищу. Принесли крупную рогатую лягушку с редким заболеванием. Что-то вроде большой злокачественной опухоли позади глазного яблока. Опухоль разрослась так, что над глазом прямо вздулся шар. Хотя лягушка ослепла на один глаз, она как будто не страдает, поэтому удалять опухоль не буду. Вот и говорите после этого о счастливом и беспечном существовании животных на воле.

Наконец-то после многих неудачных попыток Боб открыл, что едят волосатые лягушки: улиток. Мы предлагали им мышат и крысят, птенцов и яйца, жуков и личинок, саранчу – все тщетно. Улиток волосатые лягушки поедают с жадностью, теперь есть надежда, что мы сможем доставить их живыми в Англию. У галаго Демидова вдруг началось что-то вроде нефрита. Сегодня утром два из них были с ног до головы в моче. Разбавил молоко, которым мы их кормим (возможно, оно слишком жирное), и позаботился, чтобы они получали побольше насекомых. Пять детенышей отлично усваивают молоко "Комплан". А ведь оно очень жирное. Взрослые галаго плохо переваривают даже обычное сухое молоко; казалось бы, "Комплан" должен быть слишком тяжелой пищей для детенышей.

20 февраля.

16 марта. Принесли двух прелестных кобр, одна длиной около шести футов, другая – около двух. Обе сразу приняли пищу. Лучшая добыча сегодня –

карликовая мангуста с двумя детенышами. Детеныши еще слепые и в отличие от своей темно-коричневой матери очень светло окрашены. Отделил детенышей, чтобы выкармливать, так как мать их, наверно, забросит или убьет, если их поместить вместе с ней.

17 марта. Детеныши карликовой мангусты наотрез отказались есть из бутылки и из наполнителя для самопишущей ручки. Оставалось только (все равно вряд ли выживут) посадить их в клетку к самке. К моему удивлению, она их приняла и кормит молоком как положено. Совсем необычный случай. Сегодня пришлось заниматься двумя переломами ног: у совы Вудфорда, которую поймали в силлок, и у молодого сокола. Правда, у сокола только частичный перелом. Сова вряд ли сможет двигать ногой, потому что у нее порваны все связки и кость раздроблена. Сокол еще молодой, он поправится. Обе птицы едят хорошо. Галаго Демидова хрипло мяукают, если их потревожат ночью. Это единственный звук, который я слышал от этих галаго, если не считать писка (как у летучей мыши), когда они дерутся. Шпорцевые лягушки подают голос по ночам: негромкое "пип-пип", словно кто-то легонько стучит ногтем по краю стакана.

2 апреля. Сегодня принесли молодого самца шимпанзе, ему около двух лет. Он был в ужасном состоянии. Его поймали в проволочную ловушку, какие обычно ставят на антилоп, и сильно повредили ему левую руку. Ладонь и запястье распороты, началось заражение крови. Животное очень ослабло, не могло даже сидеть; кожа приобрела странный желтовато-серый оттенок. Перевязал рану, сделал инъекцию пенициллина. Обеспокоенный цветом кожи и летаргией, которую не могли одолеть даже стимулирующие средства, отвез шимпанзе в Беменду, чтобы показать ветеринару Отдела земледелия. Ветеринар сделал анализ крови и определил сонную болезнь. Приняли все меры, но животное слабеет на глазах. Как трогательно оно проявляет свою благодарность за все, что мы для него делаем.

3 апреля. Шимпанзе умер. Хотя здесь, да и в других частях Камеруна, шимпанзе охраняются законом, их частенько убивают и едят. Крупная рогатая гадюка в первый раз приняла пищу, небольшую крысу. У одной зеленой лесной белки на спине появилась пролысина. Видимо, недостаток витаминов. Увеличил дозу "Абидек". Теперь нас каждый день хорошо снабжают яйцами ткачиков, и белки получают их сверх своего обычного пайка. Кистехвостые дикобразы, когда их потревожат ночью, выбивают задними лапами частую дробь (как дикий кролик), потом поворачиваются спиной к врагу и трясут пучком игл на конце хвоста. Получается звук, почти как у гремучей змеи.

5 апреля. Открыл простой и быстрый способ определять пол потто. Сегодня принесли прелестного молодого самца. На первый взгляд внешние гениталии у обоих полов очень похожи, но оказалось, что самое простое – понюхать их. Когда возьмешь на руки самца, его железки источают слабый сладковатый запах, напоминающий грушевую эссенцию.

Не только мы интересовались животными. Многие местные жители находили в нашей коллекции совсем не знакомых для себя зверей, поэтому от посетителей у нас не было отбоя. Однажды директор местной миссионерской школы, ответственный за воспитание двухсот с лишним учеников, попросил разрешения прийти со всеми своими питомцами. Я с радостью согласился. Помоему, это очень ценно, если вы, показывая живых зверей, можете пробудить

в людях интерес к местной фауне и ее сохранению. В условленный день на дороге появились мальчишки. Они шагали в две колонны, опекаемые пятью учителями. Перед рестхаузом их разделили на группы по двадцать человек, и группа за группой они заходили на веранду под присмотром учителей. Джеки, Софи, Боб и я стояли в разных точках "зверинца" и отвечали на вопросы. Мальчишки вели себя образцово, никто не шалил, не толкался, не безобразничал. С увлечением они переходили от клетки к клетке, издавая восхищенное "ва!" при виде очередного чуда и щелкая пальцами от восторга. Когда прошла последняя группа, директор собрал всех ребят у крыльца и, улыбаясь, повернулся ко мне.

– Сэр, мы очень благодарны вам за разрешение осмотреть ваши зоологические коллекции, – сказал он. – Можно попросить вас оказать нам любезность ответить на некоторые вопросы мальчиков?

– Конечно, с удовольствием, – сказал я, обзревая толпу сверху, с крыльца.

– Мальчишки, – крикнул директор, – мистер Даррел любезно согласился ответить на вопросы. Кто хочет что-нибудь спросить?

Море черных лиц внизу сосредоточенно нахмурилось, высунулись языки, пальцы ног ворошили пыль. И вот сперва медленно, затем все быстрее, по мере того как проходило смущение, на меня стали сыпаться вопросы, очень умные и дельные. Я заметил одного маленького мальчика в первом ряду, который не сводил с меня пристального взгляда. Его лоб собрался в складки, и сам он словно окаменел. Наконец, когда поток вопросов стал иссякать, он вдруг решился и поднял руку.

– Что ты хотел спросить, Уано? – сказал директор, ласково улыбаясь мальчугану.

Тот сделал глубокий вдох и выпалил свой вопрос:

– Прошу вас, сэр, не может ли мистер Даррел сказать нам, почему он сделал столько снимков жен Фона?

Улыбка исчезла с лица директора, он сокрушенно поглядел на меня.

– Это не зоологический вопрос, Уано, – строго произнес он.

– Все равно, сэр, пожалуйста, скажите почему? – упрямо твердил ребенок.

Директор грозно нахмурился.

– Это не зоологический вопрос, – прогремел он. – Мистер Даррел обещал отвечать только на зоологические вопросы. Жены Фона не имеют никакого отношения к зоологии.

– Постойте, мистер директор, этот вопрос, если толковать его широко, можно ведь назвать биологическим, верно? – пришел я на выручку мальчугану.

– Но, сэр, они не должны задавать вам таких вопросов, – сказал директор, вытирая лицо.

– Ничего, я могу ответить. Дело в том, что в моей стране всем очень интересно знать, как живут люди в других частях света, какие они на вид. Конечно, можно рассказать об этом, но это не то же самое, что увидеть на фотографии. По фотографии они точно себе представят, как тут все выглядит.

– Ну вот... – директор оттянул пальцем воротничок. – Ну вот, мистер Даррел ответил на твой вопрос. А теперь, так как он очень занятой человек, у него больше нет времени отвечать на вопросы. Прошу построиться.

Мальчишки выстроились в две шеренги, а директор пожал мне руку и торжественно заверил меня, что они все очень благодарны. Затем он опять по-

вернулся к детям.

– А теперь я предлагаю приветствовать мистера Даррела троекратным "ура", чтобы показать ему, как мы ценим его любезность.

Двести юных глоток с жаром прокричали "ура". После этого возглавляющие строй мальчуганы достали из своих сумок бамбуковые флейты и два маленьких барабана. Директор взмахнул рукой, и под звуки бодрого уэльского марша все зашагали вниз к дороге. Директор шел следом, вытирая лицо, и мрачные взгляды, которые он метал в спину юного Уано, не сулили тому ничего хорошего, когда все снова войдут в классную комнату...

Вечером Фон пришел к нам, чтобы распить бутылочку. Я показал ему, чем пополнилась наша коллекция, потом мы сели в кресла на веранде, и я рассказал про зоологический вопрос Уано. Фон долго от души смеялся, особенно его позабавило замешательство директора.

– Почему ты ему не сказал, – промолвил он, вытирая глаза, – почему не сказал, что снимал моих жен, чтобы показать всем европейцам в своей стране, как красивы бафутские женщины?

– Этот парень еще ребенок, – важно заметил я. – Мне кажется, он слишком мал, чтобы разбираться в таких делах.

– Это верно, это верно, – ответил Фон сквозь смех, – он мал. Ему хорошо, у него нет женщин, которые морочили бы ему голову.

– Мне передали, мой друг, – начал я, предпочитая не развивать тему о плюсах и минусах супружеской жизни, – мне передали, что ты завтра собираешься в Н'доп. Это верно?

– Да, верно, – подтвердил Фон. – Поеду на два дня на заседание суда. Через два дня вернусь.

– Ну, тогда, – я поднял свой стакан, – желаю тебе хорошего путешествия, мой друг.

На следующее утро одетый в великолепную желтую с черным мантию и удивительную, расшитую узорами шляпу с длинными, болтающимися наушниками Фон занял место на переднем сиденье своего нового лендровера. На заднем сиденье было собрано то, без чего он не мог обойтись в пути: три бутылки шотландского виски, любимая жена и три советника. Фон энергично махал нам рукой, пока машина не пропала за поворотом. Вечером, закончив последние дела, я вышел на веранду подышать свежим воздухом. На просторном дворе внизу я увидел гурьбу детей Фона и с любопытством стал наблюдать за ними. Они выстроились в широкий круг, потом после долгого, горячего спора начали петь, ритмично хлопая в ладоши. Семилетний мальчуган в середине круга аккомпанировал на барабане. Юные голоса исполняли одну из самых красивых и чарующих песен Бафута. Я чувствовал, что они собрались неспроста, а с определенной целью. Но что они праздновали? Разве что отъезд отца? Я долго смотрел на них, пока вдруг не заметил, что рядом со мной стоит наш бой Джон.

– Обед готов, сэр, – сказал он.

– Спасибо, Джон. Скажи мне, почему поют эти дети?

Джон робко улыбнулся.

– Потому что Фон уехал в Н'доп, сэр.

– Да, но зачем?

– Когда Фона нет дома, сэр, каждый вечер дети должны петь у него во дво-

ре. Чтобы в усадьбе Фона было тепло.

Какая чудесная мысль... Я опять посмотрел на выстроившихся посреди огромного темного двора детей, которые бодро пели, чтобы в усадьбе их отца было тепло.

– А почему они не танцуют? – спросил я.

– У них нет света, сэр.

– Отнеси туда лампу из спальни. Скажи, что я прислал ее, чтобы помочь им поддерживать тепло в усадьбе Фона.

– Хорошо, сэр, – сказал Джон.

Он быстро сходил за лампой. И вот на земле уже лежит золотистый круг, в котором стоят дети. На минуту, пока Джон передавал мои слова, пение смолкло. Потом я услышал радостный визг и звонкие голоса:

– Спасибо, маса, спасибо!

Мы сели обедать, а дети пели, словно жаворонки, приплясывали и кружились возле мягко шипящей лампы, и их длинные неясные тени вытягивались на полдвора.

Глава пятая Звери-кинозвезды

Письма с нарочным

Мой дорогой друг!

Не мог бы ты прийти сегодня вечером в восемь часов, чтобы распить бутылочку?

Твой друг,

Джеральд Даррел

Мой дорогой друг!

Жди меня в 7.30 вечера. Спасибо.

Твой добрый друг,

Фон Бафута

Есть много разных способов снимать фильмы о животных. Вероятно, один из лучших – снарядить группу операторов, скажем года на два, в какую-нибудь тропическую область, чтобы они там снимали животных в их естественной среде. К сожалению, это дорогостоящий способ, и, если вы не располагаете

временем и ресурсами Голливуда, он исключается.

Для таких людей, как я, связанных и временем и средствами, единственный доступный путь – снимать в искусственных условиях. Съемка животных в тропическом лесу влечет за собой трудности, которые могут обескуражить даже самого рьяного оператора. Ведь диких животных почти невозможно увидеть, а если вы их и увидите, то чаще всего мельком, когда они ныряют в заросли. Только чудом можно в нужную минуту оказаться в нужном месте – и камера готова к съемке, и выдержка рассчитана правильно, и фон подходящий, и животное перед вами занято чем-то интересным, что будет смотреться на экране. Чтобы не зависеть от чуда, лучше поймать нужное животное и приучить его к неволе. Когда у него поумерится страх перед человеком, можно начинать работу. В большом, огороженном сеткой павильоне вы создаете пейзаж, максимально приближенный к натуре, но вместе с тем подходящий для съемок. Другими словами, поменьше нор, куда мог бы спрятаться робкий зверек, не слишком густые заросли, чтобы тень не мешала, и так далее. После этого вы помещаете животное в павильон и даете ему привыкнуть. На это уходит от одного часа до двух-трех дней.

Разумеется, надо хорошо знать нрав животного, предвидеть, как оно поведет себя в тех или иных условиях. Скажем, если голодная мешетчатая крыса найдет на земле в павильоне вдоволь лесных плодов, она поспешит набить ими поместительные защечные мешки, и вид у нее будет такой, словно она поражена свинкой в тяжелой форме.

Если вы не хотите все свести к ряду скучных кадров, показывающих, как животное бесцельно бродит взад и вперед среди кустов, нужно создать такую обстановку, чтобы камера могла запечатлеть какую-нибудь интересную сценку или повадку. Но и когда обстановка будет создана, вам необходимы еще две вещи: терпение и удача. Зверь, даже ручной, – не актер, ему не втолкуешь, что надо делать. Бывает, животное неделями изо дня в день выполняет какое-то действие, а перед камерой вдруг теряется и отказывается играть. Если вы потратили несколько часов под лучами палящего солнца, готовя сцену, такая выходка может сделать из вас убийцу.

Чтобы вы лучше поняли, как трудно снимать животных, я вам могу рассказать о наших злоключениях с водяным оленьком. Это прелестные маленькие антилопы, не больше фокстерьера. Их темно-каштановая шерсть красиво расцвечена белыми полосами и пятнами. Изящный водяной оленек чрезвычайно фотогеничен, и в его повадках есть много интересного. Например, на воле он ведет наполовину водный образ жизни. Почти все время эта маленькая антилопа бродит и плавает в лесных ручьях и речушках, она даже может довольно долго плыть под водой. И еще одна своеобразная черта. Оленек очень любит улиток и жуков. (Среди антилоп такие плотоядные повадки – большая редкость.) И наконец, он чрезвычайно спокоен, и его легко приручить. Был случай, когда оленек, доставленный нам через час после поимки, сразу принял пищу из моих рук и позволил мне чесать ему уши. Можно было подумать, что он родился в неволе.

Наш водяной оленек не был исключением. Это удивительно ручное существо обожало, когда ему чесали голову и живот, и, не скрывая своего удовольствия, пожирало сколько угодно улиток и жуков, только успевай заготавливать. А на досуге маленькая антилопа пыталась искупаться в тазу с питьевой

водой, где еле-еле – да и то с превеликим трудом – помещалась лишь задняя часть ее туловища.

Чтобы антилопа могла показать свою плотоядность и пристрастие к воде, я оборудовал съемочную площадку, включающую участок речного берега. Мы нарочно расположили кусты так, чтобы они наилучшим образом подчеркивали защитную окраску оленька. Однажды утром, когда небо было совсем безоблачное и солнце в нужном месте, мы отнесли клетку с оленьком на площадку и приготовились выпустить его.

– Я только одного боюсь, – сказал я Джеки, – что не смогу заставить его двигаться. Ты же знаешь, какой он тихий... Выйдет на середину площадки и замрет.

– А мы с другой стороны покажем ему улитку или еще что-нибудь, и он пойдет дальше, – предложила Джеки.

– Лишь бы не торчал на месте, как корова на лугу. Мне нужно хоть какое-нибудь движение, – сказал я.

Действительность превзошла все мои ожидания. Как только дверца клетки поднялась, оленек вышел грациозной походкой и нерешительно остановился, держа на весу тонкое копытце. Я нажал спуск кинокамеры, чтобы снять следующий шаг маленькой антилопы. Следующий шаг оказался совершенно непредвиденным. Оленек ракетой промчался по площадке, которую я так тщательно готовил, проскочил через сетку ограды, словно ее и не было вовсе, и исчез в зарослях, прежде чем кто-либо из нас успел сдвинуться с места. Мы меньше всего ожидали такого оборота, поэтому отреагировали не сразу, но когда мой драгоценный оленек скрылся из виду, я издал вопль, исполненный такого страдания, что все, включая нашего повара Филипа, бросили свои дела и появились на площадке, как по мановению волшебного жезла.

– Водяной зверь убежал! – кричал я. – Десять шиллингов тому, кто его поймает!

Моя щедрость возымела немедленное действие. Африканцы клином вонзились в заросли. Не прошло и пяти минут, как Филип, издавая торжествующие вопли своей фельдфебельской глоткой, вынырнул из кустов, прижимая к животу отбивающуюся, брыкающуюся антилопу. Попав снова в клетку, она спокойно воззрилась на нас невинными глазами, словно удивленная всей этой суматохой. Потом она ласково облизала мою руку, а когда я почесал у нее за ухом, наполовину закрыла глаза и, как обычно, погрузилась в транс. Весь день мы пытались снять это скверное животное. В клетке оленек вел себя образцово – плескался в тазу, показывая, как любит воду, ел жуков и улиток, показывая, какой он плотоядный, но стоило выпустить его в павильон, как он бросался наутек, словно за ним гналась свора леопардов. К концу дня я, распаренный и измученный, отснял пятьдесят футов пленки, где было видно, как оле-

нек неподвижно стоит перед клеткой, готовый сорваться с места. Уныло отнесли мы обратно в рестхауз клетку с антилопой, которая безмятежно лежала на подстилке из банановых листьев, уплетая жуков. Больше мы не пытались снимать водяного оленька.

Другое существо, которое причинило мне неопишуемые муки на поприще кинематографии, – молодая сова Вудфорда, не особенно оригинально прозванная нами Вуди. Совы Вудфорда очень красивы, их шоколадное оперение обильно расцвечено белыми пятнами, а таких прекрасных глаз, наверно, нет больше ни у кого из сов. Огромные, темные, влажные, с тяжелыми розовато-лиловыми веками. Сова медленно поднимает и опускает эти веки, словно престарелая киноактриса, подумывающая о том, чтобы снова стать звездой экрана. Обольстительное подмигивание сопровождается громким кастаньетным щелканьем клюва. Когда птица взволнована, веки у нее двигаются особенно выразительно, она покачивается на насесте из стороны в сторону, словно собирается танцевать хулу-хулу, потом вдруг раскрывает крылья и щелкает на вас клювом. Ну прямо ангел с надгробья, свирепый ангел смерти. Вуди все это отлично исполнял у себя в клетке, даже по заказу, если ему показывали что-нибудь вкусненькое, вроде мышонка. Я не сомневался, что нужен только подходящий фон, и я смогу легко заснять номер Вуди.

В обнесенном сеткой павильоне, где я фотографировал птиц, я изобразил нечто вроде большого дерева, опутанного всякими ползучими растениями. Задником служила зеленая листва и синее небо. Сюда я принес Вуди и посадил его на ветку в самой гуще зелени. Сцена, которую я задумал, была проста и естественна, вполне посильная, по моим расчетам, даже для совиного ума. Если Вуди не станет артачиться, я управлюсь за десять минут. Сидя на ветке, сова таращила на нас глаза, исполненные ужаса. Я стал за камеру и только нажал кнопку, как Вуди быстро моргнул и решительно отвернулся от нас с таким видом, будто мы внушали ему крайнее отвращение. Твердя себе, что для кинооператора-анималиста важнее всего терпение, я смахнул пот с глаз, подошел к ветке, повернул сову кругом и возвратился к камере. Пока я дошел до нее, Вуди опять сел к нам спиной. Может быть, свет слишком яркий? Я послал людей за ветками и разместил их так, чтобы они закрывали птицу от прямых лучей солнца. Но Вуди упрямо показывал нам спину. Было ясно, что, если я хочу его снять, надо все переставить и зайти с другой стороны. Ценой немалого труда мы перенесли около тонны живых декораций. Пусть Вуди смотрит в ту сторону, которая ему больше нравится.

Пока мы, обливаясь потом, таскали толстые сучья и плети ползучих растений, он сидел и удивленно разглядывал нас. Потом великодушно позволил мне правильно установить камеру (это было не просто, потому что теперь я снимал почти прямо против солнца) и спокойно повернулся к ней спиной. Я готов был удушить его. В это время на небе, грозя поглотить солнце, появились зловещие черные тучи. Снимать стало невозможно. Я убрал камеру с треноги и в самом убийственном настроении пошел к ветке, чтобы забрать свою кинозвезду. Вуди тотчас повернулся ко мне, восхищенно защелкал клювом, исполнил лихую хулу-хулу, потом расправил крылья и поклонился мне с напускной скромностью актера, выходящего на семнадцатый вызов.

Конечно, не все наши звезды причиняли нам неприятности. Более того, один из лучших запечатленных мною эпизодов был снят почти без хлопот и

в рекордно короткое время. А ведь на первый взгляд могло показаться, что справиться с такой задачей будет куда труднее, чем заставить сову взмахивать крыльями. Я задумал снять, как змея-яйцеед грабит птичье гнездо. Это очень тонкие змеи длиной около двух футов. Цвет у них розовато-коричневый с темными крапинками. Очень своеобразны их выпуклые глаза серебристого оттенка с узким вертикальным зрачком, как у кошки. Но самое любопытное – длинные отростки на позвонках в трех дюймах от пасти (внутри, конечно). Они свисают вниз, будто сталактиты. Змея заглатывает яйцо целиком, и, когда оно окажется под этими позвонками, она сокращает мускулы, и концы отростков раздавливают скорлупу. Желток и белок перевариваются, а комок разломанной скорлупы змея отрыгивает. Все это выглядит очень необычно и, насколько я знаю, еще не было снято на киноленту.

К тому времени у нас собралось шесть змей-яйцеедов, и все они, к моей радости, были одинаковы по расцветке и размерам. Местные ребяташки развили бурную коммерческую деятельность, принося нам яйца ткачиков для нашей пресмыкающейся труппы, которая явно была готова поглощать любое количество яиц, только подавай. Стоило в клетке появиться яйцу, как клубок сонных рептилий оживал – каждая змея хотела первой добраться до лакомства. Но хотя в заточении они великолепно играли свою роль, я после горького опыта с Вуди и водяным оленьком был настроен пессимистически. Все же я поставил нужные декорации (цветущий куст, в ветвях которого было помещено маленькое гнездо) и припас реквизит – двенадцать маленьких голубых яиц. Три дня змеи не получали своей обычной нормы яиц, чтобы у всех был хороший аппетит. Кстати, им это ничем не грозило, так как змеи вообще могут подолгу поститься; самые крупные удавы обходятся без еды месяцами, даже годами. Когда, по моим расчетам, аппетит звезд был достаточно подстегнут, мы приступили к делу.

Клетку со змеями отнесли на съемочную площадку, в гнездо поместили пять чудесных голубых яиц, затем одну змею бережно положили на ветки, как

раз над гнездом. Я нажал спуск и приготовился.

Змея вяло лежала на ветках, как будто слегка оглушенная солнечным светом после прохладного сумрака в ящике. Через секунду ее язык забегал взад и вперед, а голова стала поворачиваться в разные стороны. И вот змея, словно струйка воды, заскользила между ветвями к гнезду. Она медленно подбиралась все ближе, ближе, достигла края гнезда, поднялась и устремилась на яйца свои свирепые серебристые глаза. Снова язык забегал, точно обнюхивал яйца, и змея осторожно потыкалась в них носом, как собака в сухари. Потом опустилась в гнездо, повернула голову боком, широко разинула пасть и принялась заглатывать яйцо. У всех змей челюстные кости соединены между собой подвижно, так что они могут заглатывать добычу, которая на первый взгляд кажется слишком большой для их пасти. Яйцеед раздвинул свою челюсть, и кожа на его шее растянулась, причем каждая чешуя обрисовалась отдельно, а медленно проталкиваемое по пищеводу голубое яйцо просвечивало сквозь натянутую тонкую кожу. Когда яйцо продвинулось примерно на дюйм, змея на секунду задумалась, потом выползла из гнезда. Продолжая ползти, она терлась вздутием о ветки, и яйцо постепенно перемещалось вниз.

Успех окрылил нас, а пока мы вернули змею в ящик. Пусть без помех переваривает пищу. Я перенес камеру и сменил линзу, чтобы снимать вблизи. На место съеденного яйца мы положили в гнездо другое и извлекли из ящика еще одного яйцееда. Как хорошо, что змеи были одинакового размера и расцветки. Ведь первая змея, пока не переварит проглоченное, не будет даже глядеть на яйца, значит, для крупного плана она уже не годится, зато вторая, в точности на нее похожая, голодна как волк. И когда второй яйцеед стремительно скользнул к гнезду и схватил яйцо, я без затруднений заснял крупным планом все нужные мне кадры. Потом я все повторил еще с двумя змеями. В окончательном варианте эпизоды были смонтированы вместе, и никто не смог бы догадаться, что видит четырех различных змей.

Наши съемки чрезвычайно занимали всех бафутян, включая Фона. Они лишь недавно вообще увидели кино. Полтора года назад в Бафуте побывала кинопередвижка с цветной лентой о коронации, и зрители были в диком восторге. И теперь, когда приехали мы, они все еще горячо обсуждали этот фильм. Полагая, что Фону и его советникам интересно будет побольше узнать о том, как делаются фильмы, я предложил им прийти как-нибудь утром и посмотреть съемки. Они с радостью согласились.

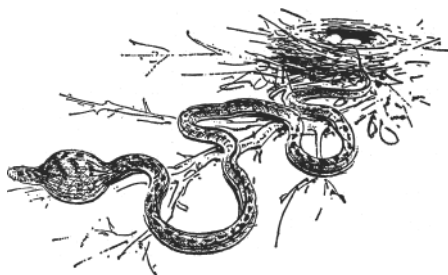
– Что ты будешь снимать? – спросила Джеки.

– Не все ли равно, лишь бы что-нибудь безобидное, – ответил я.

– Почему безобидное? – осведомилась Софи.

– А зачем рисковать... Если какая-нибудь тварь укусит Фона, вряд ли я после этого останусь персоной грата, верно?

– Что ты, что ты, этого нельзя допускать, – сказал Боб. – А что же ты все-таки наметил?

– У меня все равно задумано несколько кадров с мешетчатыми крысами. Они даже мухи не обидят.

На следующее утро мы все приготовили. На особом помосте устроили съемочную площадку, имитирующую участок лесной почвы. Рядом растянули нейлоновый тент, чтобы Фон мог сидеть под ним со своей свитой, поставили столик с напитками, стулья. Потом послали за Фоном.

Когда он с членами совета показался на широком дворе, мы залюбовались этим зрелищем. Впереди шагал Фон в красивой голубой с белым мантии, рядом с ним, заслоняя супруга от солнца огромным оранжево-красным зонтом, семенила его любимая жена. Дальше выступали советники в развевающихся мантиях зеленого, красного, оранжевого, алого, белого и желтого цвета. Вокруг этого красочного шествия сновали и прыгали сорок с лишним детей Фона – будто маленькие черные жуки суетились вокруг огромной пестрой гусеницы. Процессия не спеша обогнула рестхауз и прибыла на нашу импровизированную киностудию.

– Доброе утро, мой друг! – улыбаясь, воскликнул Фон. – Мы пришли посмотреть на твоё кино.

– Добро пожаловать, мой друг, – ответил я. – Ты не против, если мы сперва выпьем?

– Ва! Конечно, не против, – сказал Фон, осторожно опускаясь на один из наших складных стульев.

Я наполнил стаканы и, когда все выпили, стал объяснять Фону тайны кино съемки. Я показал ему, как работает камера, как выглядит пленка, объяснил ему, что каждый маленький кадр отвечает отдельному движению.

– Этот фильм, который ты снимаешь, когда мы его увидим? – спросил Фон, усвоив основные принципы.

– Понимаешь, я должен сперва отвезти его в свою страну, чтобы закончить, – ответил я, – так что придется тебе подождать до следующего раза, когда я снова приеду в Камерун.

– Вот и хорошо, – сказал Фон. – Когда ты опять приедешь сюда, в мою страну, мы повеселимся и ты покажешь мне свой фильм.

Мы выпили еще – за мое будущее возвращение в Бафут. Теперь можно было продемонстрировать Фону, как снимают киноэпизод. Софи, наша монтажница, в брюках, рубашке, темных очках и большущей соломенной шляпе, заняла неустойчивую позицию на маленьком складном стуле, держа наготове блокнот и карандаш, чтобы записывать все касающееся отснятых кадров. Тут же Джеки, вся обвешанная фотоаппаратами, присела на корточках около звукозаписывающего аппарата. Рядом со съемочной площадкой стоял исполняющий роль режиссера Боб. Он держал в руках прутик и клетку, где отчаянно пиццали наши звезды. Я установил камеру, занял позицию и подал знак начинать. Затаив дыхание, Фон и его советники смотрели, как Боб бережно вытряхивает двух крыс из клетки на площадку и направляет их прутиком. Я нажал спуск. Зрители одобрительными возгласами встретили тонкое жужжание камеры. В эту самую секунду на усадьбе появился мальчуган с калекасом. Не замечая толпы, он пошел со своим приношением к Бобу. Мой взгляд был прикован к видеоискателю, и я не очень-то прислушивался к разговору, завязавшемуся между Бобом и ребенком.

– Ну, что тут у тебя? – спросил Боб, принимая закупоренный зелеными ли-

ствиями калебас.

– Зверь, – кратко ответил ребенок.

Вместо того чтобы выяснить, что это за зверь, Боб вынул затычку из калебаса. Результат поразил не только его, но и всех остальных. Из калебаса пулей выскочила разъяренная шестифутовая зеленая мамба и упала на землю.

– Берегите ноги! – предостерегающе крикнул Боб.

Я оторвал глаза от видеоискателя и увидел картину, от которой мне стало чуточку не по себе: между опорами треноги ко мне целеустремленно скользила зеленая мамба. Я прыгнул вверх и назад с воздушной грацией, которую могла бы превзойти только звезда балета, наступившая со всего маху на гвоздик. Началось столпотворение. Змея проползла мимо меня и быстро направилась к Софи. Той было довольно одного взгляда на рептилию, чтобы решить, что сейчас скромность лучше доблести. Схватив карандаш, блокнот и, невесть почему, складной стул, она, словно заяц, помчалась к сбившимся в кучу советникам. Увы, змея избрала то же направление и устремилась следом за Софи. Советники посмотрели на нашу монтажницу, которая вела змею за собой прямо к ним, и, не медля ни секунды, все, как один, обратились в бегство. Только Фон будто прирос к стулу. Стол с напитками не давал ему встать.

– Палку! – крикнул я Бобу и побежал вдогонку за змеей.

Я, конечно, знал, что змея сама ни на кого не нападет. Она думала только о том, как бы уйти подальше от нас. Но когда кругом мечутся полсотни ошалевших от страха босых африканцев, среди которых ползает испуганная, смертельно ядовитая змея, недалеко до беды. Говоря словами Джеки, сцена была фантастическая. Члены совета мчались через усадьбу, их догоняла Софи, ее догоняла змея, за которой гнался я, а за мной гнался Боб с палкой. К счастью, мамба проползла мимо Фона. И так как волна событий схлынула, не задев его, он остался сидеть на месте, только налил себе еще стаканчик, чтобы успокоить свои потрясенные нервы.

В конце концов нам с Бобом удалось загнать мамбу в угол около крыльца рестхауза. Здесь мы прижали ее палкой к земле, подняли в воздух и сунули в один из наших мешков для змей. Я вернулся к Фону и увидел, как с разных сторон к своему монарху стекаются члены совета. В любой другой части света, если бы мы обратили в бегство кучку сановников, подбросив им змею, начались бы упреки, обиды и всяческие проявления уязвленного самолюбия. Африканцы отнеслись ко всему иначе. Фон сидел на стуле, широко улыбаясь. Советники на ходу болтали и смеялись, щелкали пальцами, вспоминая минувшую опасность, подшучивали друг над другом (вот задал стрекача!) – словом, наслаждались юмористической стороной этого происшествия.

– Ну как, вы ее поймали? – спросил Фон, щедрой рукой наливая мне изрядную дозу моего виски.

– Да, – ответил я, с благодарностью принимая стакан, – мы ее поймали.

Фон наклонился ко мне с озорной улыбкой.

– Видел, как улепетывали мои люди? – спросил он.

– Да, здорово они бежали, – подтвердил я.

– Они испугались, – объяснил Фон.

– Да. Это плохая змея.

– Верно, верно, – согласился Фон. – Эти людишки сильно испугались змеи.

– Да.

– А я не испугался, – продолжал Фон. – Мои люди все разбежались... они здорово испугались... а я не убежал.

– Верно, мой друг, верно... ты не убежал.

– Я не испугался этой змеи, – сказал Фон на тот случай, если до меня не дошло самое главное.

– Верно. Зато змея испугалась тебя.

– Она меня испугалась? – удивленно спросил Фон.

– Да, змея не посмела тебя укусить... плохая змея, но она не может убить Фона Бафута.

Фон взрывом смеха встретил эту грубую лесть, потом, вспомнив, как улепывали его советники, опять расхохотался, и советники присоединились к нему. Наконец, покачиваясь от смеха, они ушли, но мы еще долго слышали их веселые голоса и хохот. Это единственный известный мне случай, когда зеленая мамба была виновницей дипломатического конфуза.

Глава шестая

Звери с человеческими руками

Письмо с нарочным

Мой дорогой друг!

Желаю всем вам доброго утра. Я получил твою записку, но, к сожалению, моя болезнь не унимается со вчерашнего дня. Я очень жалел, что не смог прийти к тебе из-за болезни. Я был благодарен за бутылку виски и за лекарство, которое ты мне прислал. Я принял лекарство вчера вечером и сегодня утром, но пока мне не стало лучше. Мне досаждают кашель, так что, если у тебя найдется какое-нибудь средство от него, пришли, пожалуйста, с нарочным. Думаю, что виски тоже поможет, но пока точно не знаю. Пожалуйста, пришли мне джину, если есть.

Я лежу в постели.

Твой добрый друг,

Фон Бафута

Из всех животных, какие попадают зверолову, самые занимательные, на мой взгляд, представители обезьяньего племени. Они так мило напоминают детей: живой ум, очаровательная непринужденность, жадное стремление все перепробовать, все испытать сию же минуту и трогательнейшая вера в того,

кого они признали своими приемными родителями.

Мясо обезьяны – один из главных продуктов питания камерунцев, а так как нет обязательных постановлений, определяющих, когда и сколько обезьян можно стрелять, то погибает огромное количество самок с детенышами. Убитая мать падает с дерева, а детеныш судорожно цепляется за ее шерсть и обычно остается цел. Чаще всего его тоже убивают и съедают заодно с матерью, но иногда охотник приносит детеныша в деревню и выращивает, чтобы потом съесть. Если же поблизости появляется зверолов, всех этих сирот, естественно, несут ему: ведь он, как правило, платит за живого зверя намного больше рыночной цены. И, проведя в том же Камеруне два или три месяца, вы оказываетесь приемным отцом сонма обезьян всех видов и возрастов.

В Бафуте у нас к концу путешествия собралось семнадцать обезьян (не считая человекообразных и более примитивных представителей отряда приматов, таких, как потто и галаго), и они были для нас неисчерпаемым источником развлечений. Пожалуй, самые живописные из них красные мартышки, ростом они с терьера, с ярко-рыжей шерстью, черной мордочкой и белой грудью. На воле они предпочитают саванну лесам, ходят, как собаки, большими стаями, прилежно осматривают корневища трав и гнилые стволы в поисках насекомых или птичьих гнезд, переворачивают камни, под которыми могут быть черви, скорпионы, пауки и другие лакомства. Время от времени они встают на задние ноги, чтобы осмотреться, а если трава очень высокая – подпрыгивают, будто на пружинах. При малейшем намеке на опасность они громко кричат "пруп... пруп... пруп!" и мчатся галопом через траву, причем слегка раскачиваются на ходу – этакие маленькие рыжие рысаки.

Наши четыре пата жили вместе в большой клетке. С выражением предельной сосредоточенности на своих грустных черных мордочках они тщательно исследовали шерсть друг друга или же упоенно предавались каким-то восточным танцам. Пата – единственные известные мне обезьяны, которые по-настоящему танцуют. Большинство обезьян, разыгравшись, просто кружатся или прыгают вверх и вниз, но у пата разработаны особенные танцевальные фигуры, причем репертуар их довольно богатый. Сперва они скачут, словно резиновый мяч, и с каждым разом все быстрее, все выше, так что прыжки достигают высоты двух футов. Кончив прыгать, переходят к следующему "па". Теперь задние ноги почти неподвижные, а передняя часть туловища, начиная от поясицы, раскачивается, будто маятник, из стороны в сторону, и голова крутится слева направо. Повторив это движение двадцать – тридцать раз, пата исполняют новую фигуру. Они поднимаются на задних лапах, вытягивают передние вверх и устремляют взгляд на потолок клетки, затем начинают ходить по кругу, пока не падают от головокружения навзничь. Весь танец сопровождается песенкой, которая звучит примерно так: "Уаа-аааоу... уаааа-оу... пруп... пруп... уааааоу... пруп". Получается куда более приятно и осмысленно, чем у наших популярных певцов, исполняющих популярные песенки...

Пата, конечно, жадно поглощали любой живой корм, и день для них был неполным без горсти кузнечиков или яиц, или парочки вкусных пауков. Но больше всего на свете они любили личинок очень распространенных в Камеруне пальмовых жуков. Овальное тело пальмового жука достигает около двух дюймов в длину; самки откладывают яйца в гниющих стволах, предпочитая рыхлую волокнистую сердцевину пальм. В мягкой, влажной питательной сре-

де из яиц выходят личинки, которые быстро вырастают в мертвенно-белую тварь длиной около трех дюймов, толщиной с большой палец. Для пата эти жирные, извивающиеся червяки – пища богов. Стоило мне подойти с банкой, как мартышки с восторженным визгом окружали меня. И в то же время они отчаянно боялись личинок. Я высыпал угощение из банки на пол клетки. Пата, продолжая визжать от восторга, прыгали вокруг и дрожащими пальцами робко касались лакомства, но стоило червяку пошевелиться, как обезьянка тотчас отдергивала руку и поспешно вытирала пальцы о шерсть. Наконец одна из них хватала жирную личинку и, жмурясь и гримасничая, впивалась в нее зубами. Естественно, такая безжалостная казнь заставляла личинку отчаянно извиваться. Тотчас обезьяна бросала ее на пол, снова вытирала лапы и все с той же гримасой на мордочке принималась жевать откушенный кусочек. В такие минуты пата напоминали мне человека, который первый раз в жизни пробовал живую устрицу. Однажды я ненамеренно, полагая, что делаю одолжение мартышкам, вызвал переполох в их клетке. Целая армия местных ребятишек поставляла нам живой корм для животных. По утрам чуть свет они приносили полные калесасы улиток, яиц, личинок, кузнечиков, пауков, крохотных нагих крысят и прочей пищи, которую любили наши звери. В это утро один мальчуган помимо обычного приношения в виде улиток и личинок пальмового жука вручил нам две личинки голиафа. Голиафы – самые крупные жуки на свете, в длину они достигают шести дюймов, в ширину – около четырех. Нужно ли говорить, что личинки были чудовищные. Они тоже достигали около шести дюймов в длину, а толщиной были с мое запястье. Цветом такие же противные, мертвенно-белые, как личинка пальмового жука, но намного жирнее, и кожа у них сморщенная, вся в складках и вмятинах, словно перина. Плоская каштановая голова величиной с шиллинг, огромные изогнутые челюсти, способные основательно тебя ущипнуть, если зазеваешься. Я пришел в восторг, получив громадных, пухлых червячков. Если наши пата так любят личинок пальмового жука, то как же счастливы они будут при виде

этих великанов! Сунув личинок голиафа в общую банку, я пошел к обезьянам, чтобы предложить им легкую закуску перед завтраком.

При виде знакомой банки пата возбужденно запрыгали, крича "пруп, пруп". Я открыл дверцу. Мартышки с озабоченным выражением на своих черных мордочках сели в круг и просительно вытянули руки. Я просунул банку внутрь и опрокинул ее, так что обе личинки с мягким стуком шлепнулись на пол клетки, где и застыли недвижимо. Сказать, что мартышки были удивлены, – слишком мало. Они тихонько завизжали и стали отступать, с ужасом и опаской глядя на эти живые аэростаты. С минуту они пристально разглядывали личинок, но, так как те не шевелились, пата осмелели и стали подбираться ближе, чтобы лучше изучить небывалое чудо. Обозрев личинок со всех сторон, под всеми мыслимыми углами, одна из обезьянок собралась с духом, вытянула руку и осторожно тронула червяка пальцем. Тот до сих пор лежал на спине, словно в трансе, теперь же вдруг ожил, дернулся и величаво перевернулся на живот. Эффект был потрясающим. Дико крича от страха, мартышки все, как одна, трусливо забились в дальний угол клетки, где началась безобразная свалка, чем-то напоминающая итонский футбол. Каждая из сил старалась спрятаться за остальных. А личинка, помешкав несколько секунд, медленно поволокла свое пухлое тело прямо к обезьянам. Тут разыгралась такая истерика, что мне пришлось вмешаться и убрать червяков. Я положил их в клетку мангусты Тикки, она ничего не боялась и в четыре приема расправилась с личинками. А бедные мартышки весь этот день были сами не свои. Да и потом, стоило им увидеть банку в моих руках, как они бросались к задней стенке и жались к ней до тех пор, пока не выяснялось, что в банке нет ничего страшного и опасного, только личинки пальмового жука.

Среди обезьян нам особенно понравилась молодая самка бабуина, которую мы называли Георгиной. Это было существо с ярко выраженной индивидуальностью и своеобразным чувством юмора. Ее выкормил один африканец, в доме которого она играла роль комнатной сторожевой собаки. Хозяин уступил нам свою воспитанницу за внушительную сумму – десять шиллингов. Естественно, Георгина была совсем ручная.

Каждый день мы выводили ее на волю и привязывали к дереву недалеко от рестхауза. Первые два дня она сидела на привязи у самого входа на усадьбу Фона, мимо нее непрерывным потоком шли охотники, брели старушки, которые несли нам яйца для продажи, гурьбой бежали ребяташки с улитками и насекомыми. Мы рассчитывали, что эта непрекращающаяся процессия будет занимать и забавлять Георгину. Так оно и вышло, хотя и не в том смысле, какой мы себе представляли. Обезьяна быстро сообразила, что длина веревки позволяет ей прятаться за изгородью из гибискусов возле калитки. И стоило какому-нибудь ничего не подозревающему африканцу зайти на усадьбу, как она выскакивала из засады и хватала беднягу за ноги, издавая при этом такой страшный вопль, что даже самые крепкие нервы не выдерживали.

Первой жертвой этой коварной тактики оказался старый охотник, который, облачившись в свою лучшую мантию, нес нам полный калebas крыс. Он приближался к рестхаузу не спеша, с великим достоинством, как и подобает человеку, несущему для продажи столь редких животных, но едва он вошел в калитку, как с него слетел весь его аристократизм. Ощутив железную хватку Георгины и услышав ее ужасный крик, он уронил калebas с крысами, которые

тотчас бросились врассыпную, сам издал дикий вопль, подскочил, высоко в воздух и помчался по дороге без всякого достоинства, зато с поразительной для своего возраста прытью. Потребовались три пачки сигарет и весь мой такт, чтобы усмирить бурю в его душе. А Георгина сидела как ни в чем не бывало и, когда я принялся ее распекать, только подняла брови в знак невинного удивления, обнажив свои розовые веки.

Следующей жертвой была миловидная шестнадцатилетняя девушка, которая принесла в калейбасе улиток. Однако у девушки реакция оказалась почти такой же мгновенной, как у Георгины. Уголкем глаза она заметила ее в ту самую секунду, когда Георгина прыгнула. Взвизгнув от испуга, юная африканка отскочила в сторону, и обезьяна вместо ног поймала только развевающийся подол ее саронга. Бабуин резко дернул своими волосатыми лапами, саронг соскочил, и несчастная барышня осталась в чем мать родила. Крича от возбуждения, Георгина обмотала саронгом голову, как шалью, и восторженно что-то залопотала, а бедняжка в полной растерянности полезла в куст гибискуса, стараясь прикрыть руками наиболее деликатные части тела. Боб, который вместе со мной был очевидцем этого происшествия, с величайшей охотой бросился на помощь, отнял у обезьяны саронг и вернул его девушке.

До сих пор Георгина выходила сухой из воды, но на следующее утро она перестаралась. К калитке рестхауза, тяжело дыша, подошла вперевалку почтенная славная дама весом на двести фунтов с лишком. Она бережно несла на голове бидон арахисового масла, которое рассчитывала продать нашему повару Филипу. Он увидел ее и выскочил из кухни, чтобы предупредить, но было слишком поздно. Георгина прыгнула из-за куста бесшумно, как леопард, и с воинственным кличем обхватила лапами толстые ноги престарелой леди. Бедная женщина была слишком тучной, чтобы по примеру предыдущих жертв подпрыгнуть и обратиться в бегство, поэтому она застыла на месте, крича почти так же громко и пронзительно, как Георгина. Пока они исполняли этот какофонический дуэт, бидон на голове старой леди угрожающе крепился. Филип мчался к ней, топая своими ножищами и хриплым голосом изрыгая советы, которые она вряд ли слышала. Добежав до места происшествия, Филип впопыхах совершил глупость. Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на голове и бидоне, он подошел с другого конца и, схватив Георгину, попробовал оторвать ее от жертвы. Но обезьяна вовсе не спешила выпустить из рук столь пышную и роскошную добычу, она будто приросла к ней и негодуя кричала. Обхватив Георгину обеими руками, Филип дергал изо всех сил. Обширная фигура старой леди колыхалась, словно могучее дерево под ударами топора, и бидон на ее голове, не выдержав неравного поединка с законом тяготения, грохнулся на землю. От сильного толчка из него вырвалась струя масла, и всех троих обдало клейкими брызгами. Георгина, озадаченная этим новым, подлым и, вероятно, опасным военным приемом, испуганно хрюкнула, выпустила ноги женщины и отбежала в сторону, насколько позволяла веревка, после чего принялась очищать свою шерсть от липкого масла. Глядя на живот Филипа, можно было подумать, что он медленно тает, а у старой леди весь саронг был промаслен спереди.

– Ва! – яростно загредел Филип. – Глупая женщина, зачем ты бросила масло на землю?

– Дурак! – с не меньшим гневом вскричала старая дама. – Этот зверь хотел

меня укусить, что же мне было делать?

– Эта обезьяна и не думала тебя кусать, толстая дура, она ручная! – ревел Филип. – Погляди теперь на мою одежду, вся испорчена... Это ты виновата.

– Ничего я не виновата, не виновата, – визжала старуха, и ее мощное туловище тряслось, как извергающийся вулкан. – Ты сам виноват, негодяй этакий, все мое платье испортил, все масло на землю вылил.

– Жирная дура! – орал Филип. – Сама ты негодяйка, сама ни с того ни с сего бросила на землю свое масло... Пропала моя одежда.

Он сердито топнул широкой ступней... прямо в лужу масла, и брызги полетели на уже пострадавший саронг старой дамы. Она взвыла, будто падающая бомба, и затряслась еще сильнее – вот-вот взорвется! Когда почтенная леди наконец обрела дар речи, она вымолвила только одно слово, но я понял, что пора вмешаться.

Я подошел, прежде чем Филип успел прийти в себя и нанести телесные повреждения старой леди. Ее я утешил – заплатил ей за испорченный саронг и пролитое масло, потом утихомирил все еще кипевшего гневом повара, пообещав ему новые носки, шорты и рубашу из моего собственного гардероба. После этого я отвязал липкую Георгину и перевел ее в такое место, где она не могла свергать меня в новые расходы, атакуя местное население.

Однако на этом дело не кончилось. Я не придумал ничего лучшего, как привязать Георгину около нижней веранды, рядом с помещением, где мы мылись. Там стоял большой круглый таз из красного пластика, в него каждый вечер наливалась вода, чтобы мы могли смыть пыль и пот после трудового дня. Правда, таз был маловат, мыться в нем не совсем удобно. Опустись в приятную, теплую воду, а ноги уже не вмещаются, приходится класть их на деревянный ящик. А так как таз был скользкий, требовалось немалое усилие, чтобы встать за мылом, полотенцем или еще за чем-нибудь. Словом, не самая удобная ванна в мире, но в наших условиях мы не могли придумать ничего лучшего.

Софи обожала купанье, она дольше всех торчала в ванной, предавалась неге в теплой воде, покуривая сигарету или читая книгу при свете маленького фонаря "молния". Но в этот вечер ее омовение не затянулось.

Сначала все шло как обычно. Один из слуг, подойдя к Софи, сказал ей присутствующим всем слугам доверительным тоном:

– Ванна готова, мадам.

Взяв книгу и жестянку с сигаретами, Софи пошла вниз в ванную. И тут оказалось, что ее опередила Георгина. Обезьяна открыла, что длина веревки позволяет ей проникнуть в эту интересную комнату. Георгина сидела возле таза и, тихонько ворча от удовольствия, мочила в воде полотенце. Софи выгнала ее, попросила слугу принести другое полотенце, затворила дверь, разделась и погрузилась в горячую воду.

К сожалению, она плохо закрыла дверь, в чем скоро и убедилась. Георгина в жизни еще не видела, как купаются люди, – разве можно упустить такой случай! Она всем телом налегла на дверь и запахнула ее. Софи оказалась в затруднительном положении. Выкарабкаться из таза и закрыть дверь – дело нелегкое, но и лежать с открытой дверью нельзя. С великим трудом она дотянулась до одежды, которую, к счастью, положила достаточно близко. Георгина тотчас решила, что это начало новой многообещающей игры, прыгнула впе-

ред, схватила одежду Софи, прижала ее к своей волосатой груди и выбежала с добычей наружу. Осталось только полотенце. Выкарабкавшись из таза, Софи кое-как задрапировалась и, проверив, нет ли кого поблизости, рискнула выйти, чтобы попытаться вернуть себе свое имущество. Видя, что Софи вошла во вкус игры, Георгина что-то радостно прошептала, ловко увернулась от нее, бросилась обратно в ванную и живо сунула одежду в воду. Истолковав вырвавшийся у Софи крик ужаса как одобрение, она положила на воду банку с сигаретами – видно, хотела проверить, будет ли она плавать. Банка пошла ко дну, а сорок с лишним раскисших сигарет всплыли на поверхность. Но Георгина ни перед чем не останавливалась, чтобы доставить удовольствие Софи. Она вылила воду из таза. Привлеченный шумом, я подоспел в ту минуту, когда Георгина легко прыгнула в таз и принялась подскакивать на одежде и размокших сигаретах, совсем как винодел, который топчет кисти винограда. Пока я выдворял разыгравшегося бабуина и добывал для Софи новую воду, сигареты и одежду, обед совсем остыл. Да, благодаря Георгине вечер прошел очень весело... Однако из всех обезьян особенно много радости и веселья вносили в нашу жизнь, пожалуй, человекообразные. Первым мы приобрели малыша мужского пола. Он прибыл как-то утром, лежа на руках у одного охотника. На морщинистой мордочке детеныша было такое насмешливо-высокомерное выражение, будто он возомнил себя таким восточным вельможей и нанял охотника, чтобы тот его носил. Пока мы с охотником торговались, малыш спокойно сидел на крыльце рестхауза, глядя на нас полными презрения умными карими глазами, словно все эти мелочные пререкания из-за денег могли вызвать только крайнее отвращение у шимпанзе с таким происхождением и воспитанием. Когда сделка состоялась и презренный металл перешел из рук в руки, этот обезьяний аристократ снисходительно взял меня за палец и вошел в нашу гостиную, глядя по сторонам с плохо скрываемым омерзением, – ну прямо герцог, который решил во что бы то ни стало быть демократичным и удостоил своим посещением кухню больного вассала. Сев на стол, он принял наше скромное подношение – банан – с таким видом, словно ему давно опостытели все эти почести, которыми его осыпают со дня рождения. Мы тут же решили дать ему имя, достойное столь высокородного примата, и окрестили его Чолмондели Сен-Джон или с поправкой на произношение Чамли Синджен. Потом, когда мы познакомились ближе, он позволил нам называть его запросто Чам. В минуты натянутых отношений Чам превращался в "паршивую обезьяну", но, произнося эти слова, мы всегда чувствовали себя повинными в оскорблении Величества.

Мы сделали для Чамли клетку (против чего он решительно возражал) и выпускали его только в строго определенные часы, когда было кому присмотреть за ним. Так, утром он вместе со слугой, который разносил чай, входил к нам в спальню, галопом пересекал комнату и прыгал ко мне в кровать. Торопливо чмокал меня влажными губами в знак приветствия, потом, кряхтя и восклицая "ах, ах!", наблюдал, как ставят на место поднос с чаем, и проверял, не забыта ли его большая кружка (оловянная, чтобы долго служила). После этого он ждал, не спуская с меня глаз, пока я наполнял кружку молоком, чаем и сахаром (пять ложек). Дрожащими от волнения руками принимал ее от меня, подносил к губам и принимался пить с таким звуком, с каким вытекает последняя вода из большой ванны. Ни разу не останавливаясь, чтобы передох-

нуть, он все выше и выше поднимал кружку, пока она совсем не опрокидывалась ему на лицо. После этого наступал долгий перерыв – Чамли ждал, когда в его открытый рот соскользнет такой вкусный полурастаявший сахар. Удостоверившись, что на дне ничего не осталось, Чамли глубоко вздохнул, задумчиво рыгал и возвращал мне кружку, смутно надеясь, что я наполню ее снова. Убедившись в тщетности своей надежды, он смотрел, как я пью чай, а затем начинал меня развлекать.

Ради меня он придумал много игр, и все они в такой ранний час казались мне довольно утомительными. Вот он устроился у меня в ногах и проверяет взглядом исподтишка, слежу ли я за ним. Затем холодная рука Чамли пробирается под одеяло и хватается меня за пальцы ног. При этом требовалось, чтобы я нагибался вперед и кричал, изображая гнев, а сам он соскакивал с кровати и бежал в другой конец комнаты, на ходу поглядывая на меня через плечо полными веселого озорства карими глазами. Когда мне надоела эта игра, я прикидывался, будто сплю. Чамли осторожно подходил к изголовью кровати, несколько секунд пристально смотрел мне в лицо, потом вдруг вытягивал длинную руку и дергал меня за волосы, после чего миготом отскакивал, не давая поймать себя. Если же мне все-таки удавалось схватить шалопая, я обнимал его сзади руками за шею и щекотал ему ключицы. Чамли дергался, корчился, разевал свою пасть, обнажая широкие розовые десны и крупные белые зубы, и совсем по-детски заливался истерическим смехом.

Нашим вторым приобретением была крупная пятилетняя самка шимпанзе, по имени Минни. Ее мы получили от одного фермера – голландца, который пришел однажды в Бафут и сказал, что готов уступить нам Минни, так как ему скоро уезжать в отпуск, а он не хочет оставлять обезьяну на попечение своих слуг. Мы можем получить Минни, если сами приедем и заберем ее. Ферма голландца находилась в Санте, за пятьдесят миль от Бафута, поэтому мы условились приехать туда на лендровере Фона и посмотреть шимпанзе. Если обезьяна окажется здоровой, мы ее купим и увезем с собой в Бафут. Захватив большую клетку, мы спозаранку отправились в путь, рассчитывая вернуться к ленчу или чуть позже. Чтобы попасть в Санту, надо было выбраться из долины, где лежит Бафут, одолеть могучую стену Беменда (почти отвесная скала высотой около трехсот футов) и углубиться в горы за ней. Даль тонула в густом утреннем тумане. С восходом солнца мгла высокими колоннами поднимается к небу, пока же она застыла в долинах белыми озерами молока, из которых, будто причудливые острова на бледном море, торчали макушки холмов и увалов. Поднявшись выше, мы сбавили ход, потому что здесь едва уловимое неровное дыхание утреннего ветерка подталкивало и катило огромные клубы тумана, и они струясь, пересекали дорогу, словно исполинские белые амебы. Обогнешь поворот – и врезаешься в самую гущу облака. Видимость сразу падает до нескольких метров. В одном месте сквозь туман вдруг показалось что-то вроде слоновых бивней. Мы резко затормозили. Навстречу нам из мглы медленно выплыло стадо длиннорогих коров. Плотной стеной они окружили машину и с любопытством уставились в окна лендровера. Это были крупные красивые животные темно-шоколадной масти с огромными влажными глазами и длинными белыми рогами – пять футов от кончика до кончика. Горячее дыхание седыми облачками вырывалось из широких ноздрей, в холодном воздухе повис особенный сладковатый запах. Весело звякал колокольчик на шее

коровы-вожака. Несколько минут мы созерцали друг друга, потом резкий свист и хриплый крик возвестили о появлении пастуха. Он был типичный фульбе – высокий, стройный, с тонким лицом и прямым носом, чем-то напоминающий фигуры древнеегипетских фресок.

– Здравствуй, мой друг, – сказал я.

– Доброе утро, маса, – ответил он, улыбаясь и шлепая ладонью по широченному, влажному от росы коровьему боку.

– Это твои коровы?

– Да, сэр, мои собственные.

– И куда ты их гонишь?

– В Беменду, сэр, на базар.

– Ты можешь отвести их в сторону, чтобы мы проехали?

– Да, сэр, конечно, сэр, я их уведу.

С громкими криками он погнал скот вперед, перебегая от коровы к корове и выбивая дробь на их боках своим бамбуковым посохом. Под приятные звуки колокольчика тяжелые туши, миролюбиво мыча, стали пропадать в тумане.

– Спасибо, мой друг, счастливого пути, – крикнул я вслед рослому пастуху.

– Спасибо, маса, спасибо, – донесся из тумана его голос на фоне низкого, как звуки фагота, мычания коров.

Когда мы достигли Санты, солнце уже взошло и горы стали золотисто-зелеными, но к склонам еще лепились полосы тумана. Подъехав к дому голландца, мы узнали, что его неожиданно куда-то вызвали. Однако Минни была дома, а ведь мы ради нее и приехали. Обезьяна жила в большом круглом загоне, который устроил для нее голландец. Высокая стена ограждала простое и остроумное оборудование – деревянный домик с двустворчатой дверью и четыре сухих ствола, укрепленных в цементе. Чтобы попасть в загон, надо было опустить своего рода разводной мост и по нему перейти через сухой ров, окаймляющий территорию Минни.

На ветвях одного из деревьев сидела крупная коренастая обезьяна ростом около трех с половиной футов. Она смотрела на нас не совсем осмысленно, но в общем-то дружелюбно. Минут десять мы молча обзревали друг друга, пока я пытался раскусить ее нрав. Конечно, голландец заверил меня, что она совсем ручная, но я по опыту знал, что даже самый ручной шимпанзе может причинить вам немало хлопот, если невзлюбит вас и дело дойдет до рукопашной. Тем более что Минни при небольшом росте была достаточно могучего сложения.

Но вот я опустил мостик и вошел в загон, вооружившись лишь гроздью бананов, которыми решил откупиться, если бы оказалось, что я неверно оценил характер обезьяны. Сев на землю, я положил бананы себе на колени и стал ждать первого хода Минни. Она с интересом рассматривала меня со своего дерева, задумчиво похлопывая себя по круглому животу широкими ладонями, и в конце концов решила, что я безопасен, слезла с дерева и вприпрыжку направилась ко мне. В метре от меня она присела на корточки и протянула мне руку. Я торжественно пожал волосатую лапу и подал обезьяне банан. Минни сразу съела его, ворча от удовольствия.

В полчаса она управилась со всеми бананами, и между нами установилось нечто вроде дружбы. Мы играли в салки, носились друг за другом по участку, забегали в домик, вместе залезали на дерево. Тут я решил, что пришла пора

внести в загон клетку. Мы поставили ее на траву крышкой вниз и дали Минни не спеша изучить клетку и убедиться, что предмет это безопасный. Теперь спрашивалось, как поместить обезьяну в клетку, не очень ее при этом напугать и в то же время избежать ее укусов. Поскольку Минни еще ни разу не подвергалась заточению в ящик или в тесную глухую клетку, я понимал, что операция будет трудной, тем более без хозяина, который мог бы помочь нам своим авторитетом.

Три с половиной часа я на личном примере показывал Минни, что клетка – вещь безобидная. Я сидел в ней, лежал в ней, прыгал по ней и даже ползал на четвереньках, держа ее на спине, – совсем как черепаха. Минни была очень довольна моими стараниями развеселить ее, но к клетке все равно относилась настороженно. Беда в том, что я мог рассчитывать только на одну попытку. Если с первого раза ничего не выйдет и обезьяна сообразит, что у меня на уме, никакие ласки и уговоры не заставят ее даже близко подойти к клетке. Надо медленно, но верно приманивать Минни и потом сразу набросить клетку на нее. Еще три четверти часа целеустремленных и утомительных усилий, и мне удалось добиться того, что обезьяна доставала бананы из клетки, обращенной входом вверх. И вот настал великий миг.

Я положил в клетку для приманки особенно соблазнительные бананы и сел позади нее, тоже очистив себе банан и непринужденно обозревая пейзаж, словно меньше всего на свете помышлял о ловле шимпанзе. Недоверчиво поглядывая на меня, Минни осторожно двинулась вперед. Возле самой клетки она присела и устремила алчный взгляд на бананы. Снова метнула взгляд в мою сторону и, убедившись, что я поглощен своим лакомством, просунула в клетку голову и плечи. В ту же секунду я толчком опрокинул клетку на обезьяну, одним прыжком очутился наверху и уселся, чтобы не дать ее сбросить. На помощь мне подоспел Боб. Мы с бесконечной осторожностью подсунули под клетку крышку, перевернули ее и заколотили. Минни в это время с ненавистью смотрела на меня через дырочку в доске и жалобно кричала: "Ууу!.. Ууу!.. Ууу!.." – словно мое вероломство потрясло ее до глубины души. Я стер с лица пот и закурил сигарету, потом посмотрел на часы. На поимку Минни ушло четыре часа с четвертью. Я подумал, что за это время можно было бы поймать дикую обезьяну в лесу. Порядком уставшие, мы погрузили добычу на лендровер и поехали обратно в Бафут.

В Бафуте для Минни была уже приготовлена большая клетка. Конечно, она никак не могла сравниться с просторным загонем, однако была достаточно велика, чтобы Минни не страдала в ней от тесноты. Потом-то обезьяне придется привыкать к маленькой клетке, в которой она поедет в Англию, но лучше приучать ее к этому постепенно, ведь до сих пор она жила совсем привольно. Попав в новую квартиру, Минни, одобрительно кряхтя, исследовала ее, постукала кулаками по проволочной сетке, повисела на перекладинах, испытывая их прочность. Мы поставили ей в клетку большую коробку с фруктами и белый пластиковый тазик с молоком. Минни приняла угощение с радостными криками.

Весть о том, что мы привезли Минни, чрезвычайно заинтересовала Фона, который еще никогда не видел живьем крупного шимпанзе. Поэтому вечером я послал ему записку с приглашением прийти и распить бутылочку, а заодно посмотреть на обезьяну. Он пришел, как только стемнело, одетый в зеленую и

пурпурную мантию, в сопровождении шести членов совета и двух любимых жен.

После взаимных приветствий и приятной беседы за первым стаканом я взял фонарь и повел Фона с его свитой в конец веранды к клетке Минни. Сначала нам показалось, что там пусто. Лишь подняв фонарь повыше, я обнаружил Минни. Она спала, повернувшись на бок, в одном конце клетки, где устроила себе удобное ложе из сухих банановых листьев. Подушкой ей служила собственная рука, а одеялом – полученный от нас старый мешок, которым она старательно укрылась, зажав концы под мышками.

– Ва! – удивленно воскликнул Фон. – Она спит, как человек.

– Да-да, – подхватили члены совета, – она спит, как человек.

Потрявоженная светом и голосами, Минни открыла один глаз, чтобы проверить, из-за чего шум. Увидев Фона и его людей, она решила, что их стоит изучить поближе, осторожно откинула одеяло и вразвалку подошла к проволочной сетке.

– Ва! – сказал Фон. – Ну прямо человек, этот зверь.

Минни смерила Фона взглядом, сделала вывод, что его можно втянуть в игру, и выбила по сетке громкую дробь своими ручищами. Фон и его свита поспешно отступили.

– Не бойся, – сказал я, – она просто шутит.

Лицо Фона выражало удивление и восторг. Осторожно приблизившись к клетке, он наклонился и похлопал ладонью по проволоке. Восхищенная Минни ответила ему целым залпом, который заставил Фона отскочить и разразиться ликующим смехом.

– Поглядите на ее руки, на руки поглядите, – вымолвил он, – совсем как у человека.

– Да-да, руки у нее совсем как у человека, – подхватили советники.

Фон опять постучал по сетке, и Минни снова ответила тем же.

– Она выбивает музыку вместе с тобой, – сказал я.

– Верно, верно, это музыка шимпанзе, – согласился Фон, покатываясь со смеху.

Воодушевленная успехом, Минни два-три раза пробежалась по клетке, выполнила на шестах два задних сальто, вернулась к сетке, села, схватила пластиковый тазик и напялила себе на голову – получилось до смешного похоже на стальной шлем. Этот трюк вызвал такой взрыв хохота у Фона, его советников и жен, что в ответ залаяли все деревенские собаки.

– Она надела шляпу... шляпу, – вымолвил Фон, от смеха складываясь пополам.

Видя, что оторвать Фона от Минни мне вряд ли удастся, я попросил принести стол, стулья и напитки и поставить их на веранде рядом с клеткой. Около получаса Фон то прикладывался к стопке, то прыскал со смеху, а Минни вела себя, как заслуженный цирковой артист. В конце концов, утомленная собственными выходками, она села у решетки вблизи от Фона и стала внимательно наблюдать за ним. Шлем все еще был у нее на голове. Фон широко улыбнулся Минни, потом наклонился к ней – всего каких-нибудь шесть дюймов отделяли его лицо от морды шимпанзе – и поднял руку со стаканом.

– Будь-будь, – сказал Фон.

К моему великому удивлению, Минни в ответ вытянула трубочкой свои длинные подвижные губы и издала на редкость смачный, протяжный звук.

Эта шутка вызвала у Фона взрыв такого громкого и продолжительного смеха, что и мы, глядя на него, тоже расхохотались. Но вот он взял себя в руки, вытер глаза, наклонился и фыркнул на Минни. Увы, перед ней он был жалким дилетантом. Звук, которым ему ответила обезьяна, раскатился по веранде пулеметной очередью. Пять минут продолжалась перестрелка, пока Фон не сдался, задохнувшись от смеха. Минни, бесспорно, превзошла его и по качеству и по количеству звука. Она лучше управляла дыханием, поэтому фыркала дольше и музыкальнее.

Наконец Фон собрался домой. Мы смотрели, как он шагает через широкий двор, время от времени фыркает на своих советников, и все покатываются со смеху. Минни с видом светской дамы, утомленной приемом гостей, громко зевнула, вернулась к своему ложу из листьев, легла, хорошенько укрылась мешком, положила руку под голову и уснула. И вот уже по веранде разносится ее храп – почти такой же громкий, как перед этим фыркание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ К ПОБЕРЕЖЬЮ И В ЗООПАРК

Письмо с нарочным

Сэр!

Имею честь почтительнейше направить вам настоящее письмо, чтобы изложить следующее:

1. Я очень опечален, что вы оставляете меня, хотя мы расстаемся не по-плохому, а по-хорошему.

2. В этот печальный миг я почтительно и покорно прошу вас, моего любезного хозяина, оставить мне добрую характеристику, которая позволила бы вашему преемнику все узнать обо мне.

3. Хотя я работал у многих хозяев, ваше отношение я особенно ценю. И если хозяин оставит мне что-то на память, это будет для меня дороже всех королевств.

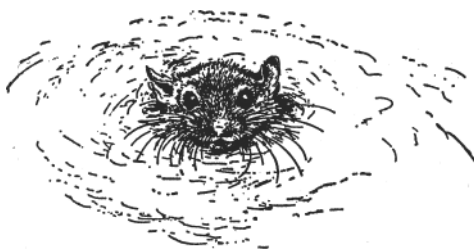
Имею честь, сэр, быть

Вашим покорным слугой,

Филип Онага (повар)

Глава седьмая Зоопарк в нашем багаже

Настала пора готовиться к путешествию от Бафута до побережья. Но прежде чем отправиться в путь, надо было еще основательно потрудиться. По ряду причин возвращение – самая хлопотная и сложная часть зоологической экспедиции. Разместить животных на грузовиках и везти их целых триста миль по дорогам, которые больше всего напоминают разбитый танкодром, – уже само по себе дело не простое. А ведь нужно еще решить уйму важных задач. В порту должен быть заготовлен провиант на всю дорогу, так как без надлежащих запасов нельзя грузить на судно двести пятьдесят животных и выходить в трехнедельное плавание. А чтобы на корабле не случилось побегов, необходимо тщательно осмотреть клетки и устранить поломки, неизбежные за полгода пользования. Надо укрепить проволочные сетки, сменить на дверях запоры, сделать новые полы взамен прогнивших – словом, тысячи всяких починок. Поэтому не удивительно, что приходится начинать приготовления к отъезду за месяц до того, как вы покинете базовый лагерь и двинетесь к морю. И

учтите, что все, будто нарочно, обращается против вас. Местное население, потрясенное перспективой утраты столь бесподобного источника доходов, удваивает свои усилия, чтобы извлечь максимум прибыли, пока вы еще не уехали. А это означает, что вы должны не только чинить старые клетки, но и сколачивать новые, стараясь угнаться за внезапным притоком всяких тварей. У местного телеграфиста в это время наступает явное помрачение рассудка, так что важные телеграммы, которые вы отправляете и получаете, не понятны ни вам, ни вашему адресату. Судите сами, каково это. Вы с тревогой ждете вестей о закупке провианта на дорогу, и вдруг такая телеграмма:

телеграмма получена сожалению не можем сор семзеленых балов
рожно ли брать полу согрешие

После долгих хлопот и дополнительных расходов это удастся расшифровать так:

телеграмма получена сожалению не можем обеспечить совсем зеленых бананов можно ли брать полусозревшие.

Нужно еще сказать, что животные вскоре начинают чують предстоящие перемены и по-своему стараются вас утешить: больным становится совсем худо и они глядят на вас таким жалобным угасающим взором, что вы понимаете – они не доедут даже до моря; самые редкие и незаменимые экспонаты так и норовят сбежать и, если это им удастся, слоняются поблизости, дразня вас и заставляя тратить драгоценное время на их поимку; животные, которые не могли жить без избранной пищи вроде авокадо или батата, вдруг проникаются отвращением к этому корму, и приходится слать срочные телеграммы, отменяя заказы на огромное количество фруктов и овощей. Словом, хлопот полон рот.

Замороженные, издерганные, мы, конечно, делали глупости, которые только усугубляли общее смятение. Примером может служить случай со шпорцевыми лягушками. С первого взгляда каждый сказал бы, что это лягушки. Они небольшого размера, у них тупая лягушачья голова и совсем не жабыя, гладкая, скользкая кожа. К тому же в отличие от жаб они ведут водный образ жизни. Но все же они не принадлежат к семейству лягушек. В моем представлении это довольно скучные твари. Девяносто процентов времени они уныло висят в толще воды и лишь изредка всплывают к поверхности за глотком воздуха. Но по какой-то причине, которую я так и не смог себе уяснить, Боб был чрезмерно горд этими странными тварями. У нас их набралось двести пятьдесят штук, мы держали их на веранде в большом пластиковом корыте. Если Боба не было в комнате, его, почти наверное, можно было застать у корыта. Он любовался корчащимися лягушками, и выражение гордости не сходило с его лица. Но вот настал день великой трагедии...

Только что начался сезон дождей, что ни день – на яркое солнышко набежали тучи, и разразился ливень. Он длился всего около часа, но за этот час на землю обрушивалось чудовищное количество воды. В то утро, о котором пойдет речь, Боб спозаранок пел хвалу своим шпорцевым лягушкам. Когда сгустились тучи, он решил, что лягушки будут очень рады, если он выставит их корыто под дождь. Осторожно отнес корыто на крыльцо и опустил на верхнюю ступеньку. Блестящая идея! Теперь лягушкам доставалась и вся вода, стекающая с крыши. После этого Боб занялся чем-то другим и забыл про лягушек.

Дождь хлестал так, словно задался целью поддержать репутацию Камеруна как одного из самых влажных мест на земном шаре. Уровень воды в корыте постепенно повышался. Вместе с водой поднимались и лягушки. Вот они уже выглядывают над краем корыта. Еще десять минут – и, хотели лягушки того или нет, поток воды выбросил их на крыльцо.

Жалобный вопль, вырвавшийся у Боба, заставил и меня обратить внимание на поразительное зрелище. В голосе моего товарища звучала такая боль, что мы все побросали и ринулись к нему. На верхней ступеньке стояло пластиковое корыто, но в нем не было ни одной лягушки. Драгоценных амфибий Боба унес с собой бегущий по ступенькам каскад воды. Ступеньки были черны от лягушек, которые скользили, прыгали, кубарем катились вниз. Среди этой Ниагары амфибий Боб с безумными глазами прыгал взад и вперед, словно ополоумевшая цапля, и торопливо собирал их. Схватить рукой шпорцевую лягушку совсем не просто. Это почти так же трудно, как поймать каплю ртути. Не говоря уж о том, что лягушки невероятно скользкие, они еще и очень сильны для своего роста. Эти твари брыкаются и вырываются с поразительной энергией. В довершение всего их мускулистые задние лапы вооружены маленькими острыми коготками, которые могут здорово оцарапать вас. Боб то стонал от боли, то бранился – словом, был отнюдь не в том спокойном и сосредоточенном расположении духа, какое необходимо при ловле шпорцевых лягушек. Он собирал горсть беглянок и устремлялся вверх на крыльцо, чтобы вернуть их в корыто, а они протискивались у него между пальцами и снова шлепались на ступеньки, откуда их сносило водой. Впятером мы возились три четверти часа, прежде чем поймали всех лягушек и посадили в корыто. Только мы закончили эту работу, промокнув до костей, как дождь прекратился.

– Если тебе непременно надо выпустить на прогулку двести пятьдесят экспонатов, хоть бы выбрал солнечный день и таких животных, которых легче собирать, – укоризненно сказал я Бобу.

– Сам не понимаю, что меня заставило совершить такую глупость, – ответил Боб, мрачно глядя в корыто, где обессиленные лягушки неподвижно висели в воде и, как обычно, таращили на нас свои бессмысленные глаза. – Надеюсь, они не пострадали.

– Только не волнуйся за нас. Мы готовы прыгать под дождем сколько угодно, пусть даже воспаление легких схватим, лишь бы эти отвратительные маленькие гады были целы. Не хочешь ли ты смерить им температуру?

– Знаешь, – хмуро сказал Боб, не обращая внимания на мой сарказм, – мне кажется, много лягушек пропало... Их явно гораздо меньше, чем было.

– Во всяком случае я не буду помогать тебе пересчитывать их. И без того я

весь исцарапан шпорцевыми лягушками, до конца жизни хватит. Оставил бы ты их в покое да пошел переоделся. А то начнешь пересчитывать и опять всех упустишь.

– Верно, – вздохнул Боб, – пожалуй, ты прав.

Полчаса спустя я вывел для утренней разминки Чамли Синджена и – надо же быть такой глупости! – на десять минут выпустил его из поля зрения. Услышав крик Боба, – крик души, доведенной до полного отчаяния, – я посмотрел кругом и, не обнаружив поблизости Чамли Синджена, тотчас смекнул, что он и есть причина предсмертного вопля моего товарища. Я выскочил на веранду и увидел Боба, заламывающего в отчаянии руки, а на верхней ступеньке крыльца с таким смиренным видом, что только сияния вокруг головы не хватало, сидел Чамли. У его ног лежало опрокинутое вверх дном корыто, а ступеньки и вся земля вокруг были испещрены разбежавшимися лягушками.

Битый час, поминутно поскальзываясь, мы бегали по красной грязи, пока последняя лягушка не вернулась в корыто. Тяжело дыша, Боб поднял его, и мы молча направились к веранде. На верхней ступеньке перемазанные грязью ботинки Боба разъехались, он упал, корыто покатило вниз, и в третий раз шпорцевые лягушки радостно бросились врассыпную.

Чамли Синджен был виновником еще одного побега. Правда, этот случай причинил нам меньше хлопот и был не таким увлекательным, как происшествие с лягушками. В нашей коллекции было четырнадцать встречающихся в изобилии местных сонь, которые напоминают европейских, если не считать светло-пепельной окраски и несколько более пушистого хвоста. Эта компания очень дружно жила в одной клетке и по вечерам изрядно веселила нас своими акробатическими номерами, в особенности одна соня с похожим на клеймо маленьким белым пятнышком на боку. Этот атлет превосходил всех остальных, его смелые прыжки и сальто вызывали у нас глубочайшее восхищение. Мы прозвали циркача Бертрамом.

Однажды утром я, как обычно, выпустил Чамли Синджена на прогулку. Он вел себя образцово вплоть до той минуты, когда я подумал, что Джеки смотрит за Чамли, а она думала, что я за ним слежу. Чамли никогда не пропускал таких минут. Когда мы обнаружили свою ошибку и кинулись его искать, было уже поздно. Решив позабавиться, Чамли открыл клетку сонь и опрокинул ее. Бедняги, которые, ничего не подозревая, крепко спали, высыпались из своей спальни на пол. Придя в себя, они бросились врассыпную в поисках укрытия, а Чамли, весело крича "у-у-у", прыгал и норовил наступить на них. Пока мы ловили и распекали хулигана, сони скрылись. Они попрятались за клетки, и пришлось нам все отодвигать. Первым из своего убежища за обезьяньей клеткой выскочил Бертрам и помчался через веранду. Следом за ним помчался Боб. Вот он протянул руку, чтобы схватить улепетывающую соню... Я предостерегающе крикнул: – Хвост... Не хватай ее за хвост!..

Но было поздно. Видя, что жирная тушка Бертрама вот-вот исчезнет за соседними клетками, Боб поймал его за ту часть тела, которую легче всего было схватить. Кончилось это плохо. У всех мелких грызунов, а особенно у этих сонь, очень нежная кожа на хвосте. Если вы за его ухватитесь и животное дернется, кожа лопнет и слезет, как палец перчатки. Это явление настолько распространено у грызунов, что речь тут, пожалуй, идет о защитном механизме, вроде того как ящерица отделяет хвост, спасаясь от врага. Боб знал это не хуже

меня, но забыл в пылу преследования Бертрам благополучно скрылся за клетками, а у Боба в руках осталась только пустая шкурка от хвоста. В конце концов мы все-таки извлекли Бертрама из тайника и осмотрели его. Слегка запылавшийся, он сидел у меня на ладони, голый розовый хвостик его напоминал приготовленный для варки бычий хвост. Кургузый зверек, как это всегда бывает в таких случаях, совершенно спокойно перенес операцию. А каково было бы человеку, если бы, скажем, у него вдруг содрали всю кожу с ноги, оголив мышцы и кости? Я уже знал по прежним наблюдениям, что хвост, лишенный кожи, мало-помалу высыхает и отваливается без малейшего вреда для животного. Впрочем, для Бертрама это все-таки была ощутительная потеря: ведь хвост был ему нужен, чтобы поддерживать равновесие во время акробатических трюков. Ну ничего, он такой проворный, обойдется! Правда, с нашей точки зрения, Бертрам отныне потерял всякую цену. Поврежденный экспонат... Оставалось только ампутировать хвост и выпустить зверька на волю. Я сделал операцию. После этого, от души сочувствуя бедняге, мы посадили его на перила веранды, увитые толстыми стеблями бугенвиллеи. Может быть, Бертрам где-нибудь тут и поселится? А привыкнув обходиться без хвоста, он даже будет развлекать других путешественников своими номерами.

Бертрам посидел на стебле бугенвиллеи, крепко держась за него розовыми лапками и озираясь по сторонам сквозь трепещущие жалюзи своих густых усов. Потом живо спрыгнул на перила (было ясно, что чувство равновесия у него ничуть не пострадало), оттуда на пол и засеменял к выстроившимся вдоль стены клеткам. Думая, что он просто растерялся, я поймал его и снова посадил на бугенвиллею. Но едва я отпустил зверька, как повторился прежний маневр. Пять раз я сажал Бертрама на бугенвиллею, и пять раз он соскакивал на пол и мчался напрямик к клеткам. В конце концов, раздосадованный его глупостью, я отнес Бертрама в дальний конец веранды, опять посадил на бугенвиллею и ушел, надеясь, что теперь-то он уже останется на месте.

Сверху на клетке сонь мы держали хлопковые очески, из которых делали новые постели для грызунов, когда старые становились слишком уж негигиеничны. В тот вечер я принес им корм и увидел, что постели пора уже менять. Убрав драгоценные сокровища, которые скапливаются в спальнях сонь, я выкинул грязные очески и только взялся за чистые, чтобы оторвать сколько надо, как меня вдруг кто-то укусил за палец. Я не на шутку испугался. Во-первых, это было совсем неожиданно, во-вторых, у меня промелькнула мысль о змее. Но тревога моя длилась недолго. Из оческов, едва я снова к ним прикоснулся, высунулась негодующая мордочка Бертрама, и он пропищал что-то очень сердитое. Порядком разозленный, я извлек его из уютной постели и снова отнес в противоположный конец веранды, на бугенвиллею. Бертрам яростно вцепился в стебель и стал раскачиваться из стороны в сторону, продолжая сердито пищать. Два часа спустя я опять нашел его на оческах.

Мы отказались от неравной борьбы и оставили Бертрама в покое. Однако он, добившись победы в квартирном вопросе, на этом не остановился. Вечером, когда сони выходили из спальни и с радостным писком бросались к наполненной кормом тарелке, Бертрам покидал свою постель и спускался по передней проволочной стенке. Он повисал на сетке и с завистью глядел, как его сородичи уписывают угощение и волокут к себе в кровать отборные кусочки банана и авокадо, наверно, чтобы не голодать ночью. Вид у висящего на сетке

Бертрама был такой жалкий, что мы в конце концов сдались и начали ставить ему наверх тарелочку с едой. Все-таки этот хитрец добился своего: раз уж мы все равно кормили Бертрама, глупо было не пускать его в клетку. Мы поймали его и посадили к остальным. Он тотчас обосновался на старом месте, словно никуда и не уходил. Вид у него стал даже самодовольнее прежнего. Ну что еще делать с животным, которое упорно отказывается от свободы?

Мало-помалу все становилось на свое место. Мы починили все нужные клетки и к каждой прибили спереди мешковину, которой можно было закрывать сетку в пути. Банки с ядовитыми змеями во избежание неприятностей накрыли двойным слоем марли, крышки завинтили. А все снаряжение, весь этот причудливый набор – от мясорубок до генераторов, от шприцев до весов – уложили в ящики и надежно заколотили. Тонкие сетки свернули вместе с огромными кусками брезента. Осталось только дожидаться эскадры грузовиков, которые повезут нас к побережью. Накануне вечером к нам пришел Фон, чтобы распить бутылочку на прощанье.

– Ва! – грустно воскликнул он, потягивая виски. – Мне очень жаль, что ты уезжаешь из Бафута, мой друг.

– Нам тоже жаль, – искренне ответил я. – Нам было очень весело здесь, в Бафуте. И мы собрали много отличных животных.

– Почему бы тебе тут не остаться? – спросил Фон. – Я дам тебе участок, построишь себе хороший дом и откроешь зоопарк здесь в Бафуте. И все европейцы будут приезжать сюда из Нигерии, чтобы посмотреть на твоих зверей.

– Спасибо, мой друг. Может быть, я когда-нибудь вернусь в Бафут и построю себе тут дом. Это хорошая мысль.

– Прекрасно, прекрасно, – Фон поднял вверх свою стопку.

На дороге внизу стайка детей Фона пела грустную бафутскую песню, которую я еще никогда не слышал. Я живо достал магнитофон, но только все приготовил, как дети смолкли. Фон с интересом смотрел, что я делаю.

– Ты можешь поймать Нигерию этой машиной? – спросил он.

– Нет, она только записывает, это не радио.

– А! – глубокомысленно сказал Фон.

– Если твои дети поднимутся сюда и споют свою песню еще раз, я покажу тебе, как работает эта машина, – сказал я.

– Очень хорошо, – ответил Фон и, повернувшись к окну, которое выходило на темную веранду, окликнул одну из своих жен.

Она сбежала вниз с крыльца и вскоре вернулась, подгоняя робко улыбающихся ребятишек. Я расставил их вокруг микрофона и, положив палец на клавишу, повернулся к Фону.

– Пусть теперь поют, я запишу.

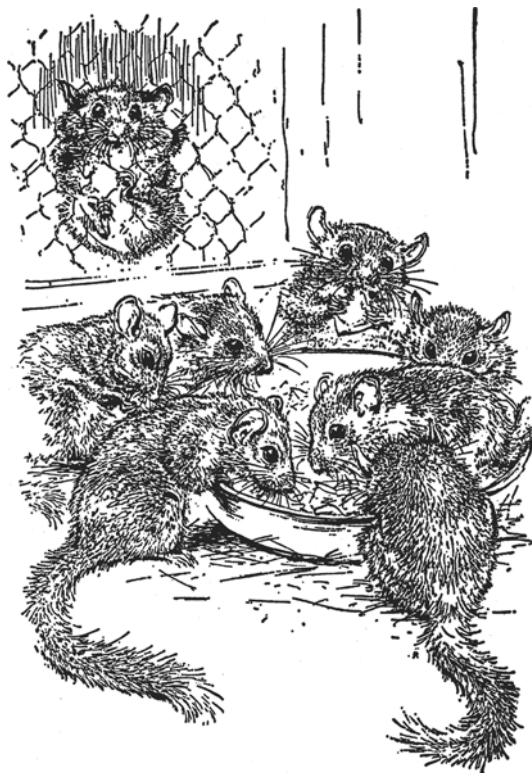
Фон встал, величественно возвышаясь над детьми.

– Пойте, – повелел он, взмахнув своей стопкой.

Скованные робостью малыши несколько раз начинали петь вразнобой и тут же сбивались. Но потом они осмелели и распелись. Отбивая ритм стопкой и покачиваясь в лад песне, Фон изредка вплетал свой могучий голос в детский хор. Когда песня кончилась, он улыбнулся своим отпрыскам.

– Молодцы, молодцы, выпейте, – сказал он.

Один за другим дети подходили к нему, держа у рта сложенные чашечкой розовые ладошки, а он наливал им по глотку почти чистого виски. Тем време-

нем я прокрутил ленту обратно, подал Фону наушники, показал, как с ними обращаться, и включил звук.

Надо было видеть лицо Фона! Сначала на нем выразилось крайнее недоверие. Он снял наушники и подозрительно посмотрел на них. Потом снова надел и стал удивленно слушать. Лицо его озарилось широкой, восторженной мальчишеской улыбкой.

– Ва! Ва! Ва! – восхищенно шептал он. – Вот это здорово!

С большой неохотой Фон уступил наушники своим женам и советникам, чтобы они тоже могли послушать. Раздавались восторженные возгласы, прищелкивали пальцы. Фон исполнил еще три песни в сопровождении детского хора и потом прослушал их запись. Он готов был слушать все бесконечно. Восторг его не ослабевал.

– Замечательная машина, – заявил он, глотая виски и разглядывая магнитофон. – В Камеруне можно купить такую машину?

– Нет, здесь их нет, может быть, есть в Нигерии... в Лагосе, – ответил я.

– Ва! Здорово! – мечтательно твердил он.

– Когда я вернусь в свою страну, я попрошу переписать твои песни на настоящую пластинку и пришлю тебе, чтобы ты мог заводить ее на своем граммофоне, – сказал я.

– Очень хорошо, очень хорошо, мой друг, – обрадовался он.

Через час Фон ушел. На прощанье он нежно обнял меня и сказал, что придет еще утром, перед нашим отъездом. Завтра нас ждал напряженный день, и мы хотели поскорее лечь в постель, но тут на веранде послышались шаги и кто-то хлопнул в ладоши. Я подошел к двери. На веранде стоял Фока, один из старших сыновей Фона, удивительно похожий на отца.

– Здравствуй, Фока, добро пожаловать. Входи, – сказал я.

Фока шагнул в комнату и застенчиво улыбнулся мне. Под мышкой у него был какой-то сверток.

– Фон прислал вам, сэр, – сказал он, протягивая мне сверток.

Я с удивлением развернул его. Внутри лежала резная бамбуковая трость, небольшая, богато расшитая шапочка и желто-черная мантия с изумительной вышивкой на воротнике.

– Это одежда Фона, – объяснил Фока. – Он прислал ее вам. Фон просил меня сказать, что теперь вы второй Фон Бафута.

– Ва! – воскликнул я, тронутый до глубины души. – Я очень благодарен твоему отцу.

Фока радостно улыбался, видя мой восторг.

– А где сейчас твой отец? Он уже лег спать? – спросил я.

– Нет, сэр, он там, в доме для танцев.

Я натянул через голову мантию, подвернул рукава, надел расшитую шапочку, взял трость в одну руку, бутылку виски в другую и повернулся к Фоке.

– Как я выгляжу?

– Хорошо, сэр, замечательно, – ответил он, улыбаясь до ушей.

– Отлично. Тогда веди меня к отцу.

Мы прошли через широкий пустой двор и сквозь лабиринт лачуг к дому танцев, где глухо стучали барабаны и пели флейты. Я вошел в дверь и остановился на пороге. Пораженные музыканты оборвали мелодию. Все собравшиеся тихо ахнули от удивления. Фон сидел в дальнем конце помещения. Рука его, в которой он держал стопку, застыла в воздухе. Я знал, что делать дальше. Мне много раз приходилось видеть, как советники подходят к Фону, чтобы засвидетельствовать почтение или просить о милости. В полной тишине я прошел через все помещение, шурша полами мантии. Перед стулом Фона я остановился, низко присел и в знак приветствия трижды хлопнул в ладоши. Что тут было!..

Жены и советники визжали и кричали от восторга, Фон, улыбаясь во весь рот, вскочил на ноги, взял меня за локти, заставил выпрямиться и крепко обнял.

– Мой друг, мой друг, добро пожаловать, – гремел он, сотрясаясь от хохота.

– Видишь, – я развел руки в стороны, так что широкие рукава повисли, будто флаги, – видишь, теперь я человек из Бафута.

– Верно, верно, мой друг. Эта одежда моя собственная. Я отдал ее тебе, и ты теперь человек из Бафута, – ликовал Фон.

Мы сели. С лица Фона не сходила улыбка.

– Тебе нравится моя одежда? – спросил он.

– Да, очень нравится. Я тебе так благодарен, мой друг!

– Вот и отлично, теперь ты будешь Фоном, как и я.

Его глаза мечтательно остановились на бутылке виски, которую я прихватил с собой.

– Отлично, – повторил он, – сейчас мы выпьем и повеселимся.

Только в половине четвертого утра я устало сбросил свою мантию и забрался под накомарник.

– Ну что, повеселился? – сонно спросила Джеки.

– Ага. – Я зевнул. – Но скажу, утомительное это дело – быть вторым Фоном Бафута.

Грузовики пришли утром на полтора часа раньше назначенного срока. Это необычное обстоятельство – такого случая, наверно, не знает вся история Камеруна – позволило нам собираться не спеша. Погрузить зверинец – дело не простое. Оно требует немалого искусства. Прежде всего в кузов укладывают снаряжение. Потом вдоль заднего борта размещают клетки, чтобы их обитатели получали побольше воздуха. Клетки нельзя расставлять наобум. Между ними должно быть пространство, и они не должны стоять друг к другу лицом, не то по дороге обезьяна просунет руку в соседнюю клетку, и ее покусает циветта, а сова, оказавшись напротив клетки с лесными птичками, одним своим видом и взглядом доведет их до такой истерики, что они скорее всего не вынесут путешествия и подохнут. И наконец, клетки с животными, требующими особого надзора в пути, ставят сзади, чтобы к ним легче было добраться.

Около девяти часов погрузка окончилась. Последний грузовик поставили в тень под деревья. Теперь можно стереть пот со лба и перевести дух. На веранде к нам подошел Фон.

– Мой друг, – сказал он, глядя, как я наливаю прощальный стаканчик виски, – очень жаль, что ты уезжаешь. Тебе было весело с нами в Бафуте, правда же?

– Очень весело, мой друг.

– Будь-будь, – сказал Фон.

– Будь здоров, – отозвался я.

Мы спустились со ступенек веранды и пожали друг другу руку на прощанье. Взяв меня за плечи, Фон пристально посмотрел мне в лицо.

– Желаю тебе и всем твоим животным счастливого пути, мой друг, – сказал он, – и желаю поскорее добраться до дома.

Мы с Джеки забрались в душную, жаркую кабину грузовика, загудел мотор. Фон поднял свою широкую ладонь в знак прощанья, машина рванулась вперед и, волоча за собой шлейф красной пыли, покатила по тряской дороге, через золотисто-зеленые холмы к далекому побережью.

Путь до побережья занял три дня, он был мало приятным и основательно потрепал нам нервы, как это всегда бывает, если перевозить животных. Каждые несколько часов машины останавливались, мы снимали клетки с пернатыми и расставляли их вдоль обочины. Только так можно было кормить птишек, а на ходу они наотрез отказывались принимать пищу. Чуть ли не каждый час нам приходилось окунать в ближайший ручей мешки с нежными амфибиями, иначе бы кожа у них пересохла и они бы погибли. Ведь чем ниже опускалась местность и чем больше углублялись мы в равнинные леса, тем жарче становился воздух. Дороги были все в ухабах и выбоинах, грузовики прыгали, качались, тряслись, и каждый толчок грозил покалечить, а то и убить какое-нибудь из наших драгоценных животных. В одном месте нас настиг сильный ливень, и тотчас дорога превратилась в море липкой красной

грязи, которая летела из-под колес, словно кровавая каша. Огромный "бедфорд" с двумя ведущими осями занесло так, что водитель не мог с ним справиться. Машина очутилась в канаве и легла на бок. Битый час мы копали землю и подкладывали ветки под колеса, чтобы вытащить грузовик. К счастью, никто из животных не пострадал.

Мы с облегчением вздохнули, когда машины через банановые посадки выехали наконец к порту. Животных и снаряжение сгрузили и поставили на платформы узкоколейки, по которой подвозят к судам бананы. Состав прогromыхал через протянувшееся на полмили мангровое болото и остановился на деревянной пристани, возле судна. Здесь предстояло опять все сгружать и с помощью строп поднимать на борт.

Я занял место у носового трюма, куда должны были подавать клетки. На палубу спустили первую партию животных. Вытирая руки паклей, ко мне подошел матрос, поглядел через поручни на ряд платформ, уставленных клетками, потом на меня и усмехнулся.

– Это все ваше добро, сэр? – спросил он.

– Да, – сказал я, – и то, что стоит на пристани, – тоже.

Он сделал несколько шагов и заглянул в одну из клеток.

– Чтоб мне провалиться! Все эти животные?

– Да, все до единого.

– Чтоб мне провалиться, – повторил он с недоумением. – Первый раз вижу человека, у которого целый зоопарк в багаже.

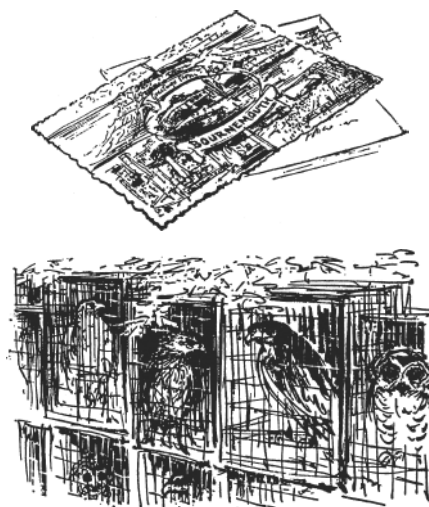
– Ага, – радостно отозвался я, глядя, как поднимается на борт очередная партия клеток, – к тому же зоопарк мой собственный!

Глава восьмая Зоопарк в пригороде

Почтовая открытка

Разумеется, привози животных сюда. Не знаю, что скажут соседи, ну да ничего. Маме не терпится увидеть шимпанзе. Надеюсь, ты их тоже привезешь. До скорого свидания. Крепко обнимаем.

Марго

Каждый житель на этой улице в предместьях Борнемута гордится своим садиком, точно таким же, как и у всех его соседей. Конечно, есть маленькие различия: одни предпочитают анютины глазки душистому горошку, другие – гиа-

цинты люпину, в целом же все садики на одно лицо. Но, поглядев на сад моей сестры, любой человек сразу признал бы, что он не такой, как все. У самого забора стоял огромный шатер, откуда вырывался невообразимый шум – визг, писк, ворчанье, хрюканье. Вдоль шатра вытянулась шеренга клеток, из которых сердито глядели орлы, грифы, совы и соколы. За ними большая клетка – обитель шимпанзе Минни. На остатках газона играли и кувыркались четырнадцать обезьян, которых мы держали на длинной привязи, а в гараже квакали лягушки, хрипло кричали турако, хрустели ореховой скорлупой белки. Во все часы дня замороженные и потрясенные соседи с испугом смотрели из-за тюлевых гардин, как моя сестра, мама, Софи, Джеки и я ходим от клетки к клетке, разнося мисочки с хлебом и молоком, тарелки с нарезанными фруктами и – о, ужас! – дохлых крыс или куски окровавленного мяса. Соседи явно считали, что мы злоупотребляем их кротостью. Если бы петух кукарекал, или собака лаяла, или наша кошка принесла котят на самой роскошной клумбе соседа – с этим бы еще можно было мириться. Но устроить вдруг у них под носом целый зверинец! От такого неслыханного безобразия на первых порах они даже онемели. Понадобилось какое-то время, прежде чем они стоворились и начали жаловаться.

А я уже приступил к поискам территории, где можно было бы устроить зоологический сад. Самое простое, решил я, пойти к местным властям, объяснить, что у меня достаточно экспонатов для хорошего небольшого зоопарка, и попросить, чтобы мне сдали в аренду или продали подходящий участок. Животные уже здесь, и власти будут рады помочь нам – так думал я в простоте душевной. Им это не будет стоить ни гроша, а город, что ни говори, обогатится новой достопримечательностью. Однако власти предрержащие смотрели на дело иначе. Трудно назвать более консервативное место, чем Борнемут. У отцов этого города свое понятие о прогрессе. В Борнемуте никогда не было зоопарка, так с какой же стати заводить его теперь? Во-первых, сказали мне, животные – это опасно, во-вторых, от них скверный запах, в-третьих... Третий довод удалось придумать не сразу, но наконец я услышал, что все равно нет свободного участка.

У меня стали сдавать нервы. Я вообще чувствую себя не в своей тарелке, когда приходится иметь дело с великолепными алогизмами административного разума. А тут было такое решительное нежелание сотрудничать, что я совсем приуныл. Животные сидели в саду и больше ели, чем приносили пользы. Каждую неделю у меня уходила уйма денег на мясо и фрукты для них. Негодующие соседи не желали больше мириться с нарушением порядка. Они забросали жалобами местные органы здравоохранения. В среднем два раза в неделю несчастный инспектор волей-неволей вынужден был навещать нас. Он не находил ничего, что подтверждало бы сумасбродные обвинения соседей. Но это не меняло дела – раз заявление получено, его надо рассмотреть. Мы угощали беднягу чаем. Он привязался к некоторым из наших животных и даже приводил свою дочурку посмотреть на них. Меня больше всего беспокоило приближение зимы. Вряд ли животные вынесут зимовку в неотопливаемом помещении. И тут Джеки осенила блестящая мысль.

– А что, если обратиться в большой магазин и предложить наших животных для рождественского оформления? – сказала она.

Я принялся обзванивать все магазины города. Меня выслушивали очень

учтиво, но помочь ничем не могли. Они бы с радостью показывали у себя зверей, да только у них нет места. Последним в моем списке стоял торговый центр Дж. Аллена. Слава богу, здесь мое предложение вызвало большой интерес, и меня попросили приехать для переговоров. Так появился на свет "Зверинец Даррела".

В полуподвальном этаже отгородили угол, собрали просторные клетки, со вкусом расписав их стенки под пышную тропическую зелень, и животных из сырости и холода перевели в роскошные условия – постоянная температура, яркий электрический свет. Выручка за входные билеты только-только покрывала стоимость корма. Но как бы то ни было, животные обитали в тепле и уюте и хорошо кормились, не обременяя моего бюджета. Теперь я мог всецело посвятить себя поискам участка для зоопарка.

Не буду утомлять вас перечислением всех своих злоключений этой поры или списком мэров, городских советников, директоров парков и представителей органов здравоохранения, с которыми я встречался и спорил. Достаточно сказать, что порой у меня буквально мозги скрипели от натуги, когда я силился убедить, казалось бы разумных, людей, что зоопарк – желанный аттракцион для любого города. Меня слушали так, словно я предлагал взорвать атомную бомбу на одной из площадей города.

Тем временем животные, которым было невдомек, что их судьба висит на волоске, делали все, чтобы мы не скучали. Взять хотя бы случай с Георгиной (нашим бабуином), которой надоел полуподвал Дж. Аллена, и она решила лучше познакомиться с Борнемутом.

К счастью, это произошло в воскресное утро, когда в магазине никого не было. Страшно даже подумать, что было бы при иных обстоятельствах!

Я сидел за чашкой чая, собираясь идти в магазин почистить клетки и покормить животных. Вдруг зазвонил телефон.

– Это мистер Даррел? – удрученно спросил низкий голос.

– Да, я вас слушаю.

– С вами говорят из полиции. Одна из ваших обезьян вырвалась на волю, и я спешу известить вас об этом.

– Боже мой, какая именно? – спросил я.

– Не берусь сказать точно, сэр. Такая большая, коричневая. Очень у нее свирепый вид, сэр, и я решил, что лучше позвонить вам.

– Да-да, большое спасибо. Где она?

– Сейчас она в одной из витрин магазина. Но я не знаю, сколько еще она там пробудет. Она кусается, сэр?

– Вообще-то это не исключено. Не подходите к ней близко. Я сейчас приеду, – сказал я, бросая трубку.

Я поймал такси, и мы помчались в центр, пренебрегая всякими скоростными ограничениями. Как-никак, мы вроде бы выполняли задание полиции.

Рассчитываясь с водителем, я повернулся лицом к магазину Аллена и сразу увидел неопиcуемый беспорядок в одной из больших витрин. Художник-оформитель постарался в самом выгодном свете показать обстановку спальни. Широкая кровать, постель, высокий торшер, на полу эффектно разбросаны перины. Вернее, так было, когда кончил свою работу оформитель. Теперь можно было подумать, что через витрину пронесся смерч. Опрокинутая лампа прожгла большую дыру в перине, постель сдернута с кровати, на по-

душках и простынях причудливый узор следов. Георгина сидела на матрасе, весело подпрыгивая на пружинах, и строила дикие рожи столпившимся на тротуаре богобоязненным горожанам, которые направлялись в церковь. Я вошел в магазин. Там, за горой мохнатых полотенец, лежали в засаде два рослых полицейских.

– А! – с облегчением воскликнул один из них. – Это вы, сэр. Мы решили, что не стоит ее ловить, ведь она нас не знает, и мы только все испортим.

– Она и без того испорчена, – ответил я. – А вообще-то она не опасна, хотя и любит скандалить. Вид у нее очень свирепый, но все это только один вид, честное слово.

– Честное слово? – повторил полицейский учтиво, однако не очень уверенно.

– Я сейчас попробую поймать ее в витрине, но, если она прорвется, вы должны перехватить ее. Ради бога, не пускайте обезьяну в посудный отдел.

– Она там уже побывала, – с мрачным удовлетворением сказал один полицейский.

– Что-нибудь разбила? – спросил я слабым голосом.

– Нет, сэр, к счастью, нет. Только пробежала через него. Мы с Билом гнались за ней, не давая ей остановиться.

– Ладно, больше она не должна туда попадать. Один раз вам повезло, но это еще не значит, что и второй раз повезет.

К этому времени на другом такси подоспели Джеки и моя сестра Марго. Теперь нас было пятеро. Неужели не справимся с Георгиной! Я оставил полицейских, сестру и жену охранять подступы к посудному отделу, а сам направился к витрине. Георгина по-прежнему прыгала на кровати, развлекая зевак непотребными гримасами.

– Георгина, – начал я спокойно, увещающе, – ну, иди сюда, иди к папочке.

Обезьяна удивленно посмотрела на меня через плечо, внимательно изучила мое лицо и решила, что его выражение не согласуется с моим медоточивым голосом. Тогда она вдруг подпрыгнула в воздух, пролетела над тлеющей периной и ухватилась за самый верх стопки мохнатых полотенец в задней части витрины. Но это сооружение, не рассчитанное на вес крупного бабуина, обрушилось, и Георгина шлепнулась на пол вместе с каскадом разноцветных полотенец. В ту самую минуту, когда я нырнул вперед, чтобы схватить ее, она выбралась из груды и, истерически взвизгнув, выскочила в торговый зал. Кое-как выпутавшись из полотенец, я погнался за ней. Пронзительный вопль Маргарет помог мне определить местонахождение обезьяны. Между прочим, в критические минуты голос моей сестры всегда уподобляется свистку паровоза. Георгина проскользнула мимо нее и теперь сидела на прилавке. Глаза обезьяны сверкали, она упивалась игрой. С мрачной решимостью мы дружно двинулись на нее. Над прилавком с потолка свисала рождественская декорация из падуба, фольги и картонных звездочек. Она напоминала люстру, а с точки зрения Георгины, это были идеальные качели. Обезьяна отступила на конец прилавка, прыгнула и ловко уцепилась за декорацию. Вы можете представить себе этот прыжок, если видели фильмы с молодым Фербенксом. Падуб оборвался, Георгина плюхнулась на пол, вскочила на ноги и убежала с фольгой на одном ухе.

Следующие полчаса мы с шумом носились взад и вперед по пустому мага-

зину, причем Георгина все время была на прыжок впереди. В отделе канцелярских принадлежностей она свалила грудку бухгалтерских книг, потом проверила вкусовые качества кружевных салфеток и оставила большую, живописную лужу возле главной лестницы. Наконец, когда дыхание полицейских стало затрудненным, а я уже начал сомневаться, что мы когда-нибудь поймем это негодное животное, Георгина сделала промах. Резво улепетывая от нас, она заметила отличное, как ей показалось, укрытие среди поставленных торчком рулонов линолеума. Георгина забежала за рулоны и очутилась в западне, потому что линолеум стоял сплошной стеной. Мы не замедлили перекрыть выход. С грозным видом я пошел на обезьяну. Она сидела и дико взвизгивала, моля о пощаде. Я попытался схватить ее, но Георгина проскочила у меня под рукой. Резко повернувшись, я задел один из тяжелых рулонов. Он качнулся и, прежде чем я успел его поймать, ударил одного из полицейских прямо по макушке шлема. Бедняга зашатался и попятился. В эту секунду Георгина, бросив на меня взгляд, решила, что пора искать от меня защиты у полиции. Она метнулась к пострадавшему и крепко обхватила его ноги, беспрестанно оглядываясь на меня и визжа. Я сделал бросок, поймал обезьяну за волосатые конечности и загривок и оторвал от ног полицейского.

– Господи! – с чувством произнес он. – Я уж думал, она меня сейчас разорвет на клочки.

– Что вы, она вообще не кусается, – заверил я его, стараясь перекричать хриплые вопли Георгины. – Она рассчитывала на вашу защиту.

– Господи! – повторил полицейский. – Слава богу, что теперь все это кончилось.

Мы водворили Георгину обратно в клетку, поблагодарили постовых, навели порядок, почистили клетки, накормили животных и отправились домой, где нас ждал заслуженный отдых. Но весь этот день, стоило зазвонить телефону, как я подскакивал до потолка.

Шимпанзе Чамли Синджен тоже изо всех сил старался поддерживать нас

во взвинченном состоянии. Освоившись в доме и всецело подчинив себе мою мать и сестру, он для начала ухитрился схватить сильную простуду, которая быстро перешла в бронхит. Когда бронхит прошел, осталась хрипота, поэтому я велел сделать для Чамли потеплее одежду, во всяком случае на первую зиму. Взяв его в дом, мы сразу же надели на него пластиковые штаны с бумажными салфетками, поэтому он уже знал, что такое одежда.

Мама с радостью принялась исполнять мой приказ. Под неистовый звон спиц она в рекордно короткое время обеспечила нашего шимпанзе набором шерстяных штанишек и курточек, которые радовали яркой расцветкой и причудливыми экзотическими узорами. И теперь Чамли Синджен – каждый день в другом костюмчике – сидел, развалясь, на подоконнике гостиной и небрежно грыз яблоки, начисто игнорируя гурьбу восхищенных ребятишек, которые висели на калитке не в силах оторвать от него глаз.

Мне было очень интересно узнать, как люди воспринимают Чамли. Для детей он был попросту животным, умеющим смешить их и удивительно похожим на человека. Откровенно говоря, взрослые явно уступали детям в сообразительности. Сколько раз рассудительные, казалось бы, люди спрашивали меня, умеет ли Чамли говорить. Я неизменно отвечал, что у шимпанзе, конечно, есть своего рода язык, хотя и очень ограниченный.

Но они подразумевали другое – может ли он говорить по-человечески, обсуждать политическое положение, холодную войну или другие, не менее захватывающие, злободневные темы.

Но самый необычный вопрос задала мне пожилая женщина, которую мы встретили на местной площадке для игры в гольф. В хорошую погоду я выводил туда Чамли, чтобы он мог размяться, лазая по соснам. Сам я сидел на земле под деревьями и читал или писал. В тот день, о котором идет речь, Чамли, порезвившись с полчаса в ветвях, спустился и сел мне на колени. Он рассчитывал подбить меня на веселую возню. Вот тогда и вышла из кустов эта странная женщина. Наткнувшись на меня и Чамли, она застыла на месте, однако смотрела на нас без того удивления, которое обычно выказывают люди, обнаружив на английской спортивной площадке шимпанзе в экзотическом свитере. Дама подошла поближе, рассмотрела как следует сидящего у меня на коленях Чамли и заглянула мне в глаза.

– У них есть душа? – спросила она.

– Не знаю, мэм, – ответил я. – Я и за себя-то не ручаюсь, как же вы хотите, чтобы я поручился за шимпанзе.

– Гм, – сказала она и зашагала прочь.

Вот как Чамли действовал на людей.

Жить вместе с ним было, конечно, презанимательно. Индивидуальность и ум Чамли делали его одним из самых интересных животных, каких я когда-либо держал.

Особенно меня поражала прямо-таки феноменальная память Чамли.

У меня тогда был мотоцикл с коляской, и я решил, что смогу вывозить Чамли на прогулки в окрестности города, если он будет сидеть спокойно, не пытаюсь выскочить. В первый раз я ограничился одним кругом на площадке для гольфа, просто проверил, как Чамли будет себя вести. Он чинно сидел в коляске, по-королевски обозревая мелькающий ландшафт. Если не считать того, что он все время норовил схватить рукой едущих рядом велосипедистов, пове-

дение его было вполне образцовым. Я заехал в местную автомастерскую, чтобы заправиться. Мастерская пленила Чамли, а Чамли пленил механика. Высунувшись из коляски, шимпанзе внимательно смотрел, как отвинчивают крышку патрубка. А когда подсоединили шланг и забулькал бензин, Чамли даже тихонько прогудел "у-у-у" от удивления.

Мой мотоцикл потреблял поразительно мало бензина, да и ездил я редко, так что прошло почти две недели, прежде чем опять понадобилось заправить бак. Мы были на водяной мельнице, в гостях у мельника, друга Чамли. Этот добрый человек, который искренне восхищался Чамли, всегда был готов угостить нас чашкой чая. Расположившись у запруды, мы глядели на плавающих птиц, попивали чай и предавались размышлениям. И вот, возвращаясь домой после этого чаепития, я увидел, что горючее на исходе, и завернул в мастерскую.

Мы о чем-то разговорились с механиком. Вдруг я заметил, что он с каким-то странным выражением смотрит через мое плечо. Я молниеносно обернулся. Что там еще натворила обезьяна?! Оказалось, Чамли выбрался из коляски на мое сиденье и отвинчивает крышку на баке. Вот это память! Он только один раз, да и то две недели назад, видел заправку. И ведь из всех приспособлений на мотоцикле запомнил именно то, что полагалось открывать. Я вполне разделял удивление механика.

Но особенно ярко проявилась наблюдательность и память Чамли, когда я возил его в Лондон, сперва на телевидение, потом на лекцию.

Моя сестра вела мотоцикл, а Чамли сидел у меня на коленях и с интересом смотрел вокруг. Примерно на полпути я предложил передохнуть и утолить жажду. С таким спутником не просто было выбрать пивную, далеко не все бармены рады принять у себя шимпанзе. В конце концов мы остановили свой выбор на скромном с виду заведении и зашли туда. К счастью для нас и к радости Чамли, хозяйка оказалась большой любительницей животных. Она и шимпанзе тотчас прониклись симпатией друг к другу. Он играл в салки между столами, его угостили апельсиновым соком и жареным картофелем, ему даже позволили взобраться на стойку и исполнить военный танец, причем он топал ногами и кричал: "Хуу! Хуу! Хуу!" Словом, Чамли так хорошо поладил с трактирщицей, что потом никак не хотел уходить. Будь Чамли Синджен инспектором королевского автомобильного клуба, он в справочнике против названия этой пивной поставил бы двенадцать звездочек.

Через три месяца я собрался везти Чамли на лекцию. Про пивную, где он так веселился, я давно уже успел забыть, ведь с тех пор мы побывали во множестве других заведений, и всюду нас принимали очень тепло. По дороге Чамли, как обычно сидевший у меня на коленях, вдруг заволновался и начал подпрыгивать. Я решил сперва, что он заметил коров или лошадей, которые всегда страшно его занимали, но никакого скота нигде не было видно. А Чамли прыгал все сильнее, потом потихоньку зауhal. Я по-прежнему не мог взять в толк, что его так взволновало. Чамли кричал уже во весь голос и прыгал в полном экстазе. Мы завернули за угол, и тут ярдах в ста я увидел его любимую пивную. Выходит, он узнал местность, по которой мы ехали, и связал ее с воспоминанием о пивной, где ему было так весело! Ничего подобного я не наблюдал у других животных. Мы с сестрой были до того потрясены, что охотно остановились, чтобы промочить горло, а заодно дать Чамли возможность воз-

обновить знакомство с трактирщицей, которая тоже была рада его видеть.

Моя борьба за зоопарк не прекращалась, однако с каждым днем я все меньше надеялся на успех. Разумеется, от Аллена зверинец пришлось убрать, но тут меня выручил зоопарк Пейнтон. Мне разрешили разместить там своих животных, пока я не найду что-нибудь еще. Как я уже говорил, вероятность этого была чрезвычайно мала. Вечная история! Начнешь какое-нибудь дело, и на первых порах, когда тебе больше всего нужна помощь, ее нет как нет. Справляйся сам, как можешь.

Зато как только ты добился успеха – тотчас все люди, которые пальцем не пошевелили, чтобы помочь тебе, хлопают тебя по плечу и предлагают свои услуги.

– Но ведь где-нибудь есть же в местных органах умные люди, – сказала Джеки однажды вечером, когда мы сосредоточенно изучали карту Британских островов.

– Сомневаюсь, – мрачно ответил я. – Кроме того, я сомневаюсь, что у меня хватит энергии продолжать опрос всех этих мэров и секретарей. Нет, надо купить участок и все делать самим.

– Все равно нужно их разрешение, – заметила Джеки. – И не забудь про инстанции, которые отвечают за проектирование городов и сел...

Я содрогнулся.

– Честное слово, остается только уехать на один из уединенных островов Вест-Индии или еще куда-нибудь, где народ не осложняет себе жизнь всяческим бюрократизмом.

Джеки подтолкнула Чамли Синджена, чтобы он слез с карты.

– А как насчет Нормандских островов? – вдруг спросила она.

– А что?

– Это известный курорт, и там чудесный климат.

– Да, место отличное, но ведь мы там никого не знаем, – возразил я. – Нужно знать кого-то из тамошних жителей, чтобы посоветоваться.

– Верно, – нехотя согласилась Джеки, – пожалуй, ты прав.

С большим сожалением (очень уж меня привлекала мысль устроить зоопарк на острове) мы отказались от этого варианта. А через несколько недель, когда я в Лондоне обсуждал свои проекты с Рупертом Харт-Девисом, неожиданно появился проблеск. Я честно сказал Руперту, что мои надежды устроить собственный зоопарк почти равны нулю и я готов уже отказаться от своего замысла. Мы, мол, подумывали об островах, но не знаем там никого, кто бы мог нам помочь. Тут Руперт оживился и с видом иллюзиониста, набившего себе руку на мелких чудесах, объявил, что у него есть на островах хороший знакомый – человек, который прожил там всю жизнь. Он с величайшей охотой поможет нам. Его фамилия Фрейзер, майор Фрейзер. В тот же вечер я позвонил майору. Его как будто ничуть не удивило, что совершенно незнакомый человек звонит ему и советуется насчет зоопарка. Одно это сразу расположило меня к Фрейзеру. Майор предложил нам с Джеки прилететь на Джерси – он покажет остров и расскажет все, что знает. На том мы и порешили.

И вот – Джерси. С самолета остров казался игрушечной страной с лоскутками полей посреди ярко-синего моря. Между красивыми скалами побережья виднелись гладкие пляжи, отороченные кремовой морской пеной. Мы вышли из самолета на гудронную дорожку. Здесь и воздух был теплее, и солнце ярче. У меня заметно поднялось настроение.

Хью Фрейзер ждал нас на стоянке автомашин. Это был высокий худой человек в фетровой шляпе, из-под которой торчал орлиный нос. Фрейзер провез нас через Сент-Хельер. Столица острова напомнила мне большую английскую ярмарку. Я даже удивился, когда увидел на перекрестке регулировщика в белом мундире и белом шлеме. От него словно повеяло тропиками. За городом нас ждала узкая дорога с крутыми откосами, деревья смыкали свои ветви над головой, образуя зеленый туннель. Этот ландшафт, красная почва и густая зеленая трава очень напоминали мне Девон, но тут все было в миниатюре – крохотные поля, узенькие долины с множеством деревьев, домики фермеров из великолепного джерсейского гранита, который переливался на солнце миллионами золотистых бликов. С дороги мы свернули на подъездную аллею и очутились перед владением Хью – поместьем Огр.

В плане поместье напоминало букву Е без средней палочки. К главному зданию примыкали два флигеля, они оканчивались массивными арками, через которые можно было попасть во двор. Эти великолепные арки были сооружены около 1660 года. Материалом для них, как и для всех остальных построек, послужил чудесный местный гранит. Хью, не скрывая гордости, показал нам свое хозяйство – старинный пресс для сидра, коровники, огромный сад, огражденный стеной, озерко с бахромой камыша вдоль берегов, заливные луга с ручейками.

Потом мы не спеша прошли под аркой в залитый солнцем двор.

– Знаете, Хью, у вас тут просто чудесно, – сказал я.

– Да, красиво... Пожалуй, это одно из самых красивых поместий на острове, – сказал Хью.

Я повернулся к Джеки:

– Правда, здесь было бы отличное место для нашего зверинца?

– Да, конечно, – согласилась Джеки.

Хью посмотрел на меня.

– Вы серьезно? – спросил он наконец.

– Нет, я, конечно, пошутил, но здесь и впрямь превосходное место для зоопарка. А что?

– А то, – задумчиво произнес Хью, – что содержание поместья мне не по карману, и я собираюсь переехать на материк. Вы согласились бы арендовать поместье?

– Согласился бы? Да вы только предложите!

– Входите, дружище, потолкуем, – сказал Хью, ведя нас через двор.

Целый год я мучился, воевал с городскими и прочими местными властями, потом прилетел на Джерси и через час нашел свой зоопарк.

Заклучительное слово

Вот уже скоро год мой зоопарк на Джерси открыт для посетителей. Это, наверное, самый молодой зоопарк в Европе и, я почти уверен, один из самых красивых. Конечно, он маленький (сейчас у нас всего около шестисот пятидесяти млекопитающих, птиц и рептилий), но он будет расти. Мы уже показываем немало животных, каких нет больше ни в одном зоопарке, и надеемся в будущем, когда появятся средства, сосредоточиться на тех видах, которым грозит истребление.

Многих из наших животных я сам привез из экспедиций. Я уже говорил, что в этом вся прелесть собственного зоопарка. Привезешь себе зверей и наблюдай, как они растут, как размножаются, в любое время дня и ночи ты можешь навещать их. Это, так сказать, эгоистическая сторона. Но кроме того, надеюсь, что мне в меру моих скромных возможностей удастся прививать людям интерес к животному миру и его защите. Если это так, я буду считать, что мои старания не пропали даром. Если же я смогу сделать хоть самую малость, чтобы спасти от истребления какое-то животное, я буду совсем счастлив.

Послесловие

Джеральд Даррел – ученый, писатель, общественный деятель.

Когда читаешь книгу, и особенно когда она тебе нравится, всегда хочется побольше узнать об авторе, о его жизни, его взглядах, его работе и планах. Книги Джеральда Даррела очень популярны у нас, и многим, вероятно, будет интересно поближе познакомиться с этим поистине замечательным человеком.

Джеральд Даррел – англичанин, но родился он не в Англии, а в Джамшедпуре, в Индии, в 1925 году. Он рано потерял отца, и ему было три года, когда семья вернулась в 1928 году в Англию. Климат Англии оказался неподходящим для маленького Джерри, его двух старших братьев и сестры. К этому прибавились финансовые затруднения, и в 1933 году семья Даррелов переехала сначала на континент, а затем в 1935 году обосновалась на небольшом острове Корфу в Средиземном море. Именно здесь неосознанная тяга к животным, проявившаяся у Джерри с первых дней жизни, оформилась и превратилась в путеводную нить, которая определила всю дальнейшую жизнь зоолога и писателя Джеральда Даррела. Остров Корфу с его мягкими, ласковыми, залитыми солнцем пейзажами, с белоснежными пляжами и темно-зелеными пятнами виноградников, с серебристыми рощами олив, с меловыми горами и лазурным небом оказался той средой, где на смену чисто эмоциональной, подсознательной склонности маленького мальчика пришла любознательность, потребность в точных наблюдениях, в эксперименте и, наконец, в обобщении, в элементарном синтезе, что свойственно уже истинному натуралисту.

И хотя фауна Корфу небогата и Джерри не мог тогда и предполагать, с какими интересными животными встретится он впоследствии и какие увидит страны, можно смело говорить, что как зоолог и борец за сохранение животных на Земле Джеральд Даррел родился именно на Корфу.

По возвращении в Лондон, Даррел, еще будучи подростком, был вынужден искать работу. И он нашел работу по вкусу: он стал продавцом в зоологическом магазине. Не очень блестящая и перспективная должность, но она представляла возможность общаться с животными, а это было главным для юноши. Кроме того, он мог посещать колледж и получил доступ к библиотекам. До сих пор Джеральд Даррел вспоминает этот этап своей жизни с теплотой и благодарностью судьбе.

По окончании колледжа вопрос о будущем, о "настоящей" работе снова всплыл на повестку дня. Теперь нужно было всерьез зарабатывать на жизнь. И снова Джеральд Даррел выбирает единственно возможный для него вариант: он отправляется в пригородный лондонский зоопарк Уипснейд и нанимается туда простым рабочим по уходу за животными. Он снова строит жизнь так, чтобы быть постоянно с животными.

Работа в зоопарке не только расширила кругозор Даррела, он научился там обращению с крупными, подчас опасными животными, освоил методы их содержания, кормления, разведения. Все это очень понадобилось ему в будущем.

Работа в зоопарке Даррела полностью не удовлетворяла, хотя Уипснейд – один из лучших зоопарков мира: животные там живут в сравнительно нетесных вольерах, но Даррелу хотелось увидеть их в родной стихии, на их родине.

Поэтому он с восторгом принимает предложение отправиться в Западную Африку, в Камерун. Целью этой экспедиции был отлов животных для зоопарка. Можно ли было мечтать о большем?

Результаты экспедиции превзошли, однако, все ожидания. Поездка в Камерун произвела на Даррела такое сильное впечатление, что по возвращении в Европу он ощущает непреодолимую потребность рассказать о ней. Так появилась его первая литературная проба – книга "Перегруженный ковчег". Книга имела колоссальный успех и была распродана буквально в несколько дней. Она сразу и бесповоротно сделала молодого безвестного любителя животных знаменитостью, всеобщим любимцем, показала, что в нем заложен незаурядный талант писателя. Можно смело сказать, что уже в "Перегруженном ковчеге" Джеральд Даррел создал свой собственный стиль, совершенно законченный и необычайно привлекательный. Во всяком случае была сделана серьезная заявка на рождение нового писателя.

Поездка в Камерун оказалась лишь прологом к серии замечательных путешествий. В 1948 году Даррел совершает вторую экспедицию в Африку, затем едет в Южную Америку: в Гвиану, Парагвай, Аргентину. А далее следует новая поездка в Африку, по знакомым уже местам. Из каждой поездки Даррел помимо коллекций привозит массу новых идей и впечатлений. И эти впечатления не остаются мертвым капиталом. О каждой из своих экспедиций Даррел пишет книги: за "Перегруженным ковчегом" появляются "Гончие Бафута", потом "Земля шорохов", "Под пологом пьяного леса", "Зоопарк в моем багаже". И с каждой новой книгой все больше и больше растет популярность и мастерство Джеральда Даррела.

На первых порах роль "охотника за живыми животными" полностью устраивала Даррела. Однако ее неизбежно отравляла ложка дегтя: после экспедиции, когда к каждому из привезенных животных он успевал привязаться, с ними приходилось расставаться. Это было так несправедливо, так тягостно! Выход был один, и он был ясен с самого начала: нужен собственный зоопарк. И вот после долгих поисков, неудач и огорчений в 1959 году Даррел его основал. На небольшом участке земли, арендованном на острове Джерси (один из Нормандских островов), были размещены первые клетки и вольеры. Отныне Даррел ловил зверей для себя. Правда, сразу же возникли финансовые затруднения, но Даррел стал тратить на содержание и пополнение зоопарка весь гонорар за свои книги, и молодой зоопарк постепенно окреп.

Создавая зоопарк, Даррел стремился не только избавиться от необходимости расставания с полюбившимися ему животными. Были у него и другие, более важные цели. Поэтому Джерсийский зоопарк стал не простым зоопарком. Дело в том, что в это время Даррел начинает все большее внимание уделять судьбе животных в широком плане, их будущему, которое к середине XX столетия окрасилось в самые мрачные тона. Многие животные оказались на грани полного уничтожения. В связи с этим пришлось пересмотреть современную роль зоопарков: именно в зоопарках, и только в зоопарках, может быть сохранен резерв (или, как сейчас говорят, "банк") размножающихся животных тех видов, на спасение которых в естественных условиях почти не осталось надежд. Со временем при благоприятных условиях такой резерв может стать исходным материалом для повторного расселения, для восстановления угасших видов в тех местах, откуда их вытеснил человек. Так была спасена от ги-

бели нене, небольшая казарка с Гавайских островов; так "воскрес" огромный дикий бык – зубр; так, собственно говоря, получил возможность сохраниться американский журавль, жемчужина среди птиц мира; так спаслись еще несколько видов птиц и зверей. Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) придает этому методу особое значение, и Джеральд Даррел был одним из первых, кто применил его на практике, кто в качестве основной, главной задачи зоопарка признал работу по созданию резерва, "банка" редких животных.

Первые опыты и успехи Джерсийского зоопарка привлекли внимание официальных учреждений и некоторых частных лиц, занимающихся вопросами охраны природы. Были собраны необходимые средства, в основном за счет Международного фонда охраны животных и Общества охраны животных, и зоопарк был преобразован в Джерсийский трест охраны животных. Его почетным президентом стала английская принцесса Анна, а директором, разумеется, Джеральд Даррел. И сейчас Джерсийский трест с успехом работает над проблемой сохранения редких и исчезающих животных. Надо сказать, что Даррел не просто директор, он душа треста, и все гонорары за книги он по-прежнему передает на его укрепление.

Заслуги Даррела в области охраны редких видов животных получили должное признание. В 1972 году состоялась первая конференция, которая подвела итоги международных усилий по созданию в зоопарках резерва редких животных. Местом проведения конференции был избран Джерси. И это не случайно: к этому времени трест заслужил отличную репутацию.

В своей вступительной речи на открытии конференции Даррел подчеркнул, что, несмотря на определенные успехи в разведении редких животных, впереди ожидают серьезные трудности. Неясны еще перспективы самого последующего процесса "репатриации" привыкших к условиям неволи животных; неизвестно, не скажется ли отрицательно длительное скрещивание близкородственных индивидуумов; не нарушится ли целостность генофонда; да и многое другое, что нельзя предсказать, может отразиться неблагоприятно. Однако Даррел выразил надежду, что трудности в конце концов будут преодолены, и на заключительной экскурсии продемонстрировал ряд крайне интересных примеров накопления резерва видов, которым угрожает исчезновение. Работа Джерсийского треста продолжается, и нам остается только пожелать успеха сотрудникам этих учреждений.

Однако сам Джеральд Даррел прекрасно понимает, что одним созданием подобных питомников судьбы животных не изменить. Земля принадлежит людям, она будет неуклонно меняться, и поэтому очень важно пробудить в людях чувство ответственности за животный мир нашей планеты. А чувство ответственности рождается из любви, из знания. Поэтому все книги Джеральда Даррела, от первой до последней, посвящены этой задаче – заставить человека по-новому взглянуть на природу, на существа, ее населяющие, заставить его полюбить "младших братьев" и кое-чем, хотя бы немногим, поступиться ради их спасения, ради того, чтобы сохранить Землю во всей ее красоте и богатстве. Каждая книга Даррела – это прекрасный пример активной, действенной, настойчивой пропаганды.

Даррел не ограничивается книгами. Он выступает по телевидению, читает доклады о животных по радио, снимает о них фильмы.

В 1962 году Джеральд Даррел по поручению Международного фонда охраны животных совершает поездку в Новую Зеландию, Австралию и Малайю, знакомится с состоянием охраны природы этих стран. Почти везде видит он тревожную картину: жадность и равнодушие превращают в пустыню цветущие уголки, животным не остается места на Земле, их попросту сметают как ненужный сор. И снова Даррел бросается в бой: он пишет чудесную книгу "Путь кенгуренка", где дает по-настоящему тонкий анализ положения животных, он показывает серию телепередач, в которых знакомит зрителя с повадками, привычками, образом жизни птиц и зверей и одновременно просит, убеждает: смотрите, как они хороши, как много мы потеряем нужного, необходимого нам самим же, если животные исчезнут! Какое преступление совершим, если не уберем их от гибели! И как в сущности немного нужно, чтобы помочь им!

Сейчас почти в каждой стране созданы национальные парки, заповедники, резерваты, охватывающие сотни тысяч квадратных километров. Многих это успокаивает, дает повод говорить: разве этого мало для того, чтобы гарантировать спасение животных? Есть ли повод для беспокойства? Да, отвечает Даррел, есть. Национальные парки и заповедники – это хорошо, но недостаточно. Стоит на их территории оказаться месторождению нефти, золота или, не дай бог, урана, и едва ли статус неприкосновенности, которым обладают национальные парки, окажется достаточным препятствием для дельцов. Поэтому, пока каждый человек, будь то частное лицо или государственный деятель, не поймет всей важности проблемы охраны животных, никаких гарантий нет и быть не может. Все творчество Даррела, вся его общественная деятельность направлены на то, чтобы подготовить действительно надежную почву для таких гарантий.

Нельзя не сказать несколько слов о Дарреле как писателе. Человек XX века устал от сутолоки больших городов, от шума, от вечной спешки и нервного напряжения. Поэтому книги о природе, в частности о животных, пользуются сейчас огромным спросом, и множество авторов осваивают сейчас этот жанр. Но у Джеральда Даррела нет соперников: его книги ожидаются с нетерпением и расходятся с молниеносной быстротой. В чем причина такого исключительного успеха? Мне кажется, прежде всего в обаянии самого Даррела, в его доброте, в его милом характере, в умении находить везде друзей. Но это – дух книги. А кроме духа есть еще и мастерство писателя: способность необыкновенно тонко видеть основную сущность природы незнакомой страны, подмечать наиболее характерные ее черты наряду с умением подбирать, находить удивительно верные, удивительно новые, нестандартные, подчас совершенно неожиданные, но всегда объемные средства передачи своих впечатлений и переживаний. Именно это делает повествование Даррела легким, живым и выразительным. У него счастливым образом сочетаются умение видеть и умение рассказывать, а ведь в этом-то и проявляется настоящий талант.

Главные герои книг Даррела – животные. Среди них нет противных, некрасивых, безобразных: все они по-своему хороши, и для каждого из них Даррел находит теплые слова. Именно поэтому образы животных у Даррела так сугубо индивидуальны и так до слез трогательны. Они запоминаются так, будто ты сам их видел, сам заботился о них, сам любил. После Сетона-Томпсона я положительно затрудняюсь назвать другого такого мастера анималистического

портрета.

И еще одна прекрасная черта творчества Джеральда Даррела – его неподражаемый юмор. Юмор Даррела – доброжелательный, спокойный, но тонкий и вездесущий. Юмор не как самоцель, а как жизненная философия, как способ подчеркнуть что-либо наиболее важное, наиболее типичное, как средство борьбы с трудностями. Юмористическое восприятие всего, что не касается трагической судьбы животных, составляет одну из самых привлекательных черт характера Даррела.

Нужно добавить, что книги Джеральда Даррела имеют огромную познавательную ценность. Как бы мимоходом, исподволь он может рассказать о жизни животного так много, что другому специалисту-зоологу добавить почти нечего. И все эти сведения абсолютно достоверны, далеки от претензий на сенсационность. Тому, что пишет Даррел, можно верить на сто процентов.

"Перегруженный ковчег", как я уже говорил, – первое произведение Даррела; "Гончие Бафута" – как бы продолжение, рассказ о второй поездке в Западную Африку, в Камерун. Много лет прошло с тех пор, как Джеральд Даррел странствовал по тропическому лесу и травянистым равнинам Камеруна. Много совершилось событий. Камерун обрел долгожданную свободу, в стране строят новую жизнь сыновья тех, кто сопровождал Даррела во время странствий. Но так же прекрасны остались девственные леса, и все так же звенит в них по ночам хор насекомых и древесных лягушек, а лемуры-галаго неторопливо перебираются с ветки на ветку. Молодая республика много внимания уделяет вопросам охраны природы, охраны животных, и в том, что находится для этого желание и средства, есть доля заслуги Джеральда Даррела.

В.Флинт

Примечания

1. В 1960 году Камерун стал независимым государством (путешествие Даррела относится к 1957 году).

2. Старинный испанский танец.

[^^^]